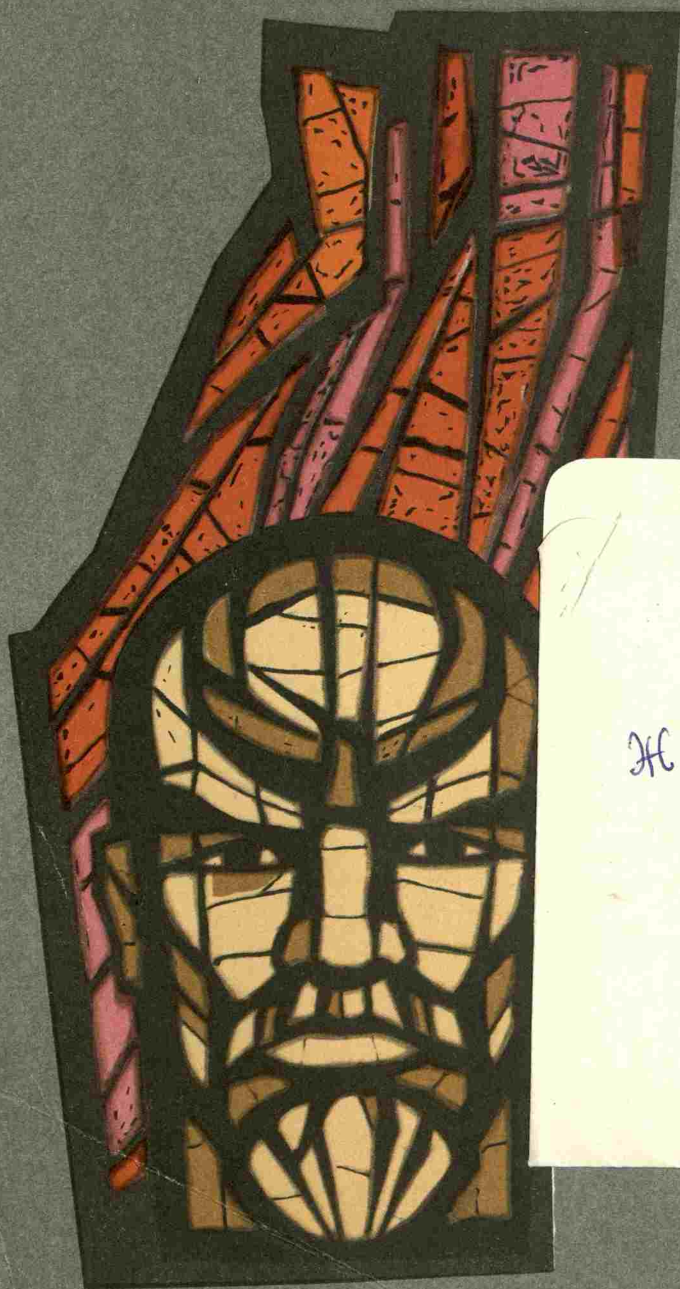
АНГАРА

2
1970
МАРТ
АПРЕЛЬ

Витраж.
Цветное стекло. Бетон.
Разм. 350 см. × 165 см.
Б. Т. Бычков. «Ленин».

АНГАРА

2 | 70

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ГОД ИЗДАНИЯ 40-Й

ОРГАН ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. 5-й Армии, № 36, Дом писателей. Телефон 4-56-76.

Восточно-Сибирское книжное издательство

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Автор улигера «Ленин-учитель» (по-бурятски Ленин-багша) Аполлон Андреевич Тороев — народный поэт-сказитель Бурятии (улигерши) живет в улусе Шунта, Усть-Ордынского национального округа, Иркутской области. До революции работал батраком у бурятских богачей, ослеп на тяжелой работе. Изумительная память сказителя хранит свыше ста тысяч стихотворных строк старинных улигеров — были, десятки народных сказок. Впервые в истории новой Бурятии А. А. Тороев создал героический улигер-былину о великом Ленине.

Несколько слов о характере стиха, которым написан улигер. Рифмы, вернее, созвучия бурятского стиха не замыкают, а начинают строку, например:

Баторы грозно шагнули,
Буреподобным голосом
Боевые сказали слова...

Значение некоторых бурятских слов, образов: багша—учитель, улигер—былина, бурхан—бог, нойон—господин, тайша—чиновник, суглан—сходка, батор—богатырь, тарбаган —сурок, улус—село, Триста голов на теле змеи... Автор улигера имеет в виду то, что династия русских царей Романовых существовала 300 лет.

Инн. ЛУГОВСКОЙ

АПОЛЛОН ТОРОЕВ

ЛЕНИН—УЧИТЕЛЬ

УЛИГЕР

1

Сгинули былые времена,
Старые худые времена!
Светлые настали времена —
Ленинские времена.

Сердце земли — народ
Свободным стал.
Печень земли — народ
Почетным стал.
Вольный советский народ
Великим стал.

Худородные степи
Хлебородными вижу,
Караванные степи
Караваи дают.

ГАЛЕРЕЯ АНГАРЫ

А. Д. ФАТЬЯНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛЕНИНИАНЫ ИРКУТСКА

Образ великого вождя человечества Владимира Ильича Ленина давно интересовал художников. В первые дни Советской власти еще не было портретов вождя. Одним из первых, известных нам в искусстве изображений Ленина является плакат, выпущенный в Иркутске в 1920 году.

Крупным планом показан здесь Ильич, держащий в руках раскрытую книгу. На одной странице ее портрет Карла Маркса, а на другой слова: «Да здравствует мировая коммуна!» К любимому вождю протянуто множество рук, как бы приветствующих мировую коммуну и стремящихся к ней. Ниже надпись: «Да здравствует вождь мировой пролетарской революции! Да здравствует основатель Российской Коммунистической партии и великий зодчий III интернационала! Да здравствует председатель Совета народных комиссаров!»

Приветственные слова

этого плаката свидетельствуют о беспредельной народной любви к Ленину, о теплом сердечном чувстве к вождю пролетариата.

По смелости и живости рисунка, строгости композиции, образной трактовке, мы видим, что плакат выполнял квалифицированный профессиональный художник. К сожалению, это первое известное нам изображение Ильича в Иркутске до сих пор остается не изученным. Не установлено нами и имя создателя интересного произведения плакатного искусства.

В Иркутском областном художественном музее хранится портрет Ленина, исполненный еще при его жизни на небольшом листке полуватмана. В правом нижнем углу авторская подпись: «Куно Гоппе 1920 год». Фон рисунка тонирован прозрачной акварелью в серый теплый оттенок. Портрет вождя выполнен пером — черной тушью в тончайшем штрихе. В световых местах белой гуашью даны блики, создающие впечатление объемности и выразительности. При создании рисунка автор пользовался известной в то время фотографией, снятой в Петрограде в январе 1918 года.

Случайное обстоятельство заставило нас заняться тщательным исследованием истории портрета Ленина. Как-то прошлым летом в Художественный музей пришел житель Иркутска Геннадий Михайлович Грошев со свертком этюдов, найденных им. Ранее этюды принадлежали иркутскому краеведу, историку и этнографу Соснов-

Дикобегущие реки
Огни подарили,
Дикостоящие горы —
Железо и медь.

Соннопустующий воздух
Стальные орлы заселили,
Сибирские расстояния
Растаяли под крылом.

Забитый когда-то нойоном,
Забытый когда-то бурханом,
Степной пастушок — отныне
Звездоносный чабан.

Пастух, не знавший рубашки
(Давным-давно с плеч слетела),
Отныне большой хозяин
Несметных богатств.

Хозяин безмежного поля,
Хозяин безбрежного леса,
Хозяин чугунных путей,
Хозяин табунных степей.

Хозяин земли своей,
Хозяин судьбы своей!
Все для него в стране,
Все для него:

Зерном наливается рожь — для него.
Заводы машины дают — для него.
Золото роют в горах — для него.
Зреют на солнце плоды — для него.

В полях тепловозы гремят — для него.
В лесах лесовозы шумят — для него.
В морях пароходы плывут — для него.
В тумане сирены ревут — для него.

Взмыл, как стрела, самолет — для него.
Вечное солнце горит — для него.
Вечный Байкал говорит — для него.
Пламя весенних цветов — для него
Песни родимых певцов — для него.

Я говорю улигер — для него...
Свой улигер о вожде
Говорю!

□ □

С тех пор, как пастух подневольный,
Подобно коню верховому,
По тракту печальной жизни
Нойона повез на себе,

С тех пор золотое солнце
Степь столько раз обходило,
Сколько в степи травинок,
Сколько волос на коне.

И видело вечное солнце,
И слышали травы степные:
Нойон оставался нойоном,
Пастух — бедняком пастухом.

Никто на земле не помнит,
Давным-давно это было,
Как лошадью стал работник,
А жирный нойон — седоком.

Но каждый видел и помнит:
Пастух через силу трудился,
И с голоду слезно плакал,
И в юрте дырявой мерз.

Нойон ничего не делал,
Смеялся в богатой юрте
И жирных степных баранов
С ножа, до отрыжки, жрал.

Давным-давно это было...
Но каждый видел и знает:
И землю, и скот, и травы
Нойоны забрали себе.

А бедняку не осталось
Даже на борозду поля,
Даже одной лесины
В сибирской великой тайге,

Даже одной коровы,
Которая степь бы топтала,
Даже собаки, которая
Юрту бы стерегла!..

Никто на земле не помнит,
Когда появилось море,
Но каждый видел и помнит:
У моря родился змей.

Родили его нойоны,
Кормили его шаманы —
На радость себе и богатство,
На зло и нужду беднякам.

И с каждым змеиным годом
На туловище змеином,
Глазами сверкнув, нарождалась
Новая голова.

Триста раз падали листья,
Триста раз вянули травы,

скому. Василий Иванович Сосновский работал в первые годы Советской власти в Иркутском научном музее (сейчас Краеведческий музей). Рассматривая бумаги ученого, мы обнаружили обычную почтовую открытку с изображением Ильича — репродукцию с оригинала Куно Гоппе, хранящегося в нашем музее. Внизу написано: «Издание Иркутского отдела Центропечати».

Некоторое время спустя в Куйтунском районе, Иркутской области, у жителя села Большой Кашелак Лэлайса найдена вторая открытка с этого же оригинала, но другого издания, вышедшего также в Иркутске в 1920 году тиражом пять тысяч экземпляров.

Работниками Художественного музея обнаружено еще одно воспроизведение оригинала Куно Гоппе в журнале «Пламя Революции» № 1 за 1920 год, изданного в Иркутске Дорполитотделом Забайкальской железной дороги.

В газете «Власть труда» от 23 апреля 1920 года — в день пятидесятилетия Владимира Ильича Ленина был опубликован тот же портрет с оригинала Куно Гоппе.

Таким образом с подлинного рисунка Куно Гоппе, хранящегося в Иркутском художественном музее, известны четыре воспроизведения в различных иркутских изданиях.

Автор портрета Ильича Куно Гоппе появился в Иркутске как военнопленный империалистической войны 1914—1915 годов. После установления Советской власти он работал в Иркутске в экспедиции го-

сударственных заготовительных бумаг, а затем выехал к себе на родину. Дальнейшая судьба художника неизвестна.

В начале 1923 года в Иркутске было создано ИЛХО —Иркутское литературно-художественное объединение, издававшее свой журнал «Красные зори». В четвертом номере журнала за 1923 год был опубликован портрет Ильича, выполненный членом этого объединения художником Константином Мозылевским в технике линогравюры. По скупому решению черно-белых пятен портрет производит впечатление броскости, лаконичности и четкости форм.

Неожиданная смерть В. И. Ленина тяжело потрясла весь трудовой народ.

Как только Иркутск получил печальное известие, в газете «Власть труда» 23 января 1924 года появился портрет вождя, выполненный художником С. Бигосом.

В 1924, на протяжении почти всего года, в газете «Власть труда» мы встречаем многие изображения Ильича. Некоторые из них подписаны: «С. Б.» и «К. М.» — «Сергей Бигос» и «Константин Мозылевский». Остальные портреты, судя по технике исполнения созданы какими-то другими художниками.

23 апреля 1924 года — в газете были напечатаны линогравюры Сергея Бигоса, отражающие разные периоды жизни Ильича.

Но не только в печати появлялись изображения В. И. Ленина. Каждая организация и предприятие считали за честь иметь у себя портрет Ильича. При-

И триста голов появилось
На пестром теле змеи.

Хитрей тарбагана нойоны,
Лукавей лисицы шаманы, —
Чтоб темный народ опутать,
Чтоб бедный народ запугать:

«Вот царь, — говорили народу, —
Он послан нам вечным небом...
Бойтесь и будьте послушны
Царю и нойонам его».

Трусливей ушкана нойоны,
Пугливей косули шаманы,
Чтоб жить им спокойно и сытно,
Охрану себе завели.

И если в простом народе
Баторы нарождались
С открытым и смелым взглядом
И непокорной душой, —

Нойоны боялись их правды,
Страшились их светлой мысли
И звали на помощь охрану,
Услужников звали к себе.

Те баторов в тюрьмы сажали,
В далекую ссылку ссылали,
Руки и ноги опутав
Синим железом цепей...

Размножилось мерзкое племя,
Питаясь народной кровью,
И жиром заплыли нойоны
На даровом корму.

2

И вот в это страшное время,
В худое для бедных время,
Родился в народе мальчик
У полноводной реки.

Родился — и нежные травы
Затрепетали от счастья,
И выше могучие плечи
Подняли кедры в тайге.

Высокое хмурое небо
В синий атлас нарядилось,
И радужными огнями
Цветы загорелись в степи.

Рожденный великим народом
Великой судьбой был отмечен,
Великим умом и сердцем,
Мощью и глазом орла.

Юношей познавал он
Правду печальной жизни,
Светлый свой ум и сердце
Все чаще спрашивал он:

«Давным-давно это было,
Но почему так случилось,
Что лошадью стал работник,
А всадником — жирный нойон?

Один на тяжелой работе
Мозолит до крови руки,
Но с голоду слезно плачет
И в юрте дырявой живет?

Другой — не шевелит и пальцем,
Но спит в разукрашенной юрте
И жирных степных баранов
С ножа, до отрыжки, жрет?»

□ □

Тут зло зашептали нойоны
И зашипели шаманы:
«Можно ли жить человеку
С таким правдивым умом?

Если найдет он истоки
Реки всенародного горя,
Реки нищеты и бесправья,
Реки подневольных слез,

Он правду о нас расскажет,
Худую для барина правду:
Худо нойонам будет,
Шаманам не сдобровать!»

И вот на своем суглане
Зломыслящие решили
Тристаголовому змею
Триста доносов послать.

И в тех ядовитых доносах
Зломыслящие просили
Крылья подсечь орленку,
Пока он не стал орлом...

□ □

Тем временем юноша мудрый,
Батор, народом рожденный,

чем об этом сообщали через газету «Власть труда». Так здесь за 7-е декабря 1924 года упоминалось, что «Бюст Ильича, изготовленный Академией художеств, прибыл и поставлен в зале горсовета».

Через неделю новые сообщения: «Поступили в продажу бронзовые и гипсовые барельефы Ильича работы скульптора из крестьян Таежного. Из подобных работ — это лучшее, что мы имеем». К сожалению, эти изображения в настоящее время не обнаружены, и мы не имеем возможности судить о них.

После смерти вождя в Иркутске устраивались многочисленные траурные митинги. Трудящиеся клялись верности идеям Ленина, Коммунистической партии и призывали к сбору средств на сооружение памятника Ленину в Иркутске. Такую идею первыми выдвинули работники ОГПУ, их поддержали милиция, работники кожзавода, железнодорожники, работники кооперативов, банков, шахтеры Лены и Черемхово. Стали отчислять однодневные заработки, устраивать ленинские воскресники — и все это в фонд создания памятника вождю.

Инициатива была поддержана работниками печати и членами ИЛХО. Уже через месяц после смерти вождя, в конце февраля 1924 года, вышел в свет сборник «Ильичу». Он был создан местными поэтами-комсомольцами, журналистами, литераторами и художниками.

Весь журнал оформлялся тремя художниками — членами ИЛХО — С. Д. Бигосом, Д. А. Болдыре-

вым-Казариным и К. В. Мозылевским.

Д. А. Болдырев-Казарин — опытный художник и критик, опубликовавший в Иркутске в 1923 году интересную брошюру «Сибирика в искусстве». Это исследование сейчас является библиографической редкостью. С. Д. Бигос, кроме работы в газете «Власть труда», возглавлял красноармейскую художественную студию при Политуправлении 5-й Армии. К. В. Мозылевский — художник-график, работавший над воссозданием городского пейзажа Иркутска в технике линогравюры. Им запечатлены памятники архитектуры Московские ворота, Белый дом, Спасская и Крестовоздвиженская церкви, здание драматического театра, помещений губисполкома, госуниверситета и другие.

Эти три опытных художника оформляли первый в нашей стране сборник, посвященный Ильичу.

Портрет В. И. Ленина на обложке выполнен Д. Болдыревым-Казариным, фронтиспис художника С. Бигоса и титульный лист К. Мозылевского. Небольшое издание предназначалось также в фонд сооружения памятника Ленину в Иркутске.

Вскоре в газете было опубликовано предложение вместо монумента соорудить через Ангару железный мост, а 9 марта 1924 года появляется заметка, окончательно утвердившая идею создания моста через Ангару как памятника Ильичу.

Там говорилось: «Когда мы мыслим о памятнике Ленину, мы должны вспомнить слова Крупской:

О жизни народа родного
С родными беседу вел.

«Я знаю, — сказал он печально, —
Я вижу, — сказал он гневно: —
И землю, и скот, и деревья
Нойоны забрали себе.

А бедняку не осталось
Даже на борозду поля,
Даже одной лесины
В обширно-великой тайге.

Даже одной коровы,
Которая степь бы топтала,
Даже собаки, которая
Юрту бы стерегла...

Нойону — земля да усадьба,
Нойону — веселье да сытность.
Бедному — голод да ветер,
Да небо над головой...

Довольно!
За всех, кто трудился
На жирного волка-нойона,
Кто с голоду слезно плакал
И в юрте дырявой мерз,

За каждую каплю крови,
За каждую каплю пота —
Я тристаголового змея
На смертный вызову бой!»

Так молвил юноша мудрый,
Батор, народом рожденный,
И молния гневной думы
Сверкнула в орлиных глазах.

Тут мать и отец сказали:
«Слова твои, сын, справедливы
И думы твои благородны,
Но выслушай прежде нас.

Ты знаешь — одним поленом
Никто костра не разводит,
Подснежником одиноким
Не украшается степь.

Смелые люди были,
Сильные баторы были,
Но змей задушил отважных
В схватке один на один.

Так слушай:
За темным лесом,

За голубою степью,
Куда на коне не доскачешь,
На крыльях не долетишь, —

Стоят высочайшие горы
С вершиной до звездного неба.
Великое Знание Жизни —
Имя вершины той.

А на вершине под камнем
Лежит золотая книга,
Два друга ее написали,
Чей разум выше вершин.

С тех пор на вершине священной
Никто из мудрейших не был,
Великую мудрость книги
Никто еще не постиг.

Но если родится в народе
Храбрейший из самых храбрых,
Мудрейший из самых мудрых —
Он книгу найдет и прочтет.

И дивное совершится:
Сила прибавится к силе,
Дума прибавится к думе
И зрение станет острей.

И он с высоты увидит
Невидимое другими.
И он с высоты узнает
Неведомое другим...»

Выслушал юноша смелый,
Батор, народом рожденный:
«Пойду, — говорит, — на вершину
И мудрую книгу найду!»

Однажды весенним утром,
Сердечно простившись с родными,
Юноша легкой походкой
Отправился в дальний путь.

Туда, где за степью и лесом
Стоят высочайшие горы,
Куда на коне не доскачешь,
На крыльях не долетишь.

Дни проходили за днями,
А он без тропы-дороги,
Без устали и без страха
Шагал все вперед и вперед.

«Большая у меня просьба, — говорит она, — не давайте своей печали по Ильичу уходить на внешнее почитание его личности, не устраивайте ему памятников, дворцов его имени...» и дальше: «Хотите почтить имя Владимира Ильича, устраивайте ясли, сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома инвалидов».

17 июня 1924 года сообщалось, что «памятником Ильичу в Иркутске будет мост через Ангару, так как к постановлению пленума горсовета присоединился губернский Совет профессиональных союзов».

В фонд моста-памятника Ильичу вносили свои средства многие предприятия, организации, учебные заведения Иркутска и представители районов губернии.

Типография и редакция газеты «Власть труда» выпустили внеочередной номер газеты, где гонорар от статей, типографские работы, даже распространение шло в фонд моста-памятника. Он был сооружен по проекту архитектора И. А. Француза.

И. А. Француз — известный советский архитектор тридцатых годов, работавший вместе с академиком А. В. Щусевым — автором проекта мавзолея В. И. Ленину. По проекту И. Француза выполнены железобетонные трибуны мавзолея В. И. Ленина на Красной площади в Москве, облицованные серым гранитом и мраморной крошкой, построен мост через Волгу в Горьком.

По замыслу автора моста через Ангару предполагалось на пьедесталах, которые имеются с обеих берегов при въезде, соору-

дить групповые композиции с фигурами борцов за Власть Советов в Сибири.

Но и до и после постройки моста мысль о создании монумента-памятника Ленину в Иркутске все же не оставляет художников. Скульптор Померанцев, в прошлом ученик известного в Москве скульптора А. С. Голубкиной, работая хранителем картинной галереи в Иркутске, задумал создать для своего родного города монументальную фигуру Ильича. Над образом вождя Константин Иннокентьевич Померанцев работал, в основном, с 1924 по 1926 год, а затем уехал в Монгольскую Народную Республику и проживал там до осени 1939 года. Позже работал директором музея Палехского искусства.

По воле судеб не суждено тогда было в Иркутске соорудить по модели Померанцева памятник Ленину. Его монумент был воздвигнут в Хабаровске.

В марте 1926 года «Власть труда» писала: «Ленинградский моделеобрабатывающий завод «Красный выборжец» предложил губисполкому соорудить памятник Ильичу в Иркутске. Завод «Красный выборжец» сейчас отливает памятник Ильичу высотой 9 аршин, памятник Свердлову для Свердловска и уже приступил к отливке колоссальной статуи Ленина по модели художника Шадра. Этот памятник предназначен в Дарьяльское ущелье близ Тифлиса. Вопрос о памятнике в Иркутске будет рассматриваться в горсовете».

Примерно в это же время из центра в Иркутск прибывает гранитный го-

И вдруг он узнал-увидел:
Сияют серебряным снегом
Высокие вечные горы
С вершиной до звезд золотых.

Хватаясь за травы густые,
За выступы скал и деревья,
На гору легче косули
Юноша-батор взошел.

Взошел и радостно замер:
Внизу в беспредельные дали
Алмазно-светлые реки
Величественно текли,

И нежно-зеленой листвою
Звенели высокие травы,
И, колыхаясь, деревья
Могущественно росли.

И здесь-то увидел батор,
И в жизни впервые вздрогнул:
Хранимая камнем священным,
Мудрая книга лежит.

Он подошел к ней тихонько,
Серебряный камень сдвинул
И золотые страницы
С волнением прочитал.

То вещее слово было:
Баторы в книге учили,
Как подневольному люду
Свободу завоевать.

Как свергнуть проклятых нойонов
Услужников их и шаманов
И тристаголовому змею
Триста голов отрубить.

И дивное совершилось:
Сила прибавилась к силе,
Думы прибавились к думе,
И зрение стало острей.

И он с высоты увидел
Невидимое другими,
И он навсегда постигнул
Неведомое другим...

Так юноша мудрую книгу
Прочел на вершине священной,
Так разгадал он тайну
Смелой и верной борьбы.

С тех пор для народов мира,
Для бедных и угнетенных

Он стал путеводной звездою,
Великим Учителем стал.

С тех пор его вещие книги,
С тех пор его ясные речи
Будили народные думы
И волновали сердца.

Старец, услышавший Ленина,
В юношу преображался.
Юноша, слушавший Ленина,
Мудрость веков постигал.

Донос получив от нойонов,
Навет получив от шаманов,
Злобной слюной подавился
Тристаголовый змей.

— Сыщите! — он крикнул стражникам.
— Схватите! — рявкнул услужничкам.
— Не схватите — тот орленок
Станет опасным орлом.

— Свяжите, пока не поздно,
В железо ноги закуйте,
В сибирскую ссылку сошлите
Его и кто за него!..

Ищут ищейки-стражники,
Рыщут собаки-услужники,
Чалых, чубатых, халзаных,
Пеганых коней оседлав.

У чалых стерлись копыта,
У чубарых осыпались зубы,
У пегих вылезли ребра —
Батора не догнать!

Чалые охромели,
Халзаные окосели,
Пеганые околели —
Батора не поймать!

Тут ринулись царские стражники,
Метнулись собаки-услужники...
Да поздно!
Славный орленок
Горным взлетел орлом...

Тем временем слово Учителя
В книгах-листах бесчисленных

рельеф Ленина. По какой-то причине он не был тогда показан, несколько лет находился во дворе на углу улиц Горького и Красной Звезды. Только в тридцатые годы был найден здесь и вскоре установлен на углу улиц Карла Маркса и Пролетарской.

Иркутяне долгое время не знали имя автора замечательного произведения искусства. Только благодаря энергии и настойчивости архитектора П. Г. Ракевича удалось установить, что гранитный горельеф является творением известного советского скульптора С. Д. Меркурова, снимавшего посмертную маску Ленина.

Несколько лет подряд Ракевич занимался поисками ваятеля. Писал письма с приложением фото со скульптуры — в музей Революции и В. И. Ленина в Москву, институт марксизма - ленинизма. Наконец, нити поисков привели к дочери покойного скульптора Меркурова, которая помогла установить автора иркутского монумента.

В этих поисках тогда принимали участие люди разных профессий и возрастов. Так «художница Н. А. Максимова, прирожденный краевед, будучи в Москве, сумела отыскать дочерей скульптора Аду Сергеевну и Марию Сергеевну... Дочери Меркурова подтвердили, что иркутское фото — это фото скульптуры Ленина, высеченной по идее их отца в 1925 году в мастерских ГИЗа»[1].

---

[1] А. Н. Гранина. Фрагмент Ленинианы. Альманах «Ангара» № 6. Иркутск, 1967, стр. 51—52.

С. Д. Меркуров подобные работы создал в двух экземплярах. Один из них сейчас стоит на площади в узбекском городе Хива, а второй находится у нас в Иркутске. Сравнивая по фотографиям эти два однотипных изваяния Ильича, мы видим, что они идентичны.

Выдающийся скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров впоследствии стал народным художником СССР и лауреатом Государственной премии СССР. Помимо многочисленных, ранее созданных статуй Л. Толстого (1911—1913 годы), К. Тимирязева (1922—1923 годы) им выполнены многочисленные памятники и статуи В. И. Ленина. Одна из фигур Ильича находится в зале заседания Большого Кремлевского дворца (1939).

Кроме гранитного изваяния Ильича работы Меркурова, Иркутск фактически не имел большого монументального памятника вождю пролетариата, хотя желание это было выражено давно, в первые годы Советской власти.

Наконец, 23 сентября 1952 года в Иркутске, на углу улиц Карла Маркса и Ленина, появляется огромная бронзовая фигура Ильича, установленная на высоком гранитном пьедестале. Скульптура изваяна выдающимся советским скульптором, народным художником СССР и Героем Социалистического Труда Николаем Васильевичем Томским. По однотипной модели отлиты были фигуры Ленина для Воронежа и Вильнюса.

Произведения Томского проникнуты реализмом и глубокой идейностью. Сейчас по модели президента

Сильней поднебесного грома
Гремело по всей земле.

То слово услышали баторы,
Доблестно-смелые воины,
Мужественно-решившие
Бороться за бедный народ.

«То, что искали — найдено! —
Сказали баторы радостно. —
Пойдем же скорей к Учителю,
К могущественному пойдем.

Пойдем да поучимся знанию,
Великой и вечной мудрости,
Чтоб наши сердца и помыслы
И силы объединить!»

В обход змеевидным стражникам.
Шли баторы легкой поступью.
Пришли и с Учителем встретились,
Сердечно их встретил он.

Заветным словом приветствовал,
Дивной занял беседою
И руку на вечную дружбу
Им горячо протянул.

И просто и задушевно
Сказал им, как равный равным:
Поднимем народ на победу,
К счастью народ приведем!

И на прощанье о дружбе
Дал им наказ бессмертный:
В бою ли, в тюрьме ли, в дороге ли —
Друг друга не забывать.

Ибо одним поленом
Костра никто не разводит,
Подснежником одиноким
Не украшается степь.

Выслушав, баторы встали,
С Учителем попрощались
И с новою верой и силой
Отправились в трудный путь:

По городам и улусам,
Стойбищам и кочевьям
С пламенным словом Учителя,
С вещим наказом его...

Слушая слово Учителя,
Немые заговорили,
Глухие услышали правду,
Слепые увидели свет.

Бездумные стали думать,
Бескрылые окрылились,
Забитые осмелели,
Безногие поднялись...

Злые собаки, вскормленные
Объедками с кухни нойонов,
Услужникам указали,
Где вещий учитель живет.

И вот он в железо закован
И в дальнюю ссылку отправлен —
В холодные степи Сибири,
В глухой позабытый улус.

Но и в далекой ссылке
Учитель не падал духом,
Неутомимо работал,
Бесстрашные книги писал.

Но и в печальной ссылке
Любимым он был человеком,
Желанным и добрым гостем
В каждой бедной семье.

Огонь разрушает камень,
Дружба двигает горы:
Могущественные баторы
К Учителю тайно шли.

И думы его и письма
По всей земле разносили —
По стойбищам и улусам,
Кочевьям и городам.

Время пришло. Учитель
Великое дело задумал.
Железом на камне высек
Вещее слово: «Пора!»

«Пора!» — зашептали травы,
«Пора!» — зашумели деревья
И солнце, и ветер, и тучи —
Все повторили: «Пора!»

«Пора!» — прочитали баторы,
Доблестно-смелые воины,
И миллионы трудящихся
Ответили им: «Пора!»

Пора бить нойонов и ханов,
Стражников и услужников

Академии художеств СССР установлена новая огромная статуя Ильича на центральной площади столицы ГДР.

Спустя семь лет в новом районе города, на площади около здания Иркутской ГЭС, 6 ноября 1959 года состоялось открытие еще одного бронзового памятника В. И. Ленину работы скульптора П. П. Яцыно.

Иркутские художники разных поколений много работали над ленинской темой. Талантливый и самобытный живописец Алексей Петрович Жибинов, воспитанник Иркутской художественной студии двадцатых годов, затем работавший здесь преподавателем, еще до Великой Отечественой войны задумал большое полотно «Песнь о Ленине». Вот, что писал об этом сам художник: «В 1940—1941 годы я отважился начать работать над давно волнующей мое сознание темой: «Песнь о Ленине». Делаю эскизы, в каникулярное время еду в Москву, в музей Владимира Ильича Ленина, изучаю материалы о нем. Но война 1941 года прерывает работу. Я вынужден оставить кисть и взяться за оружие. С 1941 по 1945 год включительно нахожусь на передовой линии фронта. К концу 1945 года возвращаюсь с войны. Продолжаю работать над «Песней о Ленине». Делаю новый эскиз. Вижу необходимость восстановить то, что в результате войны потеряно мной в мастерстве. Пишу серию натюрмортов с пейзажем, как средство восстановить и развить мастерство, накопить силы для работы... Сейчас все мои усилия сосредото-

чиваются на работе «Песнь о Ленине». Этот труд рассчитан мной на много лет»[1].

«Песнь о Ленине» художник считал самой ответственной в своем творчестве, а поэтому в его наследии мы находим огромную массу рисунков, набросков и эскизов. Большие картоны, написанные маслом, говорят об упорной и настойчивой работе художника. На одном из эскизов мы видим Ленина в окружении соратников по партии, а в направлении его призывно вскинутой руки идут огромные массы людей, стремглав мчатся всадники. На другом эскизе Ильич в такой же позе, но впереди идут массы со знаменами торжественно и радостно, как бы славя победу народа над угнетением и рабством. На третьем — Владимир Ильич на трибуне, и вокруг его многочисленные группы людей. Лицо вождя строгое и в то же время обаятельное, решительное и вдохновенное.

Алексей Петрович Жибинов не имел счастья лично видеть вождя. Но, несмотря на это, целью всей его жизни было создание ленинского образа. Жибинов мечтал написать так, чтобы зритель разумом и сердцем воспринял и почувствовал идею художника, чтобы картина действовала на эмоции зрителя, заставляла его еще более глубоко понять величие, человечность и значение любимого вождя.

Просматривая сейчас от-

---

[1] Рукопись А. П. Жибинова. Архив Иркутского областного художественного музея.

И трехстаголовому змею
Триста голов отрубить!

«Пора!» — загремело небо,
«Пора!» — забурлило море,
И грозное горное эхо
Ответило всем: «Пора!»

Тревожные вести услышав,
Донос получив от нойонов,
Со страху слюной подавился
Тристаголовый змей.

Собрав на суглан свой змеиный
Нойонов, шаманов и ханов,
Велел на мятежных баторов
Черные силы поднять.

Узнав, что не хватит стражников
Нойонских собак-услужников,
Велел иноземную силу
На помощь позвать-нанять.

И вот посредине земного
Тысячаверстного поля
Сошлись два великих войска
На смертный, на страшный бой.

Здесь — пастухи и рабочие
И баторы всенародные.
Там — иноземцы и стражники
И тристаголовый змей.

Сошлись порешить оружием,
Жиреть ли нойонам по-прежнему,
И жирных степных баранов
С ножа, до отрыжки, жрать?

А пастуху и рабочему
Работать на них до усталости
И с голоду слезно плакать,
И в юрте дырявой жить?

Бурей над полем рвануло,
И молнией мир осветило, —
Все поняли,
Все узнали:
Ленин на битву пришел.

Высокий, выше Саянов,
Светлый, светлее солнца,
Ростом до синего неба,

Он величаво встал.
Народ трудовой и баторов
Учитель сердечно приветствовал
И каждому воину крепко,
По-дружески руку пожал.

И каждый по нашу сторону
Смотрел на Учителя радостно,
А черные силы — со злобой,
От ужаса окаменев.

Тут дрогнуло синее небо
От громового раската,
И кедры в тайге зашатались
До вековых корневищ.

И голос могучий, как буря,
Ударил о снежные горы, —
То славные наши баторы
Ринулись в смертный бой.

Хватаясь рукой за небо,
Другой опираясь о землю,
Столетние сосны и скалы
Бросали они на врагов.

Стреляли — и мощные стрелы
С ревом пронзали горы,
Рубили, и поле сверкало
Молниями мечей.

И там, где холмы стояли,
Ямы образовались,
И там, где темнели ямы,
Нагромоздились холмы...

Четыре огненных года
Гремела кровавая битва.
Не выдержал страшного боя
Тристаголовый змей.

И вот, задыхаясь от страха,
Баторами гонимый,
Бежал он, теряя головы,
По необъятной стране.

Но не было змею спасенья
От всенародного гнева —
За долгие годы неволи,
За вековую нужду.

И если он падал в реки,
Рыбы его терзали,

дельные рисунки пером, кистью, эскизы и беглые кроки набросков отдельных частей задуманного полотна, мы явственно представляем себе, с каким упоением Жибинов добивался желаемого, сколько трудов отдано художником поискам максимальной выразительности произведения.

В мастерской Жибинова уже намечались контуры большой композиции «Песни о Ленине». Казалось бы, все шло хорошо. Вдохновленный образом Ильича художник с упоением работает над картиной. Но какой-то миг и... он уничтожает полотно, решает идти другим путем. И вновь бессонные ночи и новые поиски.

Являясь членом Коммунистической партии, беспредельно любя вождя, его идеи, мысли и воззрения, Алексей Петрович мечтал создать такую картину, чтобы она действительно была песней о Ленине, легендарной поэмой о вожде.

Художнику не удалось завершить картину. Она осталась только в эскизах и набросках. Но многочисленные варианты, переделки и перекомпоновки говорят о том, что он глубоко и ответственно относился к задуманной поэме о Ленине.

После Великой Отечественной войны Жибиновым исполнены многочисленные натюрморты, пейзажи, портреты, эскизы. Все это художник считал совершенствованием в мастерстве, подготовкой для ответственной работы. Даже серия байкальских работ, посвященных сплавщикам леса, или эскизы и

этюды к задуманной картине «Землепроходцы — основатели Иркутска» — это тоже, как он говорил, подготовительные работы к «Песне о Ленине».

Еще в годы Великой Отечественной войны иркутский живописец Степан Михайлович Развозжаев (сейчас проживает в Ангарске) задумал написать картину «Сухэ-Батор у В. И. Ленина». Художник собирал материал, разыскивал документы и национальные костюмы, изучал обстановку для того, чтобы правдивее отобразить исторически важную сцену встречи вождей двух народов. На основе тщательного изучения документальных источников Развозжаев написал картину, изображающую посещение Ленина в 1921 году делегацией монгольского народа во главе с ее вождем Сухэ-Батором. Здесь художник запечатлел исторический момент подписания первого советско-монгольского соглашения 5 ноября 1921 года о вечной и нерушимой дружбе.

Степан Михайлович не бросает этой темы и по настоящее время. Им написано много разнообразных вариантов. Художник продолжает трудиться над образом Ленина и дальше.

Несколько лет назад на областной выставке в Иркутске мы видели картины «Важный гость», «Возвращение Ильича из сибирской ссылки» — Евтихия Александровича Конева. Но, как считает сам автор, ему не удалось глубоко раскрыть образ вождя.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина отдельные художники Иркутска работали над про-

В лесу укрывался — медведи
Яростно грызли его.

К югу стремился — стрелы
Со свистом его догоняли.
На запад бежал — мечами
Злодея рубили с плеча.

Не было змею спасенья!
Бессильный, с одной головою,
Он, задыхаясь от страха,
Ринулся на Восток.

Но нет и сюда дороги!
Реки дорогу размыли!
Грозные волны Байкала
Встали навстречу ему.

Тут баторы змея настигли,
Схватили за пестрое горло
И, мерзкую голову вывернув,
Бросили в Ангару.

Река Ангара могучая
Последнюю голову змея,
Без памяти и без имени,
В море, шумя, унесла...

Так кончилось царство змеиное,
Так сгинуло царство позорное
Нойонов, шаманов и ханов,
И жирных собак тайшей.

Так власть наступила Советская,
Так власть наступила правдивая,
И высохли слезы народные,
И счастье к народу пришло.

В тот час быстрокрылый ветер,
Кочующий с места на место,
По всем поднебесным странам
Великие вести разнес:

Радуйтесь все, кто работал,
Мерзнул и с голоду плакал,
Ибо в бою Справедливый,
Могущественный победил!

Меж тем победитель смерти,
Всесильнейший вестник жизни,

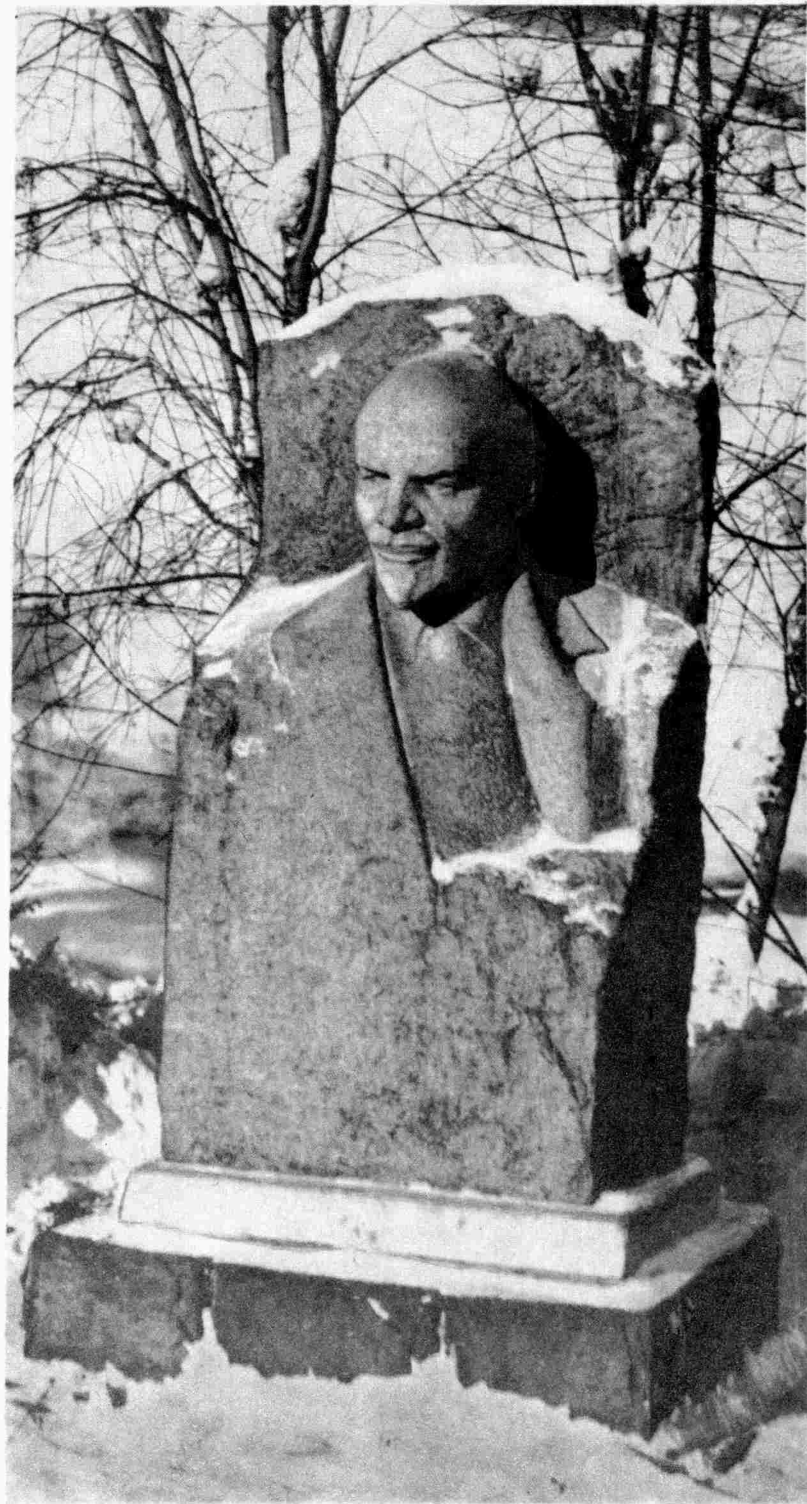

Неизвестный художник. Плакат
«Да здравствует мировая коммуна!» 1920 г.

Куно Гоппе. В. И. Ленин. 1920 г.

Группа работников иркутского ОГПУ у горельефа В. И. Ленина, обнаруженного ими во дворе одного из домов в Иркутске. 30-е годы.

Меркуров. Горельеф
В. И. Ленина. Гранит.

Томский. Памятник В. И. Ленину в Иркутске 1954 г.

изведениями, посвященными любимому вождю.

Живописное полотно А. И. Алексеева «Клятва» и витраж Б. Т. Бычкова «В. И. Ленин» привлекли к себе внимание зрителей на зональной выставке «Сибирь социалистическая», проходившей в Красноярске. Эти работы затем были приняты на выставку «Советская Россия».

В небольшой статье мы не смогли осветить всего того, что из произведений изобразительного искусства, созданных в Иркутске, посвящалось ленинской теме. Еще не установлено многое. Изучением этого важного раздела сейчас занимаются научные сотрудники Иркутского областного художественного музея.

Иллюстрации к статье см. на вклейке.

Могучих своих и отважных
Баторов подозвал.

Меж тем сокрушитель нойонов,
Великий Учитель народов,
Любимых своих и мудрых
Баторов подозвал.

И слово сказал им заветное:
«Храните родные Советы,
Народную славу и силу
Умножьте в тысячу раз.

Пусть люди работают вместе,
Пусть люди работают дружно,
Ибо одним поленом
Никто не разводит костра.

Пусть станет земля плодородна
И многоводны реки,
И на полях беспредельных
Шумят золотые хлеба.

И пусть на земле и в небе,
На океанах и реках
Могущественные машины
Громоподобно пойдут.

Пусть каждый грамотным станет,
Почетным и сильным будет,
Честным, правдивым и смелым
Батором нашей страны.

Пусть множатся наши богатства,
Пусть ширится наша слава,
И солнце свободной жизни
Сияет над нашей страной!..»

□ □

Вечные звезды!
Как много
Над степью бы вас ни сияло...
На родине нашей больше
Ленинских учеников.

Вечные сосны!
Как много
В тайге бы вас ни шумело...
На родине нашей больше
Неисчислимых богатств.

Вечные горы!
Вы к небу
Вершины свои устремили...
Но выше вас Ленин — учитель —
Видит его вся земля!

Вечное солнце!
Я знаю
Ты Ленину уступаешь:
Ты землю не всю освещаешь —
Светит он всей земле!

Ленин-учитель,
Ты — с нами,
Ты жить на земле будешь вечно,
Как вечно вращается солнце
И ветры,
И воды шумят!

Перевел с бурятского
Инн. Луговской.

А. Калинин, В. Балдаев

ШУШЕНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Документальная повесть

Вспомнят добром нас счастливые дети,
Вспомнит родная страна!

(Из стихотворения, изъятого при аресте у Леонида Проминского в 1907 году на ст. Зима.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У ПОДНОЖИЯ САЯН

Встреча

Знойный июньский полдень. Ни ветерка, ни звука в раскаленном воздухе. Только слышно, как по спицам колес шуршат сухие стебельки, и Яну чудится сквозь дремоту, словно кто-то нашептывает: «Шушь... Шушь... Шушь...» Охапка свежескошенной травы, брошенная ямщиком в телегу, успела подсохнуть и теперь источает аромат. Луговые запахи напоминают далекое детство...

На косогоре колесо наехало на каменистый грунт и телегу со скрежетом отбросило . Ян встрепенулся и не сразу пришел в себя.

Ругнувшись на бурую от пыли и пота лошадку, ямщик буркнул не оборачиваясь:

— Скоро отмаемся. Шушь-то недалече.

Приподнявшись на локтях, Ян огляделся. Вроде и попривык он к неожиданностям за долгие дни пути. Проехал почти всю Россию, видел громады Уральских гор, обширную равнину к востоку от них, успел налюбоваться таежными чащами. А здесь все совсем другое. Огромные лобастые сопки, обнаженные скалистые склоны, широкие долины между ними. Ослепительная гряда Саян, которая где-то в немыслимой вышине подпирает небеса. Все крупно, объемно, и все погружено в непривычную и загадочную тишину. Ни деревеньки на десятки верст вокруг, кажется, и в лесах замерла всякая жизнь. Только суслики встречают их и, смешно вытянувшись на задних лапках, провожают странным цокающим свистом. Ян улыбнулся в запорожские усы, сравнив этих зверьков с солдатами, ставшими во фрунт перед начальством.

Ямщика тоже разморила жара.

Чтобы разогнать дремоту, Ян решительно спрыгнул с телеги и пошел рядышком.

— Напрасно, пешака-то, — заметил ямщик, — под горку сейчас покатим. Шушь-то в-о-она, видать уже.

Всмотревшись, Ян отыскал темные квадратики изб, разбросанные между блестящими лентами проток. Посредине села белела в знойном мареве церквушка.

Ян торопливо забрался на телегу и до самой околицы просидел молча. Также молча въехали они на окраинную улицу, протряслись по бугристой колее мимо приземистых темных избушек, миновали каменную церковь и остановились у большого дома.

— Тпрруу! — неожиданно зычным басом прикрикнул на лошадь ямщик и, кивнув в сторону дома, пояснил: — Отседа и зачнете вашу жисть. Надо по первости к начальству явиться.

А на улице ни души. Только в тени, под завалинками, барахтаются в пыли одуревшие от жары куры.

Пока ямщик возился у коновязи, Ян поднялся на крыльцо и прошел через полутемный коридор в комнату. В лицо дохнуло прохладой и застоявшимся запахом цвели. В доме никого не оказалось, и ему пришлось довольно долго просидеть в ожидании начальства. Комната вместительная, но обставлена скудно: шкаф, обшарпанный стол да длинные лавки вдоль стен. Напротив двери в простенке почерневший от времени царский портрет, в углу икона с зажженной лампадкой.

Наконец явился щеголеватый человек. Просмотрев предписание Минусинского исправника, равнодушно уточнил:

— Ян Лукич Проминский? Поляк? — И, не дожидаясь утвердительного ответа, снисходительно посоветовал: — Устраивайтесь, пан Проминский. Завтра староста запишет вас в книжку и возьмет под свое наблюдение.

— А где пан писарь прикажет поселиться? — съязвил Ян, возмущенный таким приемом.

— Где хотите, квартира для вас не приготовлена. — Желая показать, что разговор окончен, писарь поднялся из-за стола и направился к выходу. Ямщик, заметив невеселую мину на лице ссыльного, когда тот появился вслед за писарем на крыльце, посоветовал:

— Сюда недавно прибыл политический ссыльный Ульянов. Может, выручит друга по несчастью.

Найти местожительство Ульянова оказалось делом нетрудным. Мальчонка, встретившийся Яну неподалеку от волостного управления, назвал фамилию крестьянина, у которого квартировал политический ссыльный.

— Аполлон Зырянов, — повторил про себя Ян Лукич. — Странное имя. Откуда оно в этой сибирской глуши?

Войдя в дом Зырянова, он увидел пожилую женщину.

— Здравствуйте.

— Проходите в горницу. Постоялец дома.

Послышались торопливые шаги, и в комнату вошел человек с небольшой рыжеватой бородкой.

— Вы ко мне, товарищ?

— Да. Посоветовали к вам обратиться.

Хозяин пригласил его в комнату.

— Видимо, с дороги сейчас? Из административных ссыльных?

— Только что приехал. Сидел в Бутырках с Глебом Максимилиановичем Кржижановским.

— А как вас зовут?

— Проминский.

— Помню, помню. Мне Глеб рассказывал, — обрадовался Ульянов. — Вас, кажется, Иваном Лукичом звать?

— Так...

— Вот и преотлично. В таком случае будем знакомы. Владимир Ильич... Ульянов. Впрочем, фамилия вам известна. Значит, будем жить вместе.

Он энергично пожал руку гостю.

— Теперь нас в Шуше будет двое. Это хорошо.

...К вечеру с помощью Владимира Ильича удалось устроить Яна в семью одного из бывших участников польского восстания 1863 года Коревича, сосланного в свое время в далекую Сибирь.

В эту ночь долго не приходил сон к Яну Лукичу. Одолевали думы: как-то сложится жизнь на новом месте, чем заняться в этой глуши, сумеет ли он прокормить семью?

ЕВГ. БАНДО

БЫЛИ ЗЕМЛИ УСТЬ-ИЛИМСКОЙ

Хроникальный репортаж со строительства Усть-Илимской ГЭС

Жила в думах и планах сибиряков мечта о большом Ангарстрое, рожденная великим ленинским планом электрификации России. В материалах к плану ГОЭЛРО высказывалось твердое убеждение о большом будущем Ангары и всего Приангарского района.

Просматривая материалы комиссии по подготовке плана ГОЭЛРО, В. И. Ленин в марте 1920 года внес поправку всего из четырех букв. В предложении комиссии «...а в Сибири принимается во внимание...» Владимир Ильич вставил слово «пока» и предложение стало читаться «...а в Сибири пока принимается во внимание только западная ее часть, — т. е. губернии и области, которые прилежат к Уралу и тесно связаны с уральским хозяйством»[1]. Эта ленинская поправка открыла перспективу использования исполинских сил Ангары, неисчислимых богатств Приангарья — золота, железа, слюды и других ископаемых для блага народа.

Уже в первых изысканиях и проработках проектов гидроэнегостроительства на Ангаре фигурировал Усть-Илимский гидроузел, именовавшийся в ту пору Шаманским, с крупной гидроэлектростанцией и комплексом промышленных производств.

[1] Труды Государственной Комиссии по электрификации России. ГОЭЛРО. (Документы и материалы.) М., Соцэгиз. 1960, стр. 83—84.

«Началось как-будто неплохо», — размышлял он, вспоминая недавние часы знакомства с Шушью. Писарь в счет не шел. Приятное впечатление осталось от встречи с Ульяновым. Правда, на вид слишком молод, но есть в нем что-то подкупающее. Никак не подумаешь, что перед тобой политический ссыльный, брошенный в таком возрасте в далекую глухомань. Ни тени уныния, растерянности. Напротив, весь он — сгусток энергии. Особенно выразителен его быстрый и твердый взгляд.

Ян Лукич только сейчас припомнил, что в Бутырках слышал имя Александра Ульянова, казненного за покушение на царя.

«Значит, это родной брат Владимира Ильича», — осенила его внезапная догадка. И точно. Глеб и Базиль[1] не раз упоминали в разговоре Ульянова, которого почему-то звали между собой «стариком» и который был приговорен по одному с ними делу к ссылке в Сибирь.

— Однако на сегодня хватит. Поживем — увидим, — решил, засыпая, Ян Лукич.

...Вот и встретился он с Шушью. А впереди — неизвестность. Но почему-то верилось: все наладится.

---

[1] Так называли товарищи Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова.

А потом была горячая пора строительства и радость пуска первенца ангарского каскада — Иркутской ГЭС. Пятью годами позже дала ток крупнейшая в мире Братская ГЭС — вторая ступень каскада. Теперь она уже превзошла проектные параметры и стала красой и гордостью советской энергетики, меккой шестидесятых годов XX века.

И вот настала пора Усть-Илимской...

1. Первое жилье первопроходцев Усть-Илима.

Знакомство состоялось

Утром Ян Лукич поднялся вместе с хозяевами. Наскоро позавтракав, он вышел прогуляться по селу.

За дальними избами стлался легкий туман, как бы унося с собой прохладу короткой летней ночи. Хотелось пройти за околицу, туда, где густо зеленел хвойный лес. А может, пока податься на речку, Шушенкой называли ее вчера в семье Коревичей.

— Нет, успеется, — подумал Ян Лукич. Вспомнил о приглашении Ульянова, но, чтобы не быть ранним гостем, решил поколесить по деревенским улочкам.

Убогие домишки с подслеповатыми оконцами сиротливо жались вдоль ухабистых пыльных проулков. Попадались и добротные строения, обнесенные высокими заборами. Но они выделялись редкими островками на фоне темного однообразия ветхих избушек.

— Видно, везде так, — подумал Ян, вспомнив о своей деревеньке Альберты в далекой Петроковской губернии.

Сделав изрядный крюк, Ян Лукич вышел к церквушке, торопливо миновал волостное управление, откуда, по выражению ямщика, и началась вчера его жизнь в Шушенском, и направился к Зыряновым.

Во дворе встретил его сам хозяин — Аполлон Долмантьевич.

ГОД 1959.

В селе Невон обосновалась комплексно-изыскательная партия (КИП) Ангарской экспедиции Московского государственного института проектирования электростанций и подстанций. Ее назначение: изучить район Толстого мыса, как наиболее перспективный для сооружения гидроузла.

В печати все чаще упоминается Усть-Илим, появляются фотографии Толстого мыса, трех Лосят — островов, что словно стражи стоят у Толстого мыса, Ангара в широком разливе. И молодежи не терпится. Вот уже летят на Усть-Илим три парня — демобилизованные воины Александр Зуев, Михаил Стовбер, Василий Нарожный с комсомольскими путевками на строительство ГЭС. А стройки еще нет. Друзья остались в Невоне, построили небольшую электростанцию в местном колхозе.

ГОД 1960.

К Толстому мысу направляются все новые и новые изыскательские партии. Одни определяют направление будущей линии высоковольтных электропередач Братск — Усть-Илим, другие изучают ледо-термический режим Ангары, по нехоженой илимской тайге идут изыскатели линии железной дороги, колонна автомашин пробивается из Падуна на Карапчанку.

2 сентября. Государственная комиссия, изучив все материалы исследований и широкой дискуссии в печати, приняла окончательное решение: признать лучшим створ Усть-Илимской ГЭС у Толстого мыса.

ГОД 1961.

Закончены основные изыскательские работы на трассе будущей железной дороги Хребтовая — Усть-Илимская. Она пересечет богатые лесные массивы, пройдет вблизи крупного рудногорского месторождения железняка, свяжет район строительства ГЭС через Ленскую дорогу с Транссибирской магистралью.

ГОД 1962.

В Ленинградском институте Гипролестранс разработана схема очистки от леса

— А постояльца-то моего нету. Раненько поднимается и айда в поле.

Ян Лукич засобирался уходить, но стукнула калитка, и показался улыбающийся Ульянов.

Пока Варламовна, мать Аполлона Долмантьевича, подавала чай, Владимир Ильич занимал гостя разговорами.

— Люблю с утра побродить по лугам. На весь день зарядка. Воздух в здешних местах хорош, чистый, как в Швейцарии. Рассказывайте, дорогой Иван Лукич, рассказывайте. Второй месяц словно взаперти сижу. Ни одной живой души из наших краев. А почта доставляется архибезобразно.

«С чего же начинать?» — размышлял Ян Лукич, пока Ульянов расставлял на столе скромный завтрак.

— Я не добже розумею по-русску. Так вы уж извините — как смогу.

Путая польские и русские слова, а иногда прибегая к немецкому, которым владел недурно, Ян Лукич поведал о себе, о короткой пока биографии лодзинского социал-демократа, о товарищах, с которыми свела его судьба за время этапных мытарств.

...К революционному движению Ян Лукич примкнул поздновато, почти в тридцать лет, когда работал на фабрике шляпником. В восьмидесятых годах вместе с братом Анджеем принимал участие в работе подпольной организации «Социал-демократов Королевства польского», которая

зоны будущего Усть-Илимского водохранилища. На площади 200 тысяч гектаров предстоит вырубить и вывезти 13 миллионов кубометров древесины.

28 февраля. Бригада лесорубов Сергея Неупокоева начала вырубку просеки для автодороги Братск—Усть-Илимская ГЭС. Ее протяженность 250 километров. Строителям предстоит убрать полмиллиона кубометров леса, пересечь 50 рек и речек, выполнить около шести миллионов кубометров земельно-скальных работ.

30 апреля. В Москву направлены материалы по законченным изысканиям к проектному заданию на строительство Усть-Илимской ГЭС.

8 июня. Управление Братскгэсстроя получило указание от Министерства энергетики и электрификации СССР начать подготовительные работы к строительству третьей ступени Ангарского каскада Усть-Илимской ГЭС.

22 августа. Приказом № 261 по Братскгэсстрою начальника строительства Наймушина И. И. созданы Управление строительства Усть-Илимской ГЭС, необходимые отделы, СМУ и прорабства по подготовке к строительству станции.

На осуществление этих работ направляется 200 строителей Братской ГЭС.

25 августа. Исполком областного Совета депутатов трудящихся обсудил предварительный вариант схемы районной планировки Усть-Илимского промышленного района в связи со строительством ГЭС. В нем предусматривается строительство в районе будущего гидроузла города на 135—150 тысяч человек, размещение крупного лесопромышленного комплекса, предприятия электрохимии, прокладка в район строительства линии железной дороги.

16 октября. В Братске состоялось первое собрание партийной организации строительства Усть-Илимской ГЭС. В парторганизации — 40 коммунистов, в коллективе стройки — более 500 рабочих.

23 ноября. К створу будущего гидроузла прибыла вертолетом первая группа рабочих-гидростроителей: Иннокентий Перетолчин (бригадир), Евгений Александров, Григорий Притуло. Следующим рейсом вертолет доставил Петра Давиденко, Анатолия Субботина, Максима Ушацкого, Александра Ведерникова.

возникла в 1893 году в Привислянском крае вместо существовавших до нее революционных групп «Пролетариат» и «Союз польских рабочих». Новая партия зародилась на волне первомайских выступлений лодзинских рабочих в 1892 году. Эти выступления вылились во всеобщую стачку шестидесяти тысяч рабочих Лодзи и ее окрестностей. В числе стачечников был и Ян Проминский.

В крупных промышленных центрах устраивались сходки рабочих, произносились гневные речи со словами протеста против гнета царского самодержавия.

Одновременно нащупывались новые нити организационного порядка. В разных уголках Привислянского края создавались рабочие кружки с определенной программой действий. Рабочим движением в столице руководил «Рабочий комитет». Подобные же комитеты действовали в Лодзи, Белостоке и других городах.

На выпуск печатных изданий шли денежные средства, полученные от обязательных взносов, учрежденных решением комитетов.

Заслуживающий внимания эпизод приводится в докладе департамента полиции, составленном 14 августа 1896 года, где речь идет о деятельности революционных кружков, и в частности, об участии в ней Проминского.

«...Летом 1894 года, вскоре после праздников святой троицы, в лесу

2. 4 декабря 1962 года на вершине Толстого мыса был поднят красный флаг — символ новостройки.

* * *

За первое полугодие подготовительных работ коллектив строителей Усть-Илимской ГЭС вырос до 1200 человек, у Толстого мыса трудится 55 человек. Там стоит три палатки и каркасы еще для четырех палаток.

Между Братском и Толстым мысом построено более 150 километров автомобильных дорог, вырублено более 100 километров просеки.

ГОД 1963.

26 марта. Братск соединен с Толстым мысом — бригада дорожников Николая Юдина проложила путь от Эдучанки до створа ГЭС.

Май. В будущем Усть-Илимске открыты баня, пекарня, столовая, магазин.

20 июня. К Толстому мысу пришвар-

возле фабрики Шейблере состоялось собрание... Молодой человек, приехавший из Варшавы, на собрании этом поучал, как следует агитировать среди рабочих при посредстве книжек и воззваний, говорил, что рабочие должны стремиться к ниспровержению в России самодержавного образа правления с целью достижения желательных вольностей и улучшения своего быта, и называл рабочих социал-демократами. При этом он настаивал на учреждении кассы для целей сообщества и при избрании заведывающего кассой кружка указал на поляков Проминского и Кончуцкого, как желательных кандидатов в заведывающие...»[1].

В другом месте доклада говорится о том, что Ян Проминский присутствовал на сходках партии, получал квитанции для сбора денег в кассу и распространял революционные издания.

9 октября 1894 года Проминский с некоторыми товарищами по подпольной работе был арестован за распространение книжек и еще «кое за что», как выражались жандармы. А это «кое-что» представляло собой несколько номеров польской революционной газеты «Справа Работница» («Рабочее дело»), которые прислала в Лодзь из Парижа Роза Люксембург.

Начались допросы, на которых Ян держался мужественно и не при-

[1] Новая и новейшая история, 1960, № 3, стр. 88—91.

товался караван судов, прошедших из Братска через все преграды, в том числе «неприступный» Ершовский (Шаманский) порог.

Гидрогеографическая экспедиция Ленинградского института Ленгипроречтранс между Братском и Невоном выставила по Ангаре судоходную обстановку, сделала промеры сложных участков пути, провела траление судоходных ходов.

Строителям Усть-Илимской открыт сквозной водный путь от их основной базы — Братска.

ГОД 1964.

10 февраля. Смонтированы первые 60 километров провода на строящейся ЛЭП-110 Братск—Усть-Илимск.

10 марта. Семь буровых вышек стоят в створе будущей ГЭС. Бурение ведется со льда. Все новые и новые керны диабаза подтверждают: здесь надежное основание для сооружения мощного гидроузла.

1 июля. На голубой трассе Братск — Невон 15 теплоходов снабжают новостройку материалами, конструкциями, сборным железобетоном.

5 июля. Это было необычно и волнующе: к берегу Ангары причалил катер с баржей, вскоре ставшей сценой. За роялем аккомпаниатор — композитор Александра Пахмутова, а ее песни исполнял известный певец Иосиф Кобзон. Зрители — жители Усть-Илимска — расположились на пригорке. Над рекой неслись звуки и слова песни, ставшей родной:

Усть-Илим на далекой
таежной реке,
Усть-Илим от огней
городских вдалеке.
Пахнут хвоей зеленые
звезды тайги,
И вполголоса сосны
читают стихи.

17—20 декабря. В поселке гидростроителей заселено первое общежитие на 60 человек, связисты пустили в действие АТС на 200 номеров и подготовили радиотелефонную связь с Братском.

ГОД 1965.

12 января. Исполком Иркутского областного Совета депутатов трудящихся утвердил рабочий поселок Усть-Илимский в составе Братского района. В него включена вся территория Невельского сельского Совета.

знавал за собой никакой вины. Его заключили в Петроковскую тюрьму, где он пробыл семь месяцев, показавшихся ему бесконечно долгими. Не добившись признаний, а тем более раскаяния, Яна Проминского переводят в Москву, в Бутырскую пересыльную тюрьму.

Здесь департаментом полиции было заведено на него дело, содержащее такие данные:

Фамилия, имя и отчество — Проминский Иван Лукашев.

Звание и происхождение — лодзинский мещанин.

Вероисповедание — католическое.

Время и место рождения — 25 ноября 1859 года в д. Альберты, Ческой волости, Бржезинского уезда, Петроковской губернии.

Место воспитания — домашнее.

Занятия и средства к жизни — чернорабочий, личный труд...»[1].

Ян Лукич по счастливой случайности попадает в одну камеру с Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым и А. А. Ванеевым, осужденными по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Ульяновым. Здесь же находился и П. Н. Лепешинский, взятый полицией год назад по подозрению в социал-демократической «преступной» деятельности.

---

[1] Новая и новейшая история, 1960, № 3, стр. 102.

---

1 мая. Открыто движение на 130 км автодороги Братск — Усть-Илимск.

К пролетарскому празднику сдано в эксплуатацию 882 квадратных метра жилья.

24 августа. Первый взрыв на острове Лосенок. С острова начата отсыпка дамбы и продольной перемычки.

29 августа. Шофер Владислав Иншин и слесарь Анатолий Лаптев вышли из поселка Седаново на выходной поохотиться, а вернулись.... через 27 дней. Сбившись с пути, они заблудились в тайге,

1 сентября. В двухэтажном здании открыта новая школа. Днем в ней учатся 120 малышей, в вечерние часы за партами 180 строителей. В школе взрослых многие преподаватели — молодые инженеры.

4 ноября. В 13 часов 30 минут у Ершовского порога мощным взрывом в протоку сброшено около пяти тысяч кубометров диабаза. Взрыв завершил перекрытие протоки. Ангара повернула влево. Грозный Шаман-порог покорен.

Декабрь. В Усть-Илимске 2200 жителей. Из них 1250 строителей, 250 геологов, 400 монтажников, шоферов и других специалистов. Более 80 процентов жителей в возрасте от 17 до 30 лет.

ГОД 1966.

Январь. Для усиления работ на строительстве Усть-Илимской ГЭС Братский горком КПСС решил направить на стройку сто коммунистов.

Начато создание промышленной базы стройки: возводятся бетонный завод, автобаза, лесозавод, блок механических мастерских и профилакторий для ремонта автомашин и строительной техники.

5 февраля. Соревнуясь в честь XXIII съезда КПСС строители ЛЭП-220 Братск—Усть-Илимск поставили последнюю, 1313-ю, опору.

10 марта. Утверждено проектное задание на строительство Усть-Илимской ГЭС. Этот день считается официальным началом строительства гидроузла. Проектная мощность его 4 млн. 320 тыс. киловатт.

25 марта. В 18.00 ЛЭП-220 поставлена под напряжение. Строители получили устойчивое энергоснабжение от Братской ГЭС.

28 марта. Состоялась первая комсомольская конференция строителей гидро-

В камере были интеллигенты и рабочие из польской партии социалистов. С ними сблизились в первую очередь Проминский и его друзья по социал-демократии, польские рабочие Петрашек, Чекальский, Ковалевский...

Чтобы не заедала тюремная тоска, заключенные старались не терять времени без пользы. Многие, получая с воли учебники и нужные книги, изучали математику, физику и другие общеобразовательные предметы. Группа поляков усердно изучала русский, практикуясь с товарищами по камере.

Ян Проминский мог часами просиживать, посасывая трубку, наедине со своими мыслями о товарищах, оставшихся на воле, о семье. И в то же время ничто не ускользало от его взгляда.

Запомнился ему такой эпизод. У Анатолия Александровича Ванеева открылся процесс в легких. Он покашливал, зябко поводил плечами, пытаясь согреться. Однажды Ян заметил, что один из поляков, ткач по специальности, вяжет шарф. Каким-то путем он пронес с собой клубки шерстяных ниток и теперь коротал время за любимым занятием.

Анатолий Александрович, хотя и пытался отказаться, со слезами на глазах вынужден был принять подарок.

Между заключенными велись разговоры о политике, порой переходившие в жаркие споры, часто пели народные и революционные песни. Ко-

---

узла. Ее делегаты представляли 415 комсомольцев.

Июнь. Начата прокладка левобережного бичевника к будущему котловану.

6 июля. Министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний отдельным приказом определил меры по ускорению строительства Усть-Илимской ГЭС. В приказе отмечается, что Советское правительство утвердило проектное задание на строительство ГЭС в створе Толстый мыс установленной мощностью 4 млн. 320 тысяч киловатт.

6 июня. В Эдучанке состоялась первая

3. Один из первых бурильщиков на строительстве ГЭС комсомолец Цаплаков.

нечно, вполголоса, чтобы не переполошились надзиратели. Заключенным нравилось слушать поляков, и поэтому они частенько обращались к Яну и Антону.

Проминский и Чекальский не заставляли себя долго просить.

Имея в виду своих польских друзей, Г. М. Кржижановский вспоминал в 1855 г.: «Они знали песню Свенцицкого «Варшавянка» и прекрасно ее исполняли. Напев песни был очень красив, но мы, русские революционеры, не могли ее петь, так как не знали польского языка. И я задумал создать русскую «Варшавянку». Мне пришлось в своих стихах довольно существенно переработать текст В. Свенцицкого. Все образы, чуждые сознанию пролетариата, я отбросил, стараясь наполнить песню пролетарским революционным содержанием. Вскоре я закончил текст «Варшавянки», и мы все выучили ее наизусть»[1].

Ян Проминский, немного знавший русский, помогал Глебу Максимилиановичу в переводе текста. На лист бумаги ложился дословный пересказ, а затем Кржижановский подыскивал наиболее точные и емкие слова.

В день, когда отправляли русских товарищей в Сибирь, «Варшавянку» спели в полный голос. Могучие раскаты новой песни огласили здание Бу-

[1] Пламень наших сердец. Сб. стихов. М., «Советская Россия», 1967.

партийная конференция строительства ГЭС. Ее делегаты представляли 306 коммунистов стройки. Секретарем парткома избран Н. И. Мальцев, в недалеком прошлом первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ.

7 июля. Вступил в строй первый башенный кран, смонтированный под руководством Евгения Крита — известного монтажника Братскгэсстроя. Это он на СМК-80 смонтировал, а позднее демонтировал большую бетоновозную эстакаду Братской ГЭС.

13 июля. Техсовет стройки обсудил и принял проект сооружения левобережного котлована, предложенный инженером стройки Владимиром Фрейдманом. Этот смелый проект позволял немедленно начать основные гидротехнические работы, сократить срок сооружения котлована, втрое сократить расход бруса, обойтись без бетона, в пять раз сократить количество машин, необходимых для перекрытия. Общий экономический эффект — около миллиона рублей экономии.

Научная проверка и практика подтвердили точность расчетов молодого инженера.

7 августа. Передан в эфир первый номер радиогазеты «Лосята». Ее создал и редактирует комсомолец, молодой коммунист (в партию вступил в Усть-Илимске), экскаваторщик, активный рабкор Борис Тамм. Он продолжил здесь доброе дело, начатое его матерью, комсомолкой двадцатых годов — коммунисткой Л. И. Тамм в Железногорске-Илимском.

В одном из писем матери Борис писал: «Здравствуй, дорогая мама!

Живу хорошо. Усть-Илим мне нравится. Только еще не получил постоянной койки, но это явление временное. Пока сплю на той койке, чей хозяин на смене. Подъехало много народу, а кто же нам приготовит квартиры. Сами будем в свободное время строить, ведь не на готовое приехали.

По-моему, чем труднее начало, тем будет дороже будущий город. Как наш Железногорск — помнишь палатки, стирку белья на ледяной речушке Рассохе?.. А ведь теперь какой там стал город. Вот так и на Усть-Илиме. Будем потом чувствовать, что это Мы, Я город вынянчили с пеленок. Дождемся его совершеннолетия, то

тырок. Вскоре песню подхватили во всех камерах, а вырвавшись на волю вместе с ссыльными, она облетела всю Россию и стала одним из любимейших гимнов революционеров.

Так, спустя четыре года с того момента, когда польский поэт-революционер Вацлав Свенцицкий, будучи в тюремном застенке, накалывал иглой на страницах книги А. Мицкевича «Пан Тадеуш» строфы «Варшавянки», песня эта родилась заново и стала могучим средством сплочения революционных рядов.

Наступил день, когда пришел и черед Проминского покинуть Бутырки. Неожиданно в камеру явился старший надзиратель Часовой башни, которого заключенные звали Акимычем. Этот высокий плешивый старик корпел на своей службе давно, обладал необыкновенной памятью и знал в лицо почти всех заключенных, проходивших через его «владения». Он старался держаться «золотой середины», подлаживаясь и к начальству и к заключенным.

На этот раз против обыкновения он потребовал тишины и объявил, что Проминскому наказано явиться к начальнику.

Надеясь вернуться, Ян не стал прощаться с товарищами, а вместе с надзирателем вышел из камеры. Они спустились по крутой каменной лестнице, прошли по бесчисленным темным коридорам, пахнущим сыростью.

есть когда он паспорт получит, на карту будет занесен.

Может, это громко сказано, но хорошо шагать городами. Два шага я уже сделал: это Ангарск, в строительстве которого мы с тобой принимали участие, и Железногорск. Теперь третий шаг — Усть-Илим».

24 августа. Начата отсыпка 330-метровой дамбы от острова Лосенок до места, где будет котлован.

Создан пятый в Приангарье лесозаготовительный комбинат Илимсклес. Ему предстоит в зоне Усть-Илимского водохранилища заготовить и вывезти 12 миллионов кубометров леса, очистить 8,4 тысячи гектаров территории. В составе комбината будет 13 леспромхозов.

Спуск 20-метрового ряжа — первый шаг непосредственного сооружения гидроузла.

24 сентября. 280 строителей покинули палатки, и разместились в двухэтажных домах с центральным отоплением, с электроплитами.

6 октября. В 16 часов 45 минут местного времени началась отсыпка продольной и верховой перемычек для ограждения котлована. К началу первого генерального штурма Ангары у Толстого мыса на стройке 5824 работающих. В поселке 20 двухэтажных 12-квартирных и 590 индивидуальных домов.

29 октября. Торжественно был поднят флаг на Толстом мысе в годовщину Ленинского комсомола. На алом полотнище призыв «Даешь Усть-Илим!». У пылающего костра давали клятву верности ленинским заветам принятые в комсомол Владимир Пырлик, Ли-ю, Тамара Луковникова. Затем было принято и замуровано в скалу письмо комсомольцев 1966 года к комсомольцам 1976 года. В нем слова:

«...Сегодня здесь, на Толстом мысе, в день рождения Ленинского комсомола собрались строители, механики, изыскатели, геологи, бурильщики, взрывники, учителя— романтики, по зову сердца из разных уголков нашей Родины приехавшие на Усть-Илим.

Мы присутствовали при рождении новой ГЭС, нового города, новой дружной семьи созидателей.

Уже пробита автодорога Усть-Илим — Братск, построен небольшой поселок, столовая на 60 мест, начаты работы по отсыпке перемычки.

В нашей организации насчитывается

Акимыч ввел Яна в большой кабинет. За массивным столом Ян увидел жандармского подполковника.

Тишину нарушало мерное тиканье часов, стоявших на полу в деревянном футляре.

Подполковник, как бы очнувшись от забытья, уставился холодным равнодушным взглядом мимо заключенного:

— Фамилия, имя?

— Проминский Иван Лукич.

— Ну, вот что, голубчик. Слушайте внимательно. Он пододвинул к себе лист бумаги и прочитал, растягивая слова: «На основании высочайшего повеления, последовавшего 23 октября 1896 года, за государственные преступления, вы, Проминский, подлежите высылке на жительство в Восточную Сибирь под надзор полиции на три года, сроком до 23 октября 1899 года»[1].

* * *

— Остальное, Владимир Ильич, вы знаете. Сами спытали ту дорогу, — закончил свой затянувшийся рассказ Ян Лукич. А затем извиняю-

[1] Новая и новейшая история, 1960, № 3, стр. 88—91.

семьсот комсомольцев. Наш девиз — покорение Ангары. Наша сила — молодость.

Комсомольцы 1976 года!

Знайте, что ваши предшественники жили в 1966 году в палатках. Проводили спортивные соревнования на площадках в тайге. По вечерам собирались в тесном клубе.

Комсомольцы 1976 года, вы будете жить в городе будущего, городе нашей мечты.

Мы, ваши предшественники, передаем вам эстафету, эстафету первооткрывателей».

4 ноября. Писательница М. Н. Ангарская в дар строителям Усть-Илимской ГЭС собрала в Москве и доставила редкостный дар — библиотеку книг с автографами и посвящениями видных советских писателей Михаила Шолохова, Маргариты Алигер, Константина Симонова, Георгия Маркова, Сергея Михалкова, Евгения Евтушенко и многих других. С библиотечкой переданы письма старейших членов партии, Героев Социалистического Труда Ф. Н. Петрова, Е. Д. Стасовой, а также старейших комсомольцев Александра Безыменского, Александра Жарова, Ильи Френкеля. Вот это послание старейших комсомольцев:

«Молодые строители Усть-Илимской ГЭС! Мы, первые комсомольцы 20-х годов, шлем вам боевой комсомольский привет.

Почти полвека назад нам довелось принимать участие в создании Коммунистического Союза молодежи, ставшего верным и самым надежным помощником нашей славной партии.

В. И. Ленин и его ближайшие соратники помогали нам, давали указания, советы, направляли активность молодежи на выполнение важнейших задач, стоявших перед молодой республикой Советов.

Нам выпало счастье присутствовать на историческом III съезде комсомола и слушать речь Ленина, призывавшего юношей и девушек учиться коммунизму.

Величие победы познается не только по содеянному, но и по сумме преодоленных препятствий. В неимоверно тяжелых условиях голода, разрухи, жестоких боев прокладывали путь к намеченной цели первые комсомольцы нашей страны, молодые строители первых пятилеток, участники Великой Отечественной войны. Никогда не за-

щимся тоном добавил: — Я, наверное, утомил вас своим рассказом.

Но Проминский не мог не заметить, что собеседник умеет слушать. Он перебил его лишь несколькими уточняющими фразами да помогал подыскивать нужное слово, когда у Яна Лукича иссякал запас русских и немецких слов.

— Что вы, что вы! — воскликнул Владимир Ильич. — Ничуть. Напротив, готов слушать часами. Ведь это жизнь, это свежайшие новости с того края земли.

На минуту задумавшись, он оглядел стол и залился заразительным смехом:

— Да мы с вами и завтрак проморгали, все остыло.

Несмотря на смущение и отказ гостя, он налил еще по стакану горячего чая.

— Теперь мой черед поделиться новостями. А вы уж непременно займитесь чайком.

Подперев ладонью подбородок и слегка прищурив глаза, он смотрел в окно.

— Да, «Варшавянка». Впервые услышал ее по пути сюда, в Красноярске, на берегу Енисея. Еще хотел тогда при встрече спросить у Глеба об этой песне. Но вышла оказия. Когда тюремный вагон, в котором ехали Кржижановский, Старков, Ванеев, Лепешинский, прибыл в Красно-

---

бывайте, друзья, о том, что предшествующие вашему поколению комсомольцы переносили трудности без жалоб, преодолевали все препятствия без тени колебаний, всегда бодрые, сплоченные, боевые, беззаветно преданные Родине, Коммунистической партии. Будьте и вы такими. Гордитесь комсомольским значком, который носите на груди. Стремитесь быть достойными приемниками доблести ваших дедов, отцов, старших братьев. Пусть всегда горит ярким пламенем комсомольский огонек в ваших сердцах.

Желаем вам счастья и успехов в вашем героическом труде.

А. Безыменский, А. Жаров, И. Френкель».

25 ноября. Центральная ордена Красного Знамени студия документальных фильмов в очередной 46-й номер киножурнала «Новости дня» включила киноочерк «На Ангаре» (оператор П. Петров), посвященный работам на строительстве Усть-Илимской ГЭС.

25 декабря. Открыто молодежное кафе.

27 декабря. Опустела последняя палатка. Все строители переселились в благоустроенные квартиры или собственные дома.

ГОД 1967.

Январь. Путейцы строительно-монтажного поезда № 158 уложили первый километр железнодорожного полотна от станции Хребтовая на Усть-Илимскую.

13 февраля. Успешно завершен первый штурм Ангары. Этой победе был посвящен многолюдный митинг, состоявшийся на берегу Ангары.

18 февраля. Состоялась вторая комсомольская конференция строительства. Комитет объединяет 15 первичных организаций, в которых 860 комсомольцев.

Март. В поселке сооружаются три 90-квартирных дома из сборного железобетона, доставляемого из Братска.

В библиотеку, открытую в поселке Постоянном, за два дня записалось 120 читателей.

21 апреля. Бюро обкома КПСС обсудило вопрос «О ходе строительства Усть-Илимской ГЭС». В решении бюро отмечены успехи коллектива, а также указано на

ярск, мы с Розенбергом пошли встречать их. Но нас даже близко к вагону не подпустили.

— Так они тутэй, в Сибири? — с радостным изумлением спросил Ян.

— Здесь и притом недалеко от нас.

На миг глаза Владимира Ильича погрустнели.

— Давайте-ка лучше знакомиться с Шушью. Ведь нам здесь предстоит прожить месяцы и годы. Как по-вашему, сколько лет стоит это богом забытое село? Никак не угадаете. Да и я поначалу не мог предположить, что ему уже почти двести. По некоторым данным Шушенское основано где-то в начале 1700 годов. Да и не в том суть. Поразительно другое — за два столетия оно так и не поднялось выше самого настоящего захолустья. Вот вам наглядный пример нашей российской косности, наших поразительнейших контрастов.

Достав с полки тетрадку, Владимир Ильич доверчиво сообщил Яну Лукичу, что он занялся некоторыми экономическими исследованиями. Они преимущественно касаются промышленности России, но есть данные и по крестьянскому вопросу. В частности, записал сведения о Шушенском.

— На селе около трехсот дворов, жителей полуторы тысячи. Расслоение крестьянства заметно даже в этой глуши. Лучшие пахотные земли, и притом расположенные поблизости от села, в руках богатых семей, кото-

---

отставание в сооружении поселка, создании бытовых условий строителям, на запаздывание проектных работ.

22 апреля. В день рождения В. И. Ленина комсомольско-молодежная бригада Николая Карначева уложила первые кубометры бетона в основание плотины ГЭС.

Вечером комсомольцы стройки устроили факельное шествие на Толстый мыс, где состоялся митинг. После него торжественно вручали комсомольские билеты вновь вступившим в ВЛКСМ, напутствовали вступающих в Коммунистическую партию.

27 апреля. Ангара берет реванш. На котлован обрушился ледяной вал, пришедший из реки Илим. В верховой перемычке образовались 40 и 130-метровая бреши.

Стихийное бедствие, случающееся раз в сотни лет, причинило большой ущерб стройке. 22 дня и 21 ночь шла беспримерная борьба с разбушевавшейся Ангарой. Она, словно игрушку, отбросила и смяла тридцатитонный ряж, уносила, будто камушки, 25-тонные глыбы бетона. Люди перехитрили. Они связывали по пять-шесть диабазовых глыб и удерживали их тросом. В проран было сброшено 2500 негабаритов, 50 тысяч тонн грунта, истрачено два километра троса. В пятом часу утра 22 мая Ангара сдалась.

Несмотря на вынужденный перерыв, строители подтвердили свое социалистическое обязательство: к 50-летию Советской власти откачать воду из котлована.

1 мая. В предпраздничные дни на скальном откосе Толстого мыса укреплен барельеф В. И. Ленина и ярус за ярусом буквы, составляющие слова:

1967 год.

Перекрытие Ангары.
Откачка воды из котлована.

10 мая. Начато проектирование будущего города Усть-Илимска. Он разместится на правом берегу Ангары и будет застроен каменными и сборными 9- и 16-этажными домами. Его украсят дворцы культуры, универмаги, школы, спортивный комплекс со стадионом, плавательным бассейном, гостиницы. Город рассчитан на 100 тысяч жителей — строителей, эксплуатационников ГЭС, железнодорожников, рабочих и специалистов промышленных предприятий.

16 июня. На стройке вновь возник

рые к тому же считают за должное применять у себя труд батраков. У них же молотилки, железные плуги, жнейки и другие сельскохозяйственные машины. Некоторые содержат небольшие пимокатные и кожевенные мастерские.

Население сплошь неграмотное. Есть некое подобие учебного заведения, именуемое начальной школой. Постоянного пристанища школа не имеет, и потому учитель с двумя-тремя десятками учеников кочует по частным избам.

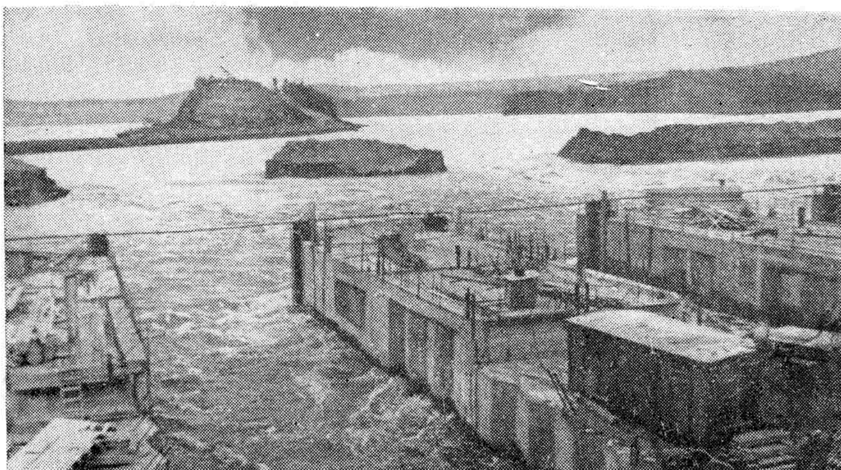
Учитель, человек крайне сомнительных убеждений, вместе с волостным писарем, попом, лавочниками составляет так называемую «сельскую интеллигенцию».

— К этой же компании клонится и сельский староста Ермолаев, под надзором которого надлежит нам быть, — заметил Владимир Ильич, убирая тетрадку на место. И вдруг спросил: — А вы еще не изволили записаться в книгу? Почему до сих пор староста не поднял тревоги и не носится по домам в поисках исчезнувшего подопечного? — А затем, рассмеявшись, ответил самому себе: — Наверное, страдает со вчерашней попойки. И, признаться, я сразу же «пришелся ему по душе». Буквально с первой минуты, как только я появился в волостном управлении, он не отходил от меня ни на шаг. Все требовал записи в свой кондуит, все грозился, что не потерпит отлучки за пределы села.

палаточный городок. В нем разместились студенческие строительные отряды Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого и Новосибирских электротехнического и инженерно-строительных институтов.

20 июня. Усть-илимская молодежь принимала гостей — слушателей Цен-

4. Через два прорана воды Ангары хлынули в котлован.

Ян Лукич хотя и неважно говорил по-русски, как и большинство его земляков, понимал русскую речь и потому с пристальным вниманием следил за рассуждениями хозяина.

— Теперь посмотрим, чем же, кроме работы, занимаются крестьяне, — вернулся Владимир Ильич к прерванной теме. — Почитать? Не могут и нечего. На всю волость только семь газет поступает, а книжки— разве что у попа парочка божественного содержания найдется. Клуба и театра, как видите, нет. Вот и тянет зачастую мужиков в единственное место — кабак, своего рода отдушину от беспросветной жизни. И заметьте. Если для школы не нашлось подходящего места, то на эти цели отведены помещения, официально именуемые «питейными заведениями». Здесь же просиживает за вином и картами наша уважаемая «сельская интеллигенция».

Отодвинувшись от стола, Владимир Ильич с ноткой грусти произнес:

— Остается нам завершить своеобразный экскурс тем, что нет в Шуше ни больницы, ни фельдшерского пункта. Так что предлагается один вид лекарства — свежий воздух.

Тут же Владимир Ильич предложил своему гостю совершить прогулку на речку, а может, и добраться до леса. Но, посоветовавшись, решили, что все-таки Яну Лукичу следует соблюсти формальности и отметиться у старосты.

тральной школы ЦК ВЛКСМ из зарубежных стран.

25 июня. В библиотеке зарегистрирован тысячный читатель — воспитательница детского сада Л. А. Борисова.

1 июля. Состоялось открытие сезона в летнем пионерском лагере.

3 июля. На пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями перешли все подразделения строительства, бытовые и культурные учреждения и предприятия торговли.

7 июля. На пленуме Братского райкома КПСС были сообщены интересные данные о специалистах Усть-Илимской ГЭС. В коллективе стройки 225 инженерно-технических работников. Каждый третий из них —коммунист, половина специалистов в возрасте от 21 до 29 лет. 169 специалистов имеют высшее и специальное образование. С теплотой говорилось о высоких деловых качествах товарищей Перовского, Ступака, Яценко, Шерстнева, Булдакова, Фрейдмана, Минченко и других.

22 августа. Забетонированы первые в Усть-Илимске 150 метров проезжей части улицы Гидростроителей.

25 августа. Обломок бивня мамонта, куски челюсти, шейные позвонки и другие останки доисторического животного обнаружены при рытье траншей. Они переданы в дар школьному музею.

1 сентября. Новая школа на 320 мест приняла юных усть-илимцев.

22 сентября. Завершено ограждение левобережного котлована. У Ангары выгорожено две трети ее русла — 16 гектаров речного дна.

15 октября. Создано литературное объединение рабочих и служащих строительства. На организационном собрании выступил иркутский писатель Вячеслав Шугаев.

17 октября. Котлован первой очереди осушен. Бурильщики бригады Владимира Кучумова начали скальные работы.

1 ноября. Вера Усольцева — работница Управления главного энергетика и Анатолий Фролов — инженер Жилстроя по поручению комсомолии Усть-Илимска передали ЦК ВЛКСМ эстафету трудовых дел молодежи стройки и рапорт в честь 50-летия Великого Октября.

4 ноября. Бригада Николая Карначева призвала строителей начать социали-

...Час спустя они вышли на окраину села и молча постояли, каждый наедине со своими мыслями. Перед ними расстилалось дикое приволье, загадочно темнел ельник, а вдали маячили призрачные вершины Саян.

Жизнь налаживается

Почти три года в разлуке с семьей. Как там бедная Тэкла управляется с малыми детьми? Не на кого опереться ей: когда арестовали Яна, старшему Леопольду было всего десять лет, а младшенькой Зосе — четыре.

И потому первое же письмо из Шушенского содержало не только нежные слова любви и привета. Ян Лукич просил, если не устрашит дорога, приехать к нему в Сибирь. Писал, что вместе легче будет переносить трудности, прокормить и воспитать детей.

Но это больше для порядка писалось. Он твердо верил — Тэкла никогда не расстанется с ним. Помнится, как она навещала его в Петроковской тюрьме и всегда твердила одно: Янек, куда ты — туда и мы.

И вот на том краю земли, как выразился Владимир Ильич, засобиралась в дорогу Тэкла Роховна с детишками. Родные, друзья и просто

стическое соревнование за право укладки первого бетона в Усть-Илимскую ГЭС.

5 ноября. 90 семей строителей справили новоселье в первом в Усть-Илиме 90-квартирном пятиэтажном крупнопанельном доме.

7 ноября. Строители, монтажники, механизаторы всенародный праздник —50-летие Великого Октября — встретили полным выполнением социалистических обязательств.

10 ноября. Впервые усть-илимские хоккеисты вышли на лед своего катка.

20 ноября. Создан правобережный строительный район. Его коллективу поручено строительство производственной базы, прокладка линий электропередач, сооружение причала, отсыпка бичевника. По проекту у правого берега будет размещен машинный зал ГЭС, а на берегу — открытое распределительное устройство.

30 ноября. Состоялась II партийная конференция строительства ГЭС. 218 делегатов представляли 24 первичные партийные организации.

23 декабря. В клубе «Гренада» с большим подъемом прошел первый слет молодых строителей ГЭС, приехавших по комсомольским путевкам.

* * *

Во втором году пятилетки строители Усть-Илимской ГЭС освоили в два раза больше капиталовложений, чем предусматривалось планом.

ГОД 1968.

Январь. В очередном номере киножурнала «Новости дня» (Москва) помещен киноочерк «Маршрутами пятилетки». В нем показаны скальные работы в котловане Усть-Илимской ГЭС, наступление подрывников, а также рассказывается о первых кварталах рождающегося города.

19 января. Открыты курсы по подготовке к поступлению в Иркутский политехнический институт. На них занимается 29 слушателей.

25 января. Развернулись скальные работы на кручах Толстого мыса. Здесь расчищается стартовая площадка под опоры большой бетоновозной эстакады, которая «перешагнет» через Ангару.

знакомые участливо отнеслись к семье Яна. Снабдили деньгами, продуктами. Для детей собрали теплую одежонку.

Немудрено. Ведь в Лодзи, как и в других местах на Западе, о Сибири имели смутное представление. Слышали, что там почти круглый год свирепствуют снежные бураны да лютые морозы, что в тайге пропасть медведей, а главное — в Сибири якобы на каждой проселочной дороге поджидают проезжих беглые каторжане и бродяги.

С грехом пополам добралась Тэкла Роховна до Челябинска. Ехали по железной дороге. Детишкам это было в диковинку и потому в первые дни не особенно досаждали они матери.

В Челябинске пришлось пробыть несколько дней в ожидании поезда на восток. Формировался состав с большой группой переселенцев. Поезд состоял из товарных двухосных вагонов, на которых красовались таблички: «8 лошадей, 40 человек».

Наконец, тронулись в далекий путь. Насмотрелась Тэкла Роховна на дорогу людского горя. Видать, не от легкой жизни решились переселенцы ехать в безвестную и пугающую воображение Сибирь.

Тэкла Роховна предполагала, что в вагоне она будет единственной с такой оравой детишек. Оказалось, что едут с неменьшими семьями.

На больших станциях выбегали из вагонов, торопливо прицениваясь

---

15 февраля. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образован Усть-Илимский район с центром в рабочем поселке Усть-Илим. В районе живет 20 тысяч человек.

15 марта. Звание лучшей на стройке завоевала комсомольско-молодежная бригада Михаила Васильева. В соревновании на встречу 50-летия ВЛКСМ она добилась наивысшей выработки.

26 марта. Состоялась первая Усть-Илимская районная партийная конференция.

30 марта—6 апреля. Агитбригада, организованная комитетом ВЛКСМ, прошла и проехала по трассе Хребтовая — Усть-Илимская и поведала строителям магистрали мужества о делах гидростроителей.

10 апреля. Прошла первая Усть-Илимская районная комсомольская конференция.

21 апреля. Единодушно избрано 75 депутатов в Усть-Илимский районный Совет депутатов трудящихся.

22 апреля. В плотину ГЭС уложен первый бетон. По праву победителя в соревновании чести начать возведение плотины удостоилась бригада Николая Карначева. В блок замурована плита с надписью:

ПЕРВЫЙ БЛОК
ПЛОТИНЫ ЗАЛОЖЕН
19 $\frac{22}{IV}$ 68 ГОДА
СТРОИТЕЛЯМИ УСТЬ-ИЛИМСКОЙ ГЭС
ОРДЕНА ЛЕНИНА
БРАТСКГЭССТРОЯ

8 лет назад — в день 90-летия со дня рождения В. И. Ленина было заложено здание Братской ГЭС, за два года до 100-летия со дня рождения В. И. Ленина начато возведение третьего гидроэнергогиганта на Ангаре.

25 апреля. С эстафетой трудовых дел ударных комсомольских на встречу 50-летия ВЛКСМ в Усть-Илимске побывала делегация молодых строителей Назаровской ГРЭС. Эстафетный факел передан бригаде Николая Карначева.

9 мая. В честь Дня Победы в клубе «Гренада» состоялась встреча с участниками Великой Отечественной войны М. С. Зиминой, Т. Ф. Алимовой, Ю. В. Матюкиным и другими.

и на последние гроши покупали черствую буханку хлеба, луку, вареной картошки да запасали в ведерные чайники побольше кипятку.

Еще долго пришлось ехать им до Шушенского, где с нетерпением ожидал Ян. Где-то поезд сделал последнюю для них остановку, а потом пошли версты на тряской крестьянской телеге.

Наступил день, когда Ян Лукич смог обнять своих детей, расцеловаться с Тэклой.

Казалось, жизнь начинает налаживаться.

Однако не сразу нашлась для Яна работа. Его шляпное мастерство здесь оказалось ни к чему. Ни на селе, да и во всей волости не нашлось заказчиков. Пробовал наладить связи с купцами из Минусинска, но из этой затеи ничего не получилось.

Помог опять же Владимир Ильич. Как-то в разговоре он заметил Яну Лукичу, что не мешало бы поменьше курить. Надо беречь здоровье. И тут же, вспомнив о чем-то, предложил: «А не заняться ли вам выращиванием табака? Дело не очень хлопотливое, но доходец кое-какой можно иметь».

Владимир Ильич знал, что в Шушенском выращивают табак. Ему рассказывали местные крестьяне, что впервые здесь культивировал посевы табака ссыльный декабрист П. И. Фаленберг. Благоприятный климат в окрестностях Минусинска позволял вызревать даже таким теплолю-

---

20 июня. От Усть-Илимска до станции Хребтовая вышел молодежный отряд следопытов. Он соберет документы о трудовых делах сверстников, выступит с лекциями и докладами.

5 июля. На Чукотку к молодым строителям Билибинской атомной электростанции отбыла делегация молодежи Усть-Илимской — Николай Карначев и бригадир автомобилистов Анатолий Шестаков. Делегация доставит северянам эстафету и рапорт о славных делах молодежи у Толстого мыса.

10 июля. Более 800 юношей и девушек вузов страны в составе студенческих строительных отрядов прибыли в Усть-Илимск.

Июль. В Софии на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов участвовал бывший плотник, заместитель начальника технического отдела Усть-Илимской ГЭС, комсомольский активист Василий Печковский.

25 августа. Первые экзамены в Иркутский политехнический институт держит большая группа строителей. 60 усть-илимцев приняты в местный филиал Иркутского энергостроительного техникума.

3 сентября. На самодельном плоту из Братска через пороги в Усть-Илимск прошла группа туристов молодых рабочих Братского управления Сантехмонтаж. Свой поход они посвятили юбилею Ленинского комсомола.

19 сентября. Из Братска в Усть-Илимск отгружена первая партия металлоконструкций двухконсольного крана.

6 октября. Вышел первый номер районной газеты «Усть-Илимская правда». «В жизнь воплотить мечту», — в статье под таким заголовком, открывающей номер газеты, первый секретарь райкома КПСС Н. А. Чечерин рассказал о перспективах развития нового района. В газете помещены материалы о слете ударных комсомольских строек Сибири и Дальнего Востока, о первых комсомольцах таежных сел и трудовых буднях коллектива стройки.

Газета отпечатана в типографии, открывавшейся в Усть-Илимске.

10 октября. Среди комплексных бригад основных сооружений началось социалистическое соревнование за право участия в перекрытии правобережного русла реки Ангары.

бивым культурам, как арбузы, дыни, помидоры, разведение которых также начинали декабристы.

Ян Лукич с готовностью отозвался на столь заманчивое предложение, и вскоре на большом огороде, который обрабатывали Проминские, отвели участок под посев новой культуры.

...А время текло, как вода в Шушенке, отсчитывая дни, большей частью однообразные, ничем не примечательные. Но выпадали и такие, что запоминались надолго.

В один из морозных предновогодних дней приехал в Шушенское Кржижановский. Проминский об этом не знал и по привычке навестил Владимира Ильича. У него оказался гость, в котором к своему удивлению Ян Лукич узнал товарища по Бутыркам. Встретились как старые друзья. Вспомнили жизнь в тюремной камере, ее обитателей, «Варшавянку».

Помнится также день, когда в Шушенском появился еще один политический ссыльный, в устройстве которого принял участие Владимир Ильич. Это был молодой питерский рабочий, финн по национальности, Оскар Александрович Энгберг, попавший в царскую немилость за участие в забастовках. Теперь в Шушенском образовалась интернациональная колония, как метко окрестил их «троицу» Владимир Ильич.

Над родом занятий Оскара долго не пришлось ломать голову — он знал ювелирное дело. С таким редким ремеслом можно было заработать

10—13 октября. В клубе «Гренада» три дня обсуждали свои насущные дела участники IV слета молодых строителей комсомольских строек Иркутской области.

29 октября. Торжественной рабочей линейкой в котловане основных сооружений, юбилейным пленумом райком ВЛКСМ, а вечером традиционным факельным шествием к Толстому мысу отметили усть-илимцы 50-летие ВЛКСМ. Комсомолию в этот день пополнили 82 молодых строителя Усть-Илимска.

5 ноября. На стройке получен приказ министра энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожнего о присвоении в честь 50-летия ВЛКСМ Усть-Илимской ГЭС имени Ленинского комсомола. После ввода в эксплуатацию новая ГЭС будет именоваться «Усть-Илимская ГЭС имени Ленинского комсомола».

26 ноября. Бюро Иркутского обкома КПСС решило направить на строительство Усть-Илимской гидростанции 200 коммунистов. Первые путевки получили ветераны Братскгэсстроя бетонщик П. И. Грехов, техники А. Е. Тютюник и В. И. Фомин, машинист экскаватора И. С. Кремис.

30 ноября. Состоялась третья партийная конференция строительства. 214 ее делегатов представляли полутысячную парторганизацию стройки. В докладе секретаря парткома Н. И. Мальцева сообщалось, что в социалистическом соревновании за достойную встречу 100-летия со дня рождения В. И. Ленина участвуют коллективы 89 бригад строителей и монтажников, 51 экипаж экскаваторов, кранов и бульдозеров, четыре экипажа земснарядов, транспортники и судостроители. 654 члена коллектива борются за звание ударника коммунистического труда, 418 работникам это звание присвоено.

1 декабря. Комсомольцам Усть-Илимской ГЭС вручена награда — переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

2 декабря. В основание левобережной части плотины ГЭС установлены 12 телетопзометров и 6 телетермометров — первые из трех тысяч контрольно-измерительных приборов, которые будут забетонированы в плотине и станут информировать величины напряжений, возникающих

себе на пропитание. Единственное, о чем сожалел Оскар — это об инструментах, оставшихся в Питере. Владимир Ильич немедленно отписал об этом матери, чтобы Надюша при выезде не забыла о такой нужде их товарища.

А. С. Шаповалов, тоже питерский рабочий, отбывавший в то время срок в селе Тесь Минусинского уезда, встречался с шушенскими ссыльными. В книге его воспоминаний есть строки об Энгберге и Проминском: «Первый посвящал большую часть времени изготовлению обручальных колец из бронзовых удил, стремян и древних наконечников стрел, которые крестьяне находили на полях. Второй обрабатывал большой огород, культивировал табак-махорку и возил его продавать на базар в Минусинск. Оба они были симпатичные и славные ребята»[1].

Втроем жить стало веселее. Ходили друг к другу в гости, вместе отправлялись на охоту. Не могла нахвалиться друзьями семьи и Тэкла Роховна. Матери было приятно отношение Владимира Ильича и Оскара к ее детям. Пан Ульянов непременно приходил с какими-нибудь гостинцами и попросту играл с малышами.

Надолго в детской памяти осталась новогодняя елка, устроенная у

[1] А. С. Шаповалов. В борьбе за социализм. Госполитиздат, 1957, стр. 156.

5. Затопление нижнего бьефа.

Проминских во время рожденственских праздников. Торжества совпали с приездом Глеба Максимилиановича. Украшали елку сообща, нацепили самодельных игрушек, зажгли на ней крашеные свечи. Гости принесли детям кулечки с подарками от деда-мороза.

Новогодний вечер закончился песнями: исполняли польские и русские революционные. Послушали такого же содержания стихи, прочитанные Леопольдом Проминским.

Ян Лукич очень дорожил дружбой с Владимиром Ильичем. Привязались к нему и дети.

Ожидая приезда Надежды Константиновны Крупской, Владимир Ильич напоминал в письме к матери, чтобы Надюша захватила с собой какие-нибудь детские книги с картинками для ребятишек Проминского. Спустя некоторое время он узнал от своей сестры Анны Ильиничны, что переведенная ею книга итальянского автора «Школьные товарищи» — детская, и снова обратился к матери с просьбой: «Она (Анна, — *авт.*) пишет, что Амичиса книга детская. Это я не знал, но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно)...»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 80.

в скальном основании и плотине, давление воды, о температуре в теле плотины.

ГОД 1969.

В истекшем году строители Усть-Илимской уложили первый бетон в плотину гидроузла и широко развернули жилищное строительство. Теперь главные силы — и люди, и техника — сосредоточены в котловане. Там — передний край стройки.

9 января. Бюро Усть-Илимского райкома КПСС обсудило доклад главного инженера Братскстроя Ю. Н. Чайковского «О мерах по обеспечению перекрытия правобережной части Ангары в 1969 году» и одобрило намеченные мероприятия.

14 января. Приказом по Братскгэсстрою утвержден план по подготовке к перекрытию Ангары на строительстве Усть-Илимской ГЭС. Оно будет осуществляться пионерным способом. До перекрытия предстоит вынуть из котлована первой очереди 68 тысяч кубометров скалы и уложить 196 тысяч кубометров бетона.

25 января. Многие усть-илимцы участвовали в торжественном открытии спортивного павильона «Старт».

7 февраля. Температура воздуха на Ангаре понизилась до 45 градусов, а строители железнодорожного моста через Ангару монтируют на льду Ангары каркасы первых опор.

14 февраля. В первом туре социалистического соревнования за право участия в перекрытии Ангары одержала победу комсомольско-молодежная бригада имени 50-летия ВЛКСМ, которую возглавляет Анатолий Шестаков.

1 марта. Более ста строителей ГЭС вселились в новые квартиры. Быстро растет каменный поселок: закончен монтаж девятого по счету крупнопанельного дома. Всего в этом микрорайоне будет 16 пятиэтажных и девять девятиэтажных домов.

1 марта. Новый рекорд: звено Бориса мороза из бригады Н. Карначева уложила за смену 228 кубометров бетона.

3 марта. Собрание партийно-хозяйственного актива ГЭС объявило 1969 год— годом Ленинской вахты и определило рубежи соревнования в честь Ленинского юбилея. Главные из них — перекрытие

Нередко у Проминских наступали трудные дни. Двадцатирублевого пособия на семью явно не хватало. Не всегда выручали охота, а также доходы от табачной плантации. В такие моменты Владимир Ильич как-то незаметно оказывался в курсе дел и старался по возможности облегчить положение семьи. Не слишком навязчиво, чтобы не обидеть семью, не задеть самолюбия хозяев, он оказывал им посильную помощь.

Даже новые знакомства Проминские заводили через Владимира Ильича. Очень подружились они с крестьянином Ермолаевым, страстным охотником, которого на селе называли Сосипатычем, у него же квартировал Энгберг. Частенько вчетвером они ходили на охоту, на рыбалку.

В письме к матери, датированном 12 октября 1897 года, Владимир Ильич писал: «Охотой я все еще продолжаю заниматься... Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год нередки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью вместе с Проминским»[1].

О знакомых сельчанах Ильича упоминает в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Мы порядком-таки попривыкли к нашим шушенским товарищам, если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает.

---

[1] В. И. Ленин. Письма к родным. Партиздат, 1934, стр. 63.

Ангары в третьем квартале, ввод в эксплуатацию 40 тысяч квадратных метров жилья.

17 марта. В клубах «Ангара» и «Лесхимик» города Братска более ста комсомольцам и молодым рабочим города вручены комсомольские путевки для поездки на Усть-Илимскую ГЭС в составе ударного комсомольского отряда. В его уставе записан девиз «Каждый член отряда должен чувствовать себя полномочным представителем орденоносного комсомола, быть образцом для молодежи».

18 марта. В Усть-Илимске создается клуб революционной и боевой славы. Он объединяет ветеранов партии и комсомола, участников гражданской и Великой Отечественной войн.

19 марта. В 18 часов 30 минут из Братска прибыл ударный комсомольский отряд для работы в котловане. В путевках записаны слова из песни:

Не думай,
что все пропели,
Что бури все отгремели.
Готовься к великой цели,
И слава тебя найдет.

20 марта. В Усть-Илимске открыл свои гастроли Бурятский государственный ансамбль песни и танца «Байкал».

20 марта. Над блоками 20 и 24-й секции котлована взвились алые флаги. Это комплексные бригады достигли проектных отметок, необходимых для перекрытия.

25 марта. Опущен металлический каркас первой опоры будущего железнодорожного моста ниже створа ГЭС. Общая длина моста — 800 метров. Это будет второй мост через Ангару после Иркутского.

26 марта. К этому дню для предстоящего перекрытия правого русла Ангары на правый берег островов Лосята вывезено 1150 кубометров негабаритов.

5 апреля. Как сообщила «Усть-Илимская правда», в Нерюндикском месторождении, что близ Усть-Илимска, разведано более 600 миллионов тонн железной руды.

12 апреля. В день Всесоюзного ленинского субботника около семи тысяч усть-илимцев выполнили строительно-монтажных работ на 105 тысяч рублей.

21 апреля. Машинист экскаватора

Был у Владимира Ильича один знакомый крестьянин, которого он очень любил, — Журавлев, чахоточный, лет тридцати... Владимир Ильич говорил про него, что он по природе революционер, протестант.

Другой знакомый Ильича был бедняк, с ним Владимир Ильич часто ходил на охоту. Это был самый немудрый мужичонка — Сосипатычем его звали; он, впрочем, очень хорошо относился к Владимиру Ильичу...

Через Сосипатыча, через Журавлева Владимир Ильич изучал сибирскую деревню»[1].

А вот еще одно любопытное свидетельство того времени. Лет десять назад в Красноярске проживал пенсионер, бывший начальник телеграфа управления Красноярской железной дороги, член партии с марта 1917 года Гордей Сергеевич Иванов. Он рассказывал:

«Родился я в Шушенском в 1884 году. Жили мы бедно, даже одежонки путной не было, зимой одевали старую шубенку отца или деда, а валенки одни на троих были.

Однажды на реке я увидел ссыльных. Они катались на коньках. А мы, у кого их не было, с завистью посматривали.

— А у вас коньки есть? — вдруг спросил мужчина, подкатив к нам.

[1] Н. К. Крупская. О Владимире Ильиче Ленине. М., Детиздат, 1965, стр. 20.

Семен Федоров на правом берегу Ангары при вскрытии карьера обнаружил останки мамонта.

27 апреля. Специалисты института Энергопроект уточнили направление будущей ЛЭП-500 Усть-Илимск—Братск. По ней энергия третьей ступени Ангарского каскада будет поступать в единую энергосистему Сибири.

17 мая. Илимчане восторженно встретили первый концерт художественной самодеятельности клуба «Гренада».

18 мая. Комитет ВЛКСМ строительства ГЭС принял решение: каждой комсомольской организации отработать по одному дню в котловане. Первыми на воскресник вышли комсомольцы управления строительства ГЭС и подобрали 40 кубометров скалы.

19 мая. Быстро меняется панорама стройки. В центре котлована высятся фермы малой бетоновозной эстакады, а с вершины Толстого мыса начат монтаж большой бетоновозной.

20 мая. Необычно рано прибыл в Усть-Илимск первый караван судов. Для более быстрого таяния льда в Ангаре были использованы мощные сбросы воды через агрегаты Братской ГЭС. Так человек теперь управляет отдельными процессами природы.

22 мая. В эфире на основных сооружениях прозвучал первый выпуск радиогазеты «Известия котлована».

25 мая. Два рекорда за три дня на бетонном заводе. 22 мая достигнута сменная выработка в 541 кубометр, а 25-го завод в целом выдал 1494 кубометра бетона.

30 мая. Отсыпаны пионерным способом первые 30 метров банкета Верховой перемычки котлована второй очереди.

2 июня. К причалу Толстого мыса пришвартовался катамаран (две счаленные баржи) с шагающим экскаватором, доставленным из Братска в собранном состоянии.

3 июня. Начальник строительства В. А. Герасименко отдал приказ о подготовке котлована первой очереди под затопление.

5 июня. На улицах Усть-Илимска уложен первый асфальт.

9 июня. С новым почином выступила бригада Н. Г. Козловского, она решила уложить в гидротехнические сооружения полторы тысячи кубометров бетона в не-

Мы только пожали плечами. На лоб сползла дедушкина шапка, и я то и дело сгонял ее на затылок.

— А как учишься? — обращается он ко мне.

— Так ничего, только вот русский... — ответил я.

— Приходи ко мне, помогу.

Два раза я побывал у ссыльных. Они, муж и жена, прочитывали мои каракули, указывали на ошибки, объясняли.

Деду я взахлеб рассказывал: до чего хорошие люди, эти ссыльные...

...Позднее я узнал, что это были Владимир Ильич Ульянов и Надежда Константиновна Крупская»[1].

Каток, о котором вспоминает Гордей Сергеевич, был расчищен по инициативе Владимира Ильича и Оскара. В теплые зимние дни Леопольд, Бронислава, Зося вместе с деревенскими ребятишками пропадали часами на катке, прикрутив к валенкам самодельные коньки.

...Наступила весна 1898 года. Проминские снова начали хлопотать на своем огороде. Готовили к посадке семена картофеля, редиса, моркови и других овощей. Подрос помощник в этих делах — Леопольд.

Жизнь постепенно входила в колею. Стали привыкать к новому ме-

[1] Страницы жизни. «Красноярский железнодорожник», 1957, № 81.

урочное время и призвала другие бригады последовать их примеру.

10 июня. На отметку затопления на первых столбах водосливной плотины вышла бригада Геннадия Глухова.

13 июня. «Самстрой» — так строители назвали блок, полностью сделанный силами прорабов и мастеров участка Б. Вышинецким, А. Герасименко, Ю. Лениковым, П. Саенко, Н. Стец, Н. Кривокорытовым, П. Писаренко и П. Зимой. Выполнив весь комплекс подготовки блока, они 32 часа без пересменок принимали и укладывали бетон.

14 июня. «Перекроем Ангару — только тогда домой», — так решили члены Братского ударного комсомольского отряда.

17 июня. Вышел сотый номер газеты «Усть-Илимская правда».

23 июня. Состоялся первый спектакль Черемховского драматического театра, прибывшего в Усть-Илимск на гастроли.

27 июня. Состоялся первый районный слет рабселькоров.

30 июня. Второй «Самстрой» — ИТЭЭровцы СМУ-2 своими силами подготовили блок и уложили в него 274 кубометра бетона.

4 июля. Государственная комиссия с оценкой «хорошо» приняла здание поликлиники, рассчитанное на 250 посещений в день.

5 июля. Стотысячный кубометр бетона в тело плотины уложили рабочие комсомольско-молодежной бригады Владимира Шантарина. На машине Александра Ласкина, доставившего юбилейный груз в 18 часов 30 минут, красовался плакат: «100 тысяч есть! Даешь перекрытие!»

10 июля. На малой бетоновозной эстакаде появился первый портально-стреловый кран.

22 июля. Бюро обкома КПСС заслушало доклад секретаря парткома Усть-Илимской ГЭС Н. И. Мальцева и проанализировало опыт партийной организации по постановке воспитания строителей, развертыванию в коллективе соревнования за коммунистическое отношение к труду.

Бюро обкома одобрило опыт работы парткома и рекомендовало партийным организациям строек области изучить его и

сту и дети. Ян и Тэкла увереннее смотрели в будущее, надеялись после окончания срока ссылки вернуться в родные края.

После долгих морозных дней, с наступлением весны, у всех было приподнятое праздничное настроение.

Весна принесла и другой сюрприз. В один из майских вечеров приехала, наконец, Надежда Константиновна со своей матерью Елизаветой Васильевной.

Проминские, Энгберг, Сосипатыч сердечно разделили радость Владимира Ильича. Через некоторое время всей компанией собрались на квартире Ульяновых, на ужин.

Так к интернациональной колонии прибавился еще один верный товарищ — Надежда Константиновна. Теперь их стало четверо. Четверо единомышленников в далеком Шушенском.

Политграмота

Не только о хлебе насущном приходилось думать Яну Лукичу. Он всегда помнил о своем положении ссыльного. Однако мысль об этом не угнетала его, а напротив, он был горд тем, что попал в число единомышленников Ульяновых, Кржижановского, Старкова и других социал-демократов, с которыми свела судьба.

применить в своей практической деятельности.

25 июля. По итогам социалистического соревнования между подразделениями Братскгэсстроя за второй квартал коллективу строителей Усть-Илимской ГЭС присуждено первое место и переходящее Красное знамя управления Братскгэсстроя и объединенного постройкома.

31 июля. Победителем в соревновании за право участия в перекрытии Ангары вышла бригада Н. Г. Козловского —

6. Александр Федорович Поселенов. Его КРАЗ первым сбросил диабаз в стремительный поток Ангары во время перекрытия.

В глубине памяти он хранил мельчайшие подробности недавнего прошлого: организацию стачек лодзинских рабочих, нелегальные сходки членов социал-демократических кружков, распространение листовок. Вспоминал о том, с какими трудностями доставлялись из Парижа в Лодзь номера революционной газеты «Справа работницка» и как с неменьшими трудностями распространяли ее среди фабричных рабочих.

Иногда в кругу семьи он делился своими воспоминаниями и с удовлетворением замечал, что Леопольд со вниманием прислушивается к его словам.

Надежда Константиновна позже отмечала: «Проминский был спокойным, уравновешанным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом»[1].

Почти ежедневно бывая у Владимира Ильича, Проминский не мог не заметить, что рядом с ним живет человек необычный, не просто один из политических ссыльных.

Как-то зашел он к Владимиру Ильичу. Застал его за письменным столом. Чтобы не мешать занятиям, извинился и уже со-

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 26.

инициатора соревнования. Второе место присуждено бригаде М. М. Васильева. Среди механизаторов и автомобилистов победителем вышла бригада водителей мазов А. Ф. Поселенова.

31 июля. Коллектив бетонного завода выдал за июль 41 тысячу кубометров бетона при проектной мощности в 30 тысяч кубометров бетона в месяц.

1 августа. В Усть-Илимске вышел первый номер газеты «Восточно-Сибирская правда» на перекрытии Ангары». В нем опубликовано письмо-обращение к усть-илимцам старых коммунистов — заслуженных строителей Братской ГЭС с призывом приумножать славу покорителей Ангары новыми трудовыми свершениями.

7 августа. На стройке получена телеграмма-поздравление Министерства и ЦК профсоюза по случаю Дня строителя и присуждения коллективу строителей Усть-Илимской ГЭС по итогам второго квартала третьего места.

8 августа. Закончены бетонные работы в котловане первой очереди.

В выпуске «Восточно-Сибирская правда» на перекрытии Ангары» строители Усть-Илимской ГЭС в ответе на письмо-обращение старых коммунистов заявили:

«Можете не сомневаться, наши дорогие товарищи братчане, вместе со всем многотысячным отрядом строителей ордена Ленина Братскгэсстроя —

Мы несли,
несем
и будем нести
его, Ильичево, знамя!»

9 августа. По решению комсомольского штаба Усть-Илимской ГЭС призовое место в соревновании завоевали бригады имени 50-летия ВЛКСМ Николая Карначева, бригада монтажников Владимира Бережного и бригада автомобилистов Владимира Ульковского.

9 августа. В 10 часов 30 минут комиссия под председательством заместителя главного инженера Братскгэсстроя А. Н. Марчука подписала акт о готовности котлована первой очереди к затоплению.

10 августа. В 8 часов 15 минут утра раскрыта низовая перемычка котлована.

К 12 часам дня котлован затоплен.

Взрывом к верховой перемычке открыт

брался уходить, как хозяин поднялся навстречу и радушно протянул руку:

— Нет, нет, Иван Лукич, ничуть не помешаете. Да и мне пора прерваться, засиделся через меру.

Вернувшись к столу, он взял исписанный убористым почерком лист и прочитал:

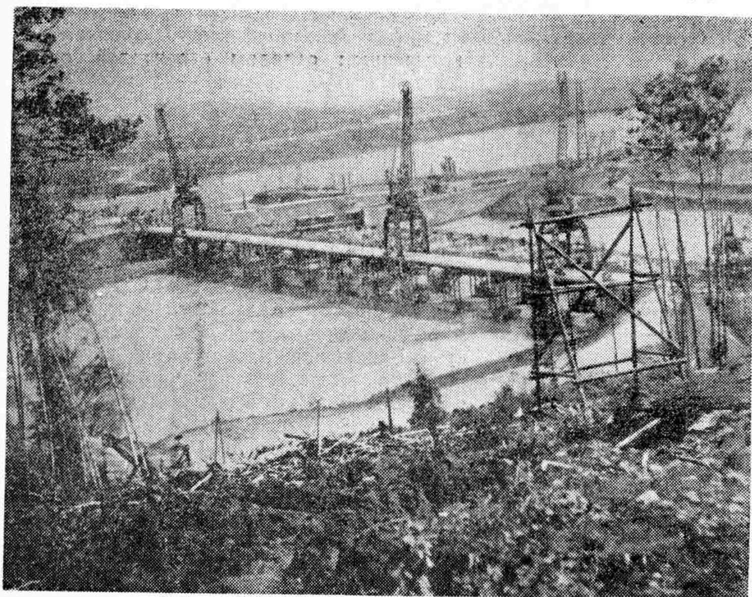
— «Задачи русских социал-демократов». Пока никому не говорил, а вам откроюсь — вот над чем и сижу сейчас. Не знаю, как получится, но хочу изложить свою точку зрения по данному вопросу. Думаю, что меня поддержат, и в первую очередь товарищи по «Союзу борьбы».

Отложив лист, Владимир Ильич медленно прошелся по комнате и озабоченно, как бы про себя, произнес:

— Мы сейчас стоим на распутьи. Борьба только начинается. Нас, образно говоря, можно уподобить тому витязю, перед которым легли на выбор три дороги...

Постояв чуточку в глубокой задумчивости, Владимир Ильич присел рядом с Яном.

— Но, дорогой Иван Лукич, в отличие от витязя перед нами открыты куда более сложные пути. Важно выбрать именно тот, который привел бы нас обязательно к победе. Убежден, что такой путь есть и мы его определим во что бы то ни стало.

7. Усть-Илимская ГЭС сегодня.

В первые дни знакомства Ян удивился обилию книг в комнате Ульянова.

— Неужели он думает все это перечитать, — думал Ян. Потом показалось странным, что политический ссыльный так много пишет. Почти ежедневно и, как он заметил, в определенные часы.

Фельдшер села Ермаковского Ярошинский, заезжавший тогда в Шушенское, рассказывал о том, как беспокоился урядник, надзиравший за Лениным, по поводу того, что Владимира Ильича чаще всего можно было видеть за работой.

«Все пишет чего-то, — жаловался урядник, — должно из писателей. Я уже доносил об этом господину исправнику, не раз, как бы, дескать, чего не вышло из его писанины. Пусть, говорит исправник, пишет, лишь бы буянства не чинил или чего прочего, а это ничего...»[1].

Ян Лукич крайне сожалел, что не выучился хорошо читать по-русски, да и не очень увлекался книгами.

Владимир Ильич предложил свой вариант учебы. Когда приходили к нему Проминский и Энберг, он читал им вслух популярные брошюры политического содержания, а затем они сообща разбирали прочитанное.

[1] С. Беляевский. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярское кн. изд-во, 1964, стр. 49.

путь Ангаре через устои будущей плотины.

11 августа. Начало штурма. Проран Ангары сужен до 155 метров. Победители в соревновании автомобилисты Александра Поселенова и Владимира Ульяковского сбросили в клокочущий поток первые глыбы диабаза. 30 кразов последовали за ними.

К 18 часам ширина прорана уменьшилась на 30 метров.

12 августа. Проран сужается. Ночью его ширина составляла 70 метров, утром — 50, в полдень — 34. Ежечасно в проран отсыпается более 600 кубометров диабаза.

13 августа. Особенно трудными были последние метры: Ангара отшвыривала многочисленные глыбы, словно бревнышки, на десятки метров. В эти часы использовали свой опыт при ликвидации аварии в котловане первой очереди: стальным тросом соединили понескольку глыб и сбрасывали их. Ангара сдалась.

В 4 часа 19 минут утра водитель самосвала Максим Маркитан сбросил в еще бушующий поток последнюю 20-тонную глыбу.

Штурм завершен. Немногим более сорока часов потребовалось усть-илимцам, чтобы в третий раз после Иркутска и Братска укротить строптивую Ангару — теперь у Толстого мыса.

В часы перекрытия получено приветствие ЦК ВЛКСМ молодым гидростроителям. В нем сообщалось: по итогам социалистического соревнования за первую половину 1969 года среди ударных комсомольско-молодежных строек страны коллектив Усть-Илимской ГЭС занял первое место и ему вручается переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ с памятным комсомольским значком ЦК ВЛКСМ.

Через несколько часов на продольной перемычке состоялся многотысячный митинг. На нем среди многих ораторов выступил присутствовавший на перекрытии член ЦК КПСС, первый секретарь Иркутского обкома КПСС Н. В. Банников.

В рапорте ЦК КПСС и Совету Министров СССР участники митинга заверили партию и правительство, что самоотверженным трудом обеспечат пуск первых агрегатов Усть-Илимской ГЭС в 1973 году.

Наступил новый этап соревнования строителей третьей ступени Ангарского каскада на встречу 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

По свидетельству А. С. Шаповалова «Тяжелые условия жизни рабочего наложили на Энгберга и Проминского свой отпечаток. У них не была развита привычка к систематическому чтению. Они ее только приобретали под руководством Владимира Ильича и Надежды Константиновны»[1].

Но прежде всего загадочный мир книг открылся детям. Вместе с игрушками и другими гостинцами они получили от пани Нади детские книжки с картинками. А Леопольду досталась как раз та, о которой хлопотал в свое время Владимир Ильич — «Школьные товарищи» Э. Амичиса.

Дочь Проминского Софья Ивановна, живущая ныне под Москвой, рассказывает: «Надежда Константиновна терпеливо учила нас читать, писать, считать».

Большие надежды подавал старший сын Проминских Леопольд. Он успел закончить в Лодзи пятиклассное училище. Тэкла Роховна, жертвуя скудными запасами семьи, вносила плату за обучение. Года три Леопольд учился за казенный счет, как «преуспевающий во всех науках».

В Шушенском Надежда Константиновна занялась с ним общеобразовательными предметами, попутно рассказывала ему о классовой борьбе, революционерах. С удовлетворением отмечала, что подросток обладает острым умом и наблюдательностью и даже разбирается в некоторых вопросах политики.

Однажды она поинтересовалась — откуда Леопольду известны такие понятия, как стачка, листовки, революционеры и т. д.

— Отец мне рассказывал, — простодушно признался ученик, — и потом я часто слушал разговоры Владимира Ильича с моим отцом, дядей Оскаром.

Вспоминая о взаимоотношениях ссыльных с шушенцами, Надежда Константиновна приводит такой факт: «Владимир Ильич рассказывал, что он пробовал завести знакомство с учителем, но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было. С этим учителем постоянно препирался старший сын Проминского Леопольд, тогда уже сочувствовавший социалистам»[2].

Основательно пришлось поработать с Энгбергом, который, несмотря на некоторую начитанность, о социализме имел самое смутное представление. По сравнению с ним, Проминский был крепче подкован. Поэтому занятия с Оскаром начались с изучения марксистской литературы.

«...Я засела с ним за «Коммунистический манифест» (приходилось переводить с немецкого) и, одолев его, перешли к чтению «Капитала», — вспоминает Н. К. Крупская. — Зашел как-то на занятия Проминский, сидит и посасывает трубочку. Я предлагаю какой-то вопрос по поводу про-

---

[1] А. С. Шаповалов. В борьбе за социализм. Госполитиздат, 1957, стр. 156.
[2] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 27.

читанного. Оскар не знает, что сказать, Проминский спокойно так, улыбаючись, ответил на вопрос»[1].

Вскоре после приезда Надежды Константиновны и ее матери Владимир Ильич подыскал другую квартиру. Они перебрались в просторный дом, к вдовой женщине Прасковье Олимпиевне Петровой. Узнали, что дом этот строил для себя декабрист Фаленберг.

Оскар очень гордился тем, что именно здесь началось его политическое образование. Чаще прежнего стал заходить Ян Лукич.

Надежда Константиновна приучила его к новому обращению «товарищ», а не «пан Владзимеж», как привык Ян величать Владимира Ильича. Яну особенно пришлось по душе, что учительница знает польский и на занятиях трудные места текста излагает ему в переводе на его родной язык.

«Капитал», конечно, был трудноват для Яна и Оскара. Но зато очень понятной и близкой их жизни оказалась небольшая книжка «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Как объясняла Надежда Константиновна, книжка была написана Владимиром Ильичем и издана в 1895 году в Петербургской нелегальной так называемой Лохтинской типографии. На обложке были указаны вымышленные данные: «Издательство книжного магазина А. Е. Васильева, Херсонская типография К. Н. Субботина, Екатериноградская улица, дом Калинина. Продается во всех книжных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга. Дозволено цензурой. Херсон, 14 ноября 1895 года».

Так изо дня в день среди будничных житейских забот шла кропотливая учеба Яна и Оскара. В этот круг вошел и заметно подросший Леопольд.

«Это были годы серьезной учебы, — писала Н. К. Крупская. — По мере того, как приближался срок окончания ссылки, все больше и больше думал Владимир Ильич о предстоящей работе»[2].

Маевка

Шли первые месяцы 1899 года, последнего года ссылки Яна Лукича.

«Не будь со мной Тэклы с детьми, Владимира Ильича и Надежды Константиновны, Оскара и Сосипатыча, едва ли так сносно прошли эти годы», — думал Ян Лукич. Разве он когда-нибудь забудет беседы в семье Ульяновых, охотничьи тропы и все связанное с пребыванием в Шушенском?

Не забудется и этот весенний день — день 1 Мая. Ян Лукич с нетерпением ожидал момента, когда он явится к Ульяновым и скажет:

— Сегодня наш праздник.

Накануне Проминские долго не ложились спать. Тэкла Роховна отутюжила Яну его поношенный костюм, приготовила белую рубашку с

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат 1957, стр. 26—27.
[2] Там же, стр. 35.

накрахмаленным воротником, галстук. Настроение родителей передалось и детям. Леопольд выстругал палочку, привязал к ней алый отцовский платок и теперь ходил по комнате победно размахивая воображаемым знаменем.

Наутро проснулись рано. Ян Лукич неторопливо оделся, поправил перед мутноватым квадратиком зеркала галстук и отправился к Ульяновым.

Хорошо дышалось на свежем воздухе. Солнце, оторвавшись от гребня гор, уже прогревало землю, ласково ощупывало лицо, тянулись к безоблачному небу мохнатыми сережками березы. Ян Лукич медленно шел по улице, вспоминая такие же первомайские дни, которые он отмечал с товарищами в Лодзи.

Собирались они обычно за городом, где-нибудь в глубине леса. Приходили поодиночке или парами, чтобы не вызвать подозрения у жандармов. Не всегда удавалось довести до конца маевку. В разгар взволнованных речей ораторов передавали тревожный сигнал и приходилось рассыпаться по лесу, чтобы не попасть в руки царских ищеек.

— Да и здесь, в Шушенском, тоже не особенно разгонишься, — подумал Ян, прервав свои воспоминания. — И все же мы отметим свой Первомай, на то и единомышленники, — решил Ян Лукич, сворачивая к дому Петровой.

Еще с порога громко поздравил он Ульяновых с праздником. Владимир Ильич крепко пожал ему руку и, оборачиваясь к Надежде Константиновне, сказал:

— Вот она, пролетарская традиция — в любых условиях отмечать наш день. Мы только собирались к Яну Лукичу, а он уже здесь. Опередил нас.

К Оскару направились втроем. Вот и дом Сосипатыча. К сожалению, хозяина дома не оказалось, с утра уехал в поле.

Оскар несказанно обрадовался гостям. Усадив их, он извинился и скрылся в горнице.

— Кавалер пошел наряжаться — заметил с серьезным видом Ян Лукич, — а мы тем разом споем.

День настал веселый Мая,
Прочь с дороги, горя тень!

— начал вполголоса Владимир Ильич. Дружные голоса подхватили:

Песнь разлейся удалая!
Забастуем в этот день!

В дверях показался франтовато принарядившийся Оскар.

Стараясь уловить мотив, он включился в общий хор:

Полицейские до пота
Правят подлую работу;
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,

Вместе разом
Гоп-га! Гоп-га!

После обеда направились в поле. По дороге их нагнали сыновья Проминского Леопольд и Владислав.

— О, молодой человек вышел на прогулку с тросточкой, — улыбнулась Надежда Константиновна, заметив, что Леопольд вертит в руках палочку.

— Это пока секрет, фокус будет потом, — пряча в усах лукавую улыбку, ответил за сына Ян.

Вышли на сухой пригорок и расположились, выбирая места, где пробивались робкие лучики первой зелени. Ян Лукич достал из кармана красный платок, и Леопольд быстро нацепил его на конец палки.

— Так вот зачем понадобилась молодому человеку трость, — понимающе моргнула Ильичу Надежда Константиновна. Порывисто поднявшись, она подошла к Леопольду и погладила его по голове: — Молодец! Крепче держи этот флажок.

Затем она обняла раскрасневшегося паренька за плечи и, обращаясь к своим товарищам, взволнованно заговорила: — Друзья, очень символично, что в этот солнечный первомайский день маленький алый флажок поднял в нашем кругу сын человека, который томится в ссылке. Придет время и Леопольд, люди его поколения будут нести на первомайских демонстрациях настоящие знамена. Будут нести открыто, не таясь ни от кого, ибо они будут свободными от цепей произвола и насилия. Мы в это верим и потому не страшимся ни ссылок, ни каторги, потому и находимся здесь, в Сибири.

— Верно, Надюша, — подхватил Владимир Ильич. — Ян Лукич помнит, как вскоре после его приезда мы вели с ним разговор о путях революции. Мы говорили о необходимости отыскать тот единственно верный путь, который приведет в конечном итоге к нашей победе.

При этих словах все пододвинулись ближе к Владимиру Ильичу, который продолжал развивать свою мысль:

— И к этому пути сейчас стекаются сотни дорог, берущих начало в разных уголках России.

Расходясь по домам, договорились вечером снова встретиться у Ульяновых.

Проминский с детьми поспешил к своей Тэкле. Чувствовал, что она заждалась их. Неожиданно встретился Ермолаев, сельский староста. Против обыкновения он благосклонно ответил на приветствие и не то в шутку, не то всерьез спросил:

— Что же не празднуете сегодня? А я уж думал поздравить вас.

— Не до праздников, об огороде надо думать, весна скоро кончится, — отделался Ян Лукич.

«Неужели что-нибудь пронюхал?» — с тревогой подумал он и тут же посмеялся в душе над своими страхами.

Он замечал, что за последние месяцы отношение к ссыльным изменилось к лучшему. Те, что вначале косо поглядывали не только на него, но

и на Ульянова, сейчас старались при случае завести разговор, рассеять холодок отчуждения.

«Было время, — вспоминает шушенский старожил И. Заверткин, — когда чуждались у нас в Шуше политссыльных. Думали, злодеи какие, много страшных вещей про них рассказывали, также и к Владимиру Ильичу относились. Потом он к себе все сердца привлек, а я так души в нем не чаял».

А крестьянин Шушенского Ф. П. Родин рассказывал об Ильиче: «Он как-то выделялся среди других политических ссыльных, и на него как-то сразу обращал внимание народ»[1].

Как отмечает Н. К. Крупская, Владимир Ильич «...пользовался большой популярностью как юрист, так как помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал»[2].

...День Первого мая завершили ужином у Владимира Ильича. Проминский на этот раз пришел с женой. Снова зазвучали песни.

Не сговариваясь, начали любимую песню Ильича «Замучен тяжелой неволей», а потом новую — «Смело, товарищи, в ногу», которую завез из России один из ссыльных, побывавший проездом в Шушенском.

Хор был уже более мощным, к нему присоединились голоса Елизаветы Васильевны, Тэкли Роховны и Паши, девушки, помогавшей Ульяновым по хозяйству.

Радостно возбужденные разошлись по домам.

«А только мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, — пишет, вспоминая о том дне, Надежда Константиновна, — мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...»[3].

Протест семнадцати

Удачно отмеченный Первомай окрылил Яна Лукича. Он вспомнил, как почти год назад, вскоре после приезда Надежды Константиновны, Владимир Ильич сказал ему: «Помните, дорогой Иван Лукич, наш разговор о необходимости создания партии. Так вот, пожалуйте — она почти существует». Возбужденно вышагивая по комнате, он с ноткой восхищения продолжал:

— Наденька привезла величайшую и наиприятнейшую новость: в марте состоялся I съезд Российской социал-демократической рабочей партии. И где вы думаете? Не так далеко от вас, на земле ваших соседей-белорусов, в Минске.

---

[1] С. Беляевский. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярское кн. изд-во, 1964, стр. 47.

[2] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, стр. 27—28.

[3] Там же, стр. 30.

Ошарашив гостя столь неожиданным сообщением, Владимир Ильич провел ладонями по лысеющей голове:

— Это уже начало начал. Правда, состав ЦК арестован, перестала выходить «Рабочая газета» — официальный орган партии. Но почин исторической важности сделан, и в этом я вижу значение съезда.

Подойдя к конторке, он порылся в бумагах, постоял чуточку, глубоко задумавшись, и повернулся к Яну Лукичу:

— Ладно, ладно. Это потом... А сейчас вот о чем хотел сказать вам, дорогой товарищ. Перед нами — социал-демократами — стоит наиважнейшая задача — это окончательное укрепление партии, выработка ее программы, возобновление печатного слова. Последнему следует придать особое значение, возможно, с него придется в скором времени и начинать.

Ян Лукич, перебирая в памяти события прошедшего года, отметил, что Владимир Ильич частенько и настойчиво возвращался к этому разговору.

Подходило к концу короткое сибирское лето. Зажелтели хлеба. Опустели улицы Шуши — каждый возился на своем дворе. Приближалась страдная пора.

Перестал ходить в лес на прогулку Владимир Ильич. Ян Лукич заметил, что он чем-то глубоко озабочен, целыми днями сидит дома. Ян заходил теперь к ним нечасто, но всякий раз заставал Владимира Ильича за конторкой. Видел, как нанизываются торопливые строчки да поскрипывает перо по бумаге.

Наступил сентябрь. По утрам на пожухлой траве уже белела изморозь. Одевшись потеплее, с рассветом уходил Ян Лукич за село. Обычно к обеду сворачивал с лесной тропы и направлялся к дому. На окраине села его нетерпеливо поджидали дети. Завидев издалека коренастую фигуру отца, стремглав летели навстречу

Вот и сегодня бегут милые постреленыши. Сейчас начнут хороводить вокруг него, пританцовывать да подпевать.

Первым подбежал Владик и, едва переводя дыхание, выпалил:

— Отец, тебя ждет Ульянов.

Дома Ян застал Владимира Ильича и Оскара.

— Извините, что побеспокоил вас, — начал Владимир Ильич, — но дело неотложное. Если изложить кратко, то суть такова: нам удалось заполучить один документ. Помните, я вам рассказывал об экономистах. Так вот, они выступили со своей программой, в которой начисто отвергают политическую борьбу рабочего класса, уводят их в сторону от главного пути, о чем мы, кстати, тоже говорили не раз.

— И вроде они против создания партии, — сказал Оскар.

— Вот именно. Эти горе-теоретики дошли до отрицания необходимости самостоятельной политической партии, зачатки которой уже положил I съезд РСДРП и к окончательному оформлению которой стремятся здоровые силы русской социал-демократии. Что мы должны сделать в создавшейся обстановке? — обратился к друзьям Владимир Ильич. — Решение принято — мы собираем наших ссыльных социал-демократов с тем,

чтобы обсудить «кредо», то есть программу экономистов, высказать наше мнение и оформить его в виде протеста российских социал-демократов.

— Едем в Ермаковское и приглашаем тебя, Ян, — снова не сдержался Оскар. — Будут там Кржижановские, Ванеевы, Лепешинские, Старковы, Шаповалов, Панин. И еще кое-кто.

Ян смущенно затеребил усы. Объяснил, что все очень хорошо понимает и полностью согласен с мнением товарищей. Да вот беда, и, кивнув на дверь, за которой возились дети, он сказал, что кончается срок, надо собираться домой, дорог каждый день. Так что просит войти в его положение и не обижаться. А если можно, то на совещании иметь в виду, что и он голосует за решение, которое будет принято.

...Как только шушенские делегаты вернулись домой из поездки в Ермаковское, Ян пришел к Ульяновым.

— Ну, як съездилось? — спросил он, поздоровавшись с хозяевами.

— Отлично. Все окончилось как нельзя лучше, — ответил за всех Владимир Ильич и пригласил Яна к столу, на котором лежали стопки исписанных листков.

— Прежде всего о нашем документе. Он назван «Протестом российских социал-демократов». Подписан семнадцатью товарищами, принявшими участие в обсуждении «кредо». Помимо тех, кого я называл в прошлый раз, на совещании были Курнатовский, Сильвин, Ленгник, Барамзин. Получается четырнадцать и плюс мы — трое шушенских.

— И я вместе с ними ставлю свою подпись, — расплылся в широкой улыбке Иван Лукич. — Думаю, что и Леопольд сделал бы то же самое.

— За нашего ученика мы спокойны, — поддержала Надежда Константиновна. — У Леопольда впереди годы борьбы, и верим, что он пойдет по стопам отца, пойдет вместе с нами.

Владимир Ильич собрал со стола листки, аккуратно завернул их в газету и, как бы подытоживая беседу, сказал:

— Будем считать, что «протест» получил первое одобрение.

— А вам, дорогой Иван Лукич, скоро в дорогу. И мы совершенно уверены, что где бы ни пришлось осесть вам с семьей, обязательно нащупаете связи с нашими единомышленниками и вместе с ними, как сказано в нашем документе, «будете продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Прощайте, друзья!

Незаметно подкралось время отъезда. Последние дни ушли на отчаянные хлопоты. Шутка ли, на пороге зима, а впереди — далекий путь. Да и семья — целая артель. В Шушенском прибавилось еще на одного— родился сын, которого нарекли Люцианом.

Тэкла Роховна совсем было растерялась: во что одеть детей, как их прокормить в пути.

Еще в июле по совету Владимира Ильича было подано прошение

енисейскому губернатору. У Яна до сих пор хранится черновик, который не раз перечитывали они в томительные часы и дни ожидания ответа.

«Будучи сослан в Восточную Сибирь на три года, — начиналось прошение, — я решил взять с собою так далеко семью (состоящую из жены и шестерых детей) лишь ввиду того, что правительство доставляет за казенный счет семью ссыльного и на место ссылки и обратно на родину по окончании срока ссылки.

23 октября 1889 года кончается срок моей ссылки и возвратиться на родину для меня тем более необходимо, что по своему ремеслу (шляпный мастер) я не в состоянии найти себе здесь никакого заработка. Между тем для отправки семьи на родину на свой счет я не имею средств, ибо, получая пособие по 19 рублей 32 копейки в месяц на семью в 8 человек и не имея никаких заработков, я не в состоянии был скопить на дорогу ни копейки, а, напротив, израсходовал даже те несколько рублей, которые были сбережены мною на родине.

Поэтому я имею честь просить сделать зависящее распоряжение об отправке меня и моей семьи, по окончании срока ссылки, на родину за казенный счет»[1].

Однако прошение осталось без ответа. Губернское начальство, видимо, сочло его преждевременным, что могло служить прекрасным поводом для молчаливого отказа. Писать после окончания срока ссылки тоже бесполезно — откажут ввиду поздней подачи прошения.

Правда, распоряжение поступило. Оно пришло вместе с освобождением от гласного надзора полиции. Проминскому «милостиво» разрешалось покинуть Шушенское, но при этом не менее милостиво воспретили ему жительство в столицах и многих губерниях центральной части России, а также в городах Красноярске, Иркутске, с уездами в течение двух лет, сроком по 23 октября 1901 года[2].

Как всегда, пришли на выручку друзья. Поделились чем могли: одежонкой для детей, продуктами. Ульяновы и Оскар выкроили денег из скудных пособий. Не остались в стороне Сосипытач и Журавлев. Наготовили на дорогу пельменей.

Накануне пришли к Проминским Надежда Константиновна и Владимир Ильич. Не было только Оскара — неожиданно заболел.

Посреди комнаты пестрела груда тюков и ящиков с небогатыми пожитками. В углу, прижавшись друг к другу, спали младшенькие. Леопольд бодрствовал вместе со взрослыми.

Организовали прощальный ужин. Озабоченно вздыхала уставшая от сборов Тэкла. Ян внешне держался невозмутимо, но было заметно — каких трудов стоит ему сдержать грусть. Грусть расставания с товарищами, с которыми он сроднился за годы ссылки, которым обязан очень многим.

---

[1] Красноярский краевой гос. архив, ф. 595, оп. 67, д. 13, л. 69.
[2] ЦГАИ, ф. ДП, 3-е делопроизв. д. 4220—1899 г. л. 11.

—Не надо печалиться, — обращаясь к Проминским, сказал Владимир Ильич. — Ведь в Шуше начали тоже с охов да ахов. А глядишь — прижились, да и времени попусту не тратили. А главное не унывали.

В этот вечер слова «Варшавянки» воспринимались острее, чем когда-либо. Они приобретали особый смысл, и пели их вдохновенно.

Исполнили еще несколько песен, и Леопольд пел вместе со всеми. Надежда Константиновна подозвала его и усадила рядом.

— Не забывай, Леопольд, о наших уроках. Учись при всякой возможности.

А затем обернулась к Яну:

— Да и вы, Иван Лукич, политграмоту нашу продолжайте.

— Спасибо, Надежда Константиновна, — растроганно ответил тот.— Никогда не забудем вашу семью. Хотелось бы еще встретиться.

Владимир Ильич вынул из кармана пиджака беленький пакетик и протянул его Яну. Затем, крепко пожав ему руку, обнял за плечи.

Ян Лукич, повторяя «дзенькуе», «дзенькуе», осторожно развернул пакетик и увидел фотокарточку Владимира Ильича.

— Вот несчатье, нет у меня фотографии для памяти, — огорчился он.

— Не беда, — бодрым голосом успокоил его Владимир Ильич. — Встретимся когда-нибудь. — А теперь спать, спать. Вам надо перед дорогой хорошо отдохнуть, особенно Тэкле Роховне.

Тепло попрощавшись, Ульяновы ушли.

Как только закрылась за ними дверь, Ян снова развернул пакетик и они втроем склонились над фотографией. Фотография была с дарственной надписью.

Наутро снова собрались у дома Коревичей. Пришли провожать не только близкие товарищи, но и некоторые сельчане. Тут же похаживал наблюдавший за отъездом староста Ермолаев. Подали лошадей. Усадили на подводу детишек, укутанных в теплые шубки. Расцеловались, Ян посмотрел на всех повлажневшими глазами и низко поклонился.

— Прощайте, друзья.

Затарахтели колеса по смерзшейся колее, заглушили напутственные слова оставшихся позади.

А Шушенка, говорливо журча на перекатах, катила в безвестную даль свои воды. Так же, как и три года назад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ

Снова мытарства

Первую остановку Проминские сделали в Минусинске, где проживал их земляк, лодзинский рабочий Антон Павлович Чекальский. У него тоже окончился срок ссылки. Ко времени и попутчики приехали.

Получив у минусинского исправника Стоянова проходные свидетельства вместо паспортов «на свободное проследование из г. Минусинска, в пределах Томской губернии», Проминские и Чекальский 16 ноября 1899 года покинули город.

Свинцовые тучи низко нависли над землей, первые заморозки сковали дорогу, и там, где в осеннюю слякоть колеса вязли в грязи, пролегли теперь кочковатые колеи.

Долго пришлось тащиться по тряской дороге, укачало детей мерное позвякивание колокольчиков под дугами. Наконец добрались до Боготола. Здесь и решили зимовать до весны.

В ноябре того же года В. К. Курнатовский в письме к Е. И. Окуневой сообщал: «Чекальский и Проминский уехали на железную дорогу около Боготола, где они устроились сначала в качестве ремонтных рабочих с заработком 15—18 рублей в месяц. Жить придется в балаганах вдоль пути и, смотря по месту производства, на линии. Лучшего мы ничего не могли подыскать им. Для них «изъяты» даже Красноярск и Иркутск.

Мы надеемся, что скоро,однако, положение их улучшится...»[1]

Тем временем всполошилась полиция — Проминский и Чекальский не прибыли в Ачинск, где им надлежало проживать под негласным надзором. Полетели запросы из Красноярска в Томск по линии железнодорожного управления.

А разыскиваемым было не до полиции. Как ни помогали друзья, положение Яна Лукича и Антона Павловича не поправлялось. Нелегкое дело отыскать себе постоянное место работы, да еще политическим ссыльным.

— Ничего, переживем и эту беду, — утешал Ян Лукич расстроенную Тэклу. — Вон сколько друзей у нас в Сибири, обязательно помогут.

В декабре 1899 года А. М. Старкова пишет из Омска своему мужу В. В. Старкову: «Недавно получила письмо от мамы и Зиночки (жена Г. М. Кржижановского. — *ред.*), письмо, из которого видно, что недавно они получили письмо от Чекальского и Проминского. Чекальский устроился, а Проминский остался без места и просит Глеба его устроить. Зиночка передает эту просьбу мне, так как Глеб был в отлучке. Я уже узнавала по этому вопросу. Все говорят, что работу можно получить здесь, в мастерских, всегда почти можно, только работу чернорабочего по 55 копеек, при своей квартире и харчах. Потом можно подучиться слесарному и токарному ремеслу... Для Леопольда Омск уж очень подходит... Напиши им, и пусть они советуют от себя, если Глеб не найдет работы Проминскому в другом месте»[2].

В начале января 1900 года полиция, наконец, успокоилась. Жандармский полковник сообщил из Томска, что разыскиваемые живут на стан-

---

[1] Товарищи по борьбе. Письма соратников В. И. Ленина. Красноярское кн. изд-во, 1965, стр. 206.

[2] Там же, стр. 218.

ции Боготол. Вскоре Проминский и Чекальский заносятся в списки лиц, состоящих под негласным надзором.

Подрабатывая на случайных «вакансиях», Ян Лукич прожил в Боготоле до июля 1900 года. За восемь месяцев работы на «чугунке» помытарствовал он изрядно.

Рабочий день железнодорожника формально был ограничен одиннадцатью часами, а на деле доходил до 12—15. В мастерских и депо широко практиковались сверхурочные работы — «вечеровки». Вдобавок — мизерный заработок, ужаснейшие бытовые условия, постоянные штрафы, вычеты...

И снова подали руку друзья, пришли на помощь в трудную минуту. Поблизости на станции Тайга оказался Г. М. Кржижановский, состоявший в должности помощника начальника паровозного депо. Перед этим он работал в Нижнеудинске слесарем, помощником машиниста, машинистом.

В июле 1900 года Глеб Максимилианович помог Проминским перебраться на станцию Тайга и устроил Яна Лукича в депо.

Третий раз скрестились их пути. Как всегда, вспомнили о прожитом, о товарищах по сибирской ссылке.

— В феврале проводил я Владимира Ильича, — сообщил Глеб Максимилианович. — В последний раз погуляли с ним по берегу Енисея. Помню, стояла лунная ночь, снег искрился. В ту ночь он целиком был поглощен мыслью об организации печатного партийного органа. Он мечтал... Нет, не то слово. Он, как мне показалось, уже во всех деталях представлял себе, какой будет наша партийная газета.

— Где же они сейчас, дорогие мои Ульяновы, — вздохнул Ян Лукич.

— Пожалуй, могу ответить на этот вопрос, — улыбнулся Кржижановский. — Но прежде должен передать от них самый сердечный привет вам и семье. Очень они просили меня об этом.

По стопам отца

Вначале Ян Лукич работал сцепщиком вагонов. Спустя некоторое время он становится смазчиком и почти до конца жизни не изменяет избранной специальности. Приходилось ему неделями не бывать дома, совершать дальние рейсы до Челябинска и Иннокентьевской.

Семья устроилась на квартире Михаила Михайловича Пальчевского, деповского рабочего. По соседству жили Тхоржевские, тоже поляки.

В Тайге Проминские прожили почти десять лет. Здесь родился еще один мальчик, которого назвали Генрихом, появилась затем и девочка — Янина.

Хотя Ян Лукич имел теперь постоянную работу, заработка недоставало для многодетной семьи. Поэтому родители вынуждены были устро-

ить Леопольда учеником слесаря в паровозное депо. Учился Леопольд старательно, а специальность пришлась ему по душе.

На первой же неделе состоялась неожиданная встреча.

— Старый знакомый, здравствуй, — раздалось вдруг над самым ухом Леопольда, когда он, нагнувшись, отвинчивал гайку.

Подняв голову, он увидел улыбающегося Глеба Максимилиановича.

— Наверное, не думал, что так скоро свидимся, — спросил Кржижановский. Он сразу же узнал Леопольда, хотя тот заметно подрос.

— Мне отец рассказывал, вы здесь начальником, — смущенно проговорил Леопольд. — Большое спасибо вам за отца и за меня тоже.

— Ну, благодарить-то не к чему. Разве можно оставлять в беде друзей, — снова улыбнулся Глеб Максимилианович. Затем он поинтересовался — ладится ли работа, спросил о здоровье матери, братишек и сестер. Сказал, что будут встречаться часто

Чтобы не давать повода для придирок со стороны полиции, Ян Лукич и Леопольд встречались с Кржижановским только на производстве.

Последний поделился сведениями о местных социал-демократах. Те уже присмотрелись к молодому рабочему и однажды пригласили его на квартиру. Там прочитали ему доставленную из Красноярска через верных людей листовку с напечатанной в ней речью русского рабочего-революционера Петра Алексеева, произнесенной им на заседании особого присутствия сената 10 марта 1877 года.

На Леопольда эта речь произвела большое впечатление. Особенно остро врезались в память слова: «... и поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Леопольд начал выполнять первые поручения местной подпольной организации, распространял среди рабочих листовки. Но внезапно поручения прекратились. Обеспокоенный этим, Леопольд обратился к одному из руководителей подпольной организации:

— Что случилось? Не доверяете мне или думаете — не справлюсь?

— Не в этом дело, — успокоил тот. — Тебя жандармы приметили. Как-никак твой отец под надзором, вот заодно и поглядывают за тобой. Надо менять место. Как смотришь, если тебе переехать в Красноярск?

— Вот оно что, — облегченно вздохнул Леопольд. — Я согласен. Только поговорю с отцом.

— Молодец. Знали, что согласишься. А теперь слушай внимательно и запоминай. В Красноярске пойдешь в главные железнодорожные мастерские. Найдешь там...

Запомнив адрес, фамилию и пароль, Леопольд, не медля ни минуты, отправился домой.

Узнав о причине переезда сына, Тэкла тяжело вздохнула: «Что с ним поделаешь. Раз надо, так надо. За отцом, значит, пошел».

На исходе дня пришел Франц, брат Михаила Пальчевского, у кото-

рых квартировали Проминские. Предупредил, чтобы Леопольд к ночи был готов покинуть Тайгу.

Как только стемнело, собрались в дорогу.

— Будь осторожней. Зря в драку не лезь, — напутствовал сына Ян Лукич.

— Хорошо, отец, не беспокойтесь, — бодрился Леопольд, хотя нелегко было впервые покидать родных.

Попрощавшись с младшенькими, он поцеловал сухонькую руку матери, Тэкла Роховна была не в силах сдержать слезы.

На станцию пошли вдвоем с Францем. Тому было поручено доставить Леопольда в Красноярск. Выехали из Тайги благополучно, никто не заметил прикорнувшего в паровозной будке паренька. Жарко полыхала топка, за окном тянулась темная полоса леса, изредка мелькали тусклые огоньки таежных деревень.

Прибыли на станцию Мариинск. Здесь Франца Михайловича сменила другая бригада. Наскоро переговорив о новостях, Франц передал Леопольда товарищам, а на прощанье крепко пожал ему руку:

— Держись, браток, до свидания.

В Красноярске Леопольд без труда отыскал нужного человека. Тот определил его на квартиру и предупредил, что денька через два устроят Леопольда учеником слесаря в главные железнодорожные мастерские.

Так в восемнадцать лет Леопольд начал свою самостоятельную жизнь.

Условия в мастерских оказались хуже, чем в тайгинском депо. В цехах грязь, копоть. Ни вентиляции, ни питьевой воды. Почти никакой механизации, все переложено на рабочие руки. Редкий день проходил без увечий — об охране труда начальство не беспокоилось. Работали по 10—12 часов в сутки, частенько выпадали сверхурочные.

С самого начала работы в депо Леопольд взялся за распространение листовок, которые выпускались в революционных кружках. Приглашали его на сходки. Однажды познакомился с человеком, о котором рабочие уважительно говорили, как о самом активном участнике стачек. Назвался он Алексеем Гавриловичем Роговым.

— Леонид Проминский, — чуточку робея представился Леопольд. Он уже стал привыкать к тому, что русские товарищи называли его Леонидом.

Первое серьезное поручение от Рогова он получил в феврале 1902 года. Тогда Красноярский социал-демократический комитет выпустил листовки, в которых разоблачался истинный смысл так называемых «вечеровок». В листовке прямо указывалось, что «вечеровка» — это наиболее распространенный способ маскировать удлинение рабочего дня»[1].

В листовке содержался призыв к стачке, как единственному способу, к которому могут сейчас прибегнуть рабочие, чтобы отстоять свои интересы.

---

[1] Д. Б. Груш. У истоков. Красноярское кн. изд-во, 1963, стр. 167.

Рогов объяснил Леопольду, что эти листовки надо пронести с особой предосторожностью на территорию мастерских и постараться, чтобы как можно больше рабочих ознакомилось с их содержанием. Обычно Леопольд носил листовки, спрятав под рубашку или же в сапоги, под портянки. На этот раз пришлось поломать голову, придумывая разные варианты. Наконец, решил попробовать такой ход.

Уходя с работы, он захватил с собой ящичек, в котором носил слесарный инструмент. Подговорил еще двух-трех товарищей сделать то же самое. На проходной, как и ожидали друзья, к ним придрался сторож.

— Негде хранить инструменты, воруют их, — с искренним простодушием объяснил Леопольд. Затем, поставив на лавку ящичек, предложил:

— Посмотрите сами — что несем. Ключи да гайки, — и для верности перебрал запачканные инструменты.

Ящик настолько был замызган грязью и мазутом, что сторож не решился притронуться к нему и сердито буркнул:

— Ладно, идите, только чтоб начальству на глаза не попадали.

Сделать дома потайное дно в ящике для Леопольда не составляло особого труда. И теперь он преспокойно отправился на работу, неся с собой драгоценный груз.

Когда он рассказывал об этом Рогову, тот похвалил за находчивость, но все же наказал быть осмотрительным.

Наступил Первомай 1902 года. В цехах и на улицах города запестрели сотни прокламаций и листовок. Их жадно расхватывали, прочитывали тайком и передавали в надежные руки. Леопольд ходил именинником. Радовался, что и он причастен к этому делу, что Рогов и на этот раз дал ему ответственное поручение. Вспомнил о первой в его жизни маевке в Шушенском, о словах Надежды Константиновны. Подумал: «Где же теперь Ульяновы, придется ли свидеться с ними».

А Владимир Ильич и Надежда Константиновна в это время были в Лондоне. Уже выходила газета «Искра», созданная Владимиром Ильичем. Газета живо откликалась на события, происходящие в России. Так, в номере 22 «Искры» было отмечено, что в день 1 Мая 1902 года Красноярск затопили прокламациями. Улицы города были красными от прокламаций. И далее приводилась выдержка из донесения красноярского полицмейстера: «...сего числа утром поднято в разных местах по улицам города Красноярска более 2000 экземпляров прокламаций антиправительственного содержания»[1].

В мастерских работало немало молодых. Были они, в основном, учениками. Приходилось им особенно тяжело. Трудились почти наравне со взрослыми, а зарплата — жалкие гроши.

— Что же это получается, — говорил своим товарищам Леопольд,

---

[1] Сб. Традиции зовут вперед. Красноярское кн. изд-во, 1965, стр. 21.

ало прищурив отливавшие синевой глаза. — Через каждые полгода нам должны повышать зарплату, а мы уже работаем год и по-прежнему получаем по 20 копеек в день.

В сентябре 1903 года началась стачка молодых рабочих. Избрали делегацию для переговоров с администрацией. Возглавил ее по просьбе стачечников Алексей Рогов. Ученики два дня не выходили на работу, и администрация вынуждена была объявить о повышении им заработной платы. Это была серьезная победа, которая окрылила молодежь.

Вскоре после прекращения стачки местная социал-демократическая организация предупредила о готовящихся репрессиях против активных ее участников. Леопольд по настоянию друзей вынужден был покинуть Красноярск.

— Что же, Леонид, — сказал он самому себе, — началась и твоя дорога в революцию. Сумеешь ли ты пройти по ней, как Ульяновы, Старковы, Кржижановские, как твой отец, как сотни товарищей по борьбе?

Вести об Ильиче

Шел первый месяц двадцатого века. Ян Лукич по-прежнему продолжал свои дальние поездки. После работы хлопотал по хозяйству. Наведывался в депо к Глебу Максимилиановичу. Иногда в обеденный перерыв собирались с двумя-тремя товарищами в дощатой конторке. Вроде бы на перекур. Глеб Максимилианович сообщал скудные новости, поступавшие из центра.

— Человек, о котором я буду говорить, знаком мне и Ивану Лукичу, — сказал Кржижановский. — Владимир Ульянов был с нами в ссылке в Шушенском. Сейчас за границей создал новую партийную газету — орган российской социал-демократической рабочей партии. Называется «Искра». Уже вышел первый номер. Возможно, дойдет в скором времени и до нас[1].

Забыв о еде, слушали Кржижановского собравшиеся. Спросили: о чем написано в газете, могут ли рабочие, социал-демократы посылать туда свои заметки.

— Гляди ж ты и придумано метко — «Искра». Сейчас только подпусти ее и враз все загорится...

Так по-житейски мудро и восприняли друзья сообщение Глеба Максимилиановича. Эту же мысль чуть позже выразит в своем письме, опу-

---

[1] По возвращении из ссылки Владимир Ильич развернул кипучую деятельность по организации общерусской политической газеты. Он предусмотрел создание в различных городах России групп содействия печатному органу.

Такие группы содействия, как первые ростки организации профессиональных революционеров, появились задолго до выхода в свет первого номера «Искры».

Как агент «Искры» Глеб Максимилианович однажды получил от своих товарищей письмо и в нем отдельный листок с текстом «Заявления редакции «Искры», написанным В. И. Лениным. В письме сообщалось, что скоро выйдет первый номер газеты.

Это письмо с «Заявлением редакции «Искры» и послужило основой беседы Кржижановского с рабочими.

бликованном в одном из номеров газеты, рабочий-ткач: «Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номер истрепался, а он дорог. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда ее читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас рабочих и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уже не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!..»[1]

Спустя несколько дней после памятного разговора Глеб Максимилианович сказал:

— Очень важно для «Искры» получить материалы из разных мест, о разных отраслях хозяйства. Пишут о положении фабричных и заводских рабочих. А мы с вами, Иван Лукич, на железной дороге. В какой-то мере в курсе дел транспортных рабочих.

Не зная, к чему клонит товарищ, Ян Лукич простодушно бросил:

— Чтоб и я написал в «Искру»?

— А почему бы и нет, — оживился Кржижановский. — Но я хотел сообщить вам, что отправил в газету статью, называется — «На Великой Сибирской магистрали». Изложил некоторые свои наблюдения.

— Добже, добже, — отозвался Ян Лукич. — И правильно сделали. Почитаю ваше сообщение в газете, когда его напечатают, и от себя что-нибудь добавлю. А заодно и Владимиру Ильичу и его семье привет передам. Думаю, не забыли они старого Яна. Такие люди не забудут.

От слов к делу

Товарищи посоветовали Леопольду обосноваться на станции Зима. «Станция Зима 3 класса. Здесь имеется государственная сберкасса, почтовое отделение, буфет. При станции депо и мастерские. Одноклассное железнодорожное училище»[2].

Устроился Леопольд слесарем в паровозное депо. Однажды в конце рабочего дня подошел к нему коренастный пожилой человек и протянул руку.

— Доминик Синицкий. Машинист. Смотрю — новичок у нас. Без родни скучно. Заходи вечерком — почаевничаем.

В этот же вечер они встретились. Синицкий оказался руководителем местного социал-демократического кружка.

— А о тебе мне Алексей Рогов сообщил. Знаешь такого? Ну вот и добро, — сказал он прощаясь.

---

[1] «Искра», 1901, август, № 7.

[2] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1901—1902 гг., стр. 207.

И снова листовки, прокламации, тайные сходки. Синицкий привозил откуда-то нелегальную литературу целыми пачками.

Вскоре на станцию приехал Александр Сенкевич и поступил в депо конторщиком. Вместе с местным учителем Порфирием Минеевым он взялся вести занятия по общеобразовательной марксистской подготовке с членами кружка, а также с передовыми и надежными рабочими. Выделялся среди кружковцев и опытный подпольщик Феоктист Алексеевич Березовский, работавший начальником разъезда Шетик в восемнадцати верстах от Зимы.

...Леопольду шел двадцатый год. Прошли дни новогоднего праздника. Как всегда, толковали о том, что принесет наступивший год. И вдруг страшная весть — в Петербурге по приказу царя расстреляно мирное шествие рабочих. События 9-го января всколыхнули страну. Волна народного гнева и возмущения докатилась и до зиминцев. На сходках все настойчивее раздавались голоса за немедленную организацию политической забастовки.

Березовский, Минеев, Проминский и другие кружковцы усиленно распространяли листовки, поступавшие из Красноярска, Иркутска, Омска...

Как-то после очередной сходки, Феоктист Березовский задержал Леопольда для важного, как он выразился, разговора.

— Знаю, что твой отец — старый социал-демократ, — начал он издалека. — Также мне известно, что ты в какой-то мере знаком с Кржижановским, Старковым и другими ссыльными революционерами. Наверное, не были для тебя тайной разговоры отца с Владимиром Ильичем, который сейчас издает «Искру» и выступил одним из главных инициаторов созыва II съезда РСДРП.

— Да, это так, — машинально согласился Леопольд, еще не понимая к чему разговор.

— А раз так, — подхватил Березовский, — тебе пора быть в рядах нашей партии. Все товарищи полагают, что ты вполне подготовлен к этому, а главное будешь полезным бойцом.

Леопольд пожал плечами:

— А я давно считаю себя с вами, разве только официального разговора не было.

— Считай, что такой разговор состоялся. Скоро мы оформим твой прием в партию и в нашу партийную организацию.

Так в памятном 1905 году Леопольд стал членом РСДРП.

Позже в очерках революционной борьбы 1905 года Феоктист Березовский писал: «В самый разгар нашего революционного творчества из Иркутска в Зиму прибыл уполномоченный Иркутского комитета РСДРП Иннокентий Афанасьевич Попов (Ангинский) и попросил созвать общее собрание для оформления разросшейся группы, выборов подкомитета и утверждения ее Иркутским комитетом.

Хотя мы знали, что Иркутскому комитету давно известно было о

нашем существовании, но, памятуя партдисциплину, созвали общее собрание, официально приняли программу и устав партии, установили членский взнос в 50 копеек и ввели в обиход зелененькие квитационные книжки, которые служили партбилетом»[1].

Получил такую книжку и Леопольд. Отныне в списках партийной организации он числится под именем Леонида Ивановича Проминского.

На том же собрании председателем подкомитета был избран Феоктист Березовский, секретарем Иван Потрясов и казначеем Порфирий Минеев.

* * *

Ранним утром 17 октября 1905 года в кузнечный цех стали стекаться рабочие. Мастеровые депо объявили забастовку. Проминский пришел вместе со своими товарищами слесарями и внимательно присматривался к возбужденной толпе. Начались выступления ораторов. Своеобразной трибуной служили два кожуха от сухопарных колпаков паровоза, стоявшие тут же в цехе.

Выступавшие требовали созыва учредительного собрания, свержения самодержавного правительства, осуждали бездарность военного руководства, позорно проигравшего войну, проклинали царя за погубленные солдатские жизни.

В очередном ораторе Леонид узнал кондуктора Ивана Дерюгу. Путая от волнения русские и украинские слова, подняв над головой руку со сжатой в кулаке кепкой, он говорил:

— Триста лет гние на корню самодержавие, воно вже шатаеться. Трэба нам добре пиднажаты, щоб воно свалилось, та сгнило зусим.

Долго аплодировали оратору. В толпе появились красные флаги, кто-то крикнул: «На улицу, товарищи!»

С пением «марсельезы» хлынула толпа из цеха и пошла нестройными рядами по главной улице поселка.

В тот же день по всем цехам прошли собрания, на которых выбирали членов стачечного комитета. С трудом пробрался Леонид в небольшую комнату нарядчика паровозных бригад. За столом стоял машинист Шуландт.

— Кого предлагаете в члены стачечного комитета? — спросил он у собравшихся.

Перебивая друг друга, рабочие выкрикивали кандидатуры. Назвали машинистов Василия Кабанова, Доминика Синицкого, Никифора Керзика, от слесарей предложили Петра Краюшина и его — Леонида Проминского. При общем одобрении прошли также кандидатуры Эрнеста Шуландта и Феоктиста Березовского.

В этот день проходили выборы у телеграфистов, кондукторов, ремонтных рабочих...

---

[1] Ф. Березовский. Таежные застрельщики. Л., Изд-во «Прибой», 1926, стр. 87.

Как было отмечено позже в постановлении иркутского окружного суда, всего членами стачечного комитета в Зиме было избрано 22 человека. Судом им было предъявлено обвинение в том, что «они, участвуя в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя, кроме сего захватили в свои руки власть на Сибирской казенной железной дороге и образовали мятежные комитеты, устранившие правительственных агентов дороги...»[1]

День 17 октября закончился благополучно. Полиция пока не предпринимала решительных мер. Вечером на окраине поселка, в одном из недостроенных домов, тайно собрались члены стачечного комитета. На своем первом заседании они избрали президиум комитета. Было также принято решение назначить руководителем паровозного депо машиниста Доминика Синицкого, что фактически означало «устранение правительственных агентов дороги».

В ночь на 18 октября Леонида Проминского, как и всех членов стачечного комитета, оповестили о том, что на станцию прибыл воинский эшелон, следовавший с Дальнего Востока.

Всю ночь группа вооруженных офицеров рыскала по селу, врывалась в квартиры, имея намерение арестовать главарей забастовки. Но те, по предложению Березовского, укрывались у своих знакомых и настороженно следили за ходом событий.

Еще днем стачечный комитет, по рекомендации партийных товарищей, создал вооруженную дружину, во главе которой были поставлены машинист Василий Кабанов и помощник машиниста Николай Маршан. В тот же день в кабинете начальника участка тяги появились Эрнест Шуландт, Александр Сенкевич и Николай Маршан.

— Требуем распорядиться о выдаче оружия, — предложил Шуландт.

— Какое оружие? О чем вы говорите, господа, извините, това...

— Товарищами мы никогда не были, — перебил его Сенкевич, — а оружие есть, и мы знаем, где оно находится.

— Ну воля ваша. Только я не причастен к этому делу, — развел руками Сенкевич.

Из кладовых 23 и 24 участков пути были изъяты винтовки, револьверы и патроны. Вскоре по перрону и улицам поселка патрулировали дружинники. У каждого за плечом закинута винтовка, а на рукаве белая повязка с выведенными на ней буквами «З. М.» (Зиминская милиция).

Стачечный комитет постановил: ремонтные работы, прием и отправление поездов продолжать, но при этом выполнять только распоряжения комитета. Однако бездействие властей несколько усыпило бдительность забастовщиков. Стараясь быть гуманными в своих действиях, они допустили непоправимую ошибку.

На второй день забастовки ранним утром Березовский, Сенкевич и Станевич пришли в канцелярию жандармского ротмистра Богушевского.

— Мы посланы рабочими, — заявил Березовский. — Ставим вас в

---

[1] ГАИО, ф. 242, оп. 1, д. 138, л. 10.

известность, что сегодня собираем всех на митинг, который состоится в кузнечном цехе. Думаем, что препятствовать этому с вашей стороны не имеет смысла.

Богушевский, немного подумав, ответил:

— Поскольку забастовка ваша носит мирный характер и поскольку вы берете на себя поддержание порядка, я разрешаю провести митинг. Вмешательство полиции и воинских частей исключено, — заверил он делегатов.

Доверившись заверениям ротмистра, члены стачечного комитета допустили еще один промах, — располагая вооруженной милицией, не взяли в свои руки охрану митинга.

Снова в кузнечном цехе многоголосо заколыхалась толпа. Леонид еще раз прошелся по участкам депо и вдруг в токарном цехе наткнулся на группу солдат. Что-то тревожное шевельнулось в душе, но надо было спешить в кузнечный.

— Наверное, пришли послушать, о чем будут говорить на митинге, — подумал он и тут же успокоил себя: не офицеры же пришли. А солдат что — тот же мужик или рабочий, только в казенной шинели.

В кузнечный Леонид подоспел как раз к началу митинга. На ту же импровизированную трибуну, с которой выступали вчера, поднялся Березовский. Шум постепенно утих.

— Товарищи! По всей стране идет стачка железнодорожников, — начал он, негромко и неторопливо выговаривая каждое слово. — Она проходит под лозунгом российской социал-демократической партии: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» Мы с вами живем далеко от центра России, где борьба достигла высокого накала, где в одном строю выступают фабрично-заводские рабочие, транспортники, почтово-телеграфные служащие. Вы знаете о восстании революционных матросов на броненосце «Потемкин»?

— Знаем, — отозвалась толпа.

— А раз так — давайте спросим себя: имеем ли мы право стоять в стороне от этой борьбы?

— Нет! Нет! Нет!

— Нет, — громко сказал Березовский, — не можем! Сибирь для царя издавна была надежным местом, куда он упрятывал политических ссыльных. Так пусть она станет ареной революционных битв!

— Правильно! — не удержался Леонид и громко захлопал в ладоши.

Толпа задвигалась и шумно поддержала его.

Вслед за Березовским выступили еще несколько человек. Митинг подходил к концу. Внезапно тишину взорвал протяжный и чуть сиповатый гудок.

— Деповский гудет, — удивленно сказал кто-то рядом с Леопольдом.

— Ведь договорились с Сенченко, что гудка не будет, — вспомнил Леонид. — Так и рабочим было сказано: сегодня к станкам и верстакам не становиться, после митинга выйдем на улицы. Кое у кого на этот случай флаги припрятаны.

Группа рабочих, в которой Леонид заметил Шуландта, пыталась открыть дверь в токарный, чтобы затем добраться до кочегарки и оборвать гудок. Леонид стал проталкиваться сквозь толпу к Шуландту. Он уже подбирался к дверям и вдруг услышал, как что-то затрещало, словно над самым ухом переломили пучок лучинок. Почти одновременно мигнули красные огоньки между дверью и полом, чем-то горячим обдало шею. Он упал. В ту же секунду, подхваченный чьими-то руками, быстро поднялся и снова увидел огненные точки под дверью.

— Стреляют! Стреляют! — испуганно закричал кто-то в толпе. Люди шарахнулись к выходу. Затрещало из-под двери еще раз. Леонид бросился на помощь Березовскому, который поднимал лежавшего на полу слесаря Муранова.

Когда разъяренные рабочие взломали дверь в токарный цех, там никого не оказалось. Только в воздухе еще держался едкий запах пороховой гари.

Вечером Феоктист Алексеевич пришел в больницу навестить раненых. В отдельной палате лежал Воробьев. Врач Нечаев, сопровождавший Березовского, печально промолвил:

— В сознание не приходит. Раны смертельные. Сделали все, что в наших силах.

— Неужели... конец?

— Боюсь, что да. — Вздохнув, Нечаев повел Березовского в соседнюю палату. Леонид лежал на узкой железной кровати возле входа.

— Ему нельзя разговаривать, — сказал врач, — в мякоти шейных мышц сидит пуля. Видимо, угодила рикошетом, а то бы навылет. Оно бы к лучшему, а так придется оперировать.

Доценко метался в жару и все твердил, что у него началось заражение крови. Больших трудов стоило Березовскому успокоить товарища.

Когда Березовский перед уходом снова зашел к Проминскому, Леонид приподнялся на локтях и чуть слышно прохрипел: — Держитесь до конца. Передайте всем...

В ту же ночь Воробьев скончался, а некоторое время спустя умер и Доценко.

Через два дня к Леониду снова наведался Феоктист Алексеевич. Расспросив о самочувствии, он загадочно улыбнулся:

— Новость тебе принес превеликую. Оказывается, зря мы с тобой старались. Царь-то уже давно позаботился о нас. 17 октября, как раз в первый день нашей забастовки, он издал манифест, в котором пообещал гражданские свободы и законодательную думу.

— Враки.

— Нет, слухи-то верные. А вот насчет обещаний ты правильно заметил, — Березовский одобрительно похлопал Леонида по вытянутой поверх одеяла руке. — Все это от испуга обещано. Пройдет немного времени, и он снова за свое возьмется.

Вскоре Березовскому пришлось убедиться в справедливости своих

предположений. Хотя многим участникам забастовки было объявлено некое подобие амнистии, Феоктист Березовский по распоряжению управления Сибирской железной дороги увольнялся с работы. Это сообщение вызвало бурный протест рабочих, которые заявили о решимости продолжать забастовочную борьбу. Не только на станции Зима, но и на ряде соседних станций и разъездов прошли митинги. Местная партийная организация распространила среди рабочих листовку, в которой говорилось:

«Товарищи-граждане! У нас хотят уволить за забастовку нашего товарища Березовского. Мы, служащие ст. Зима, послали телеграмму начальнику дороги с требованием оставить его на месте... и если нас не удовлетворят, решим бастовать.

— Товарищи, присоединяйтесь!

Не дадим больше глумиться над нами. Довольно обещаний!»[1]

Напуганное непрекращающимися выступлениями рабочих, жандармское начальство вынуждено было оставить Березовского в покое.

Попытался показать свою власть и ротмистр Богушевский, арестовав без всяких причин и обоснованных обвинений Ивана Дерюгу. Однако стачечный комитет вынудил и его отказаться от своих намерений.

На вторник 24 октября комитет назначил похороны погибших во время митинга в депо. Спустя полмесяца в газете «Иркутское обозрение» писалось об этом: «К 2 часам дня желающими отдать последний долг жертвам старого режима переполнена была и внутренность церкви, и ограда, и переулки, ведущие к церкви. Около 3-х часов из больницы вынесли красные гробы. Впереди за крышками шло духовенство и хор церковных певчих, а за гробами шел хор рабочих, человек 100 с красным флагом. Лишь только впереди кончалось пение «Святый боже», сзади раздавались стройные звуки «Вы жертвою пали в борьбе роковой»[2].

В этой же заметке сообщалось о том, что во время митинга в кузнечном цехе в соседнем токарном отделении находились солдаты, специально поставленные для открытия стрельбы по забастовщикам.

В одном из цехов локомотивного депо Зима можно сейчас прочесть на мемориальной доске, что здесь во время забастовки в октябре 1905 года были убиты слесарь Воробьев и кондуктор Доценко.

Леониду не пришлось участвовать в похоронах. Он все еще лежал после ранения в больнице.

Экзамен выдержан

Леонид мучительно переживал вынужденные дни безделья. Тяготила его больничная обстановка, хотелось быть в гуще событий. Он понимал, что впереди ожидают суровые испытания, предстоят серьезные столкновения с полицией, а может быть, и с войсками.

Опасения Леонида оказались верными. События 1905 года показали,

---

[1] «Приокская правда», 1967, 21 января.

[2] «Восточное обозрение», 1905, 9 ноября.

что теперь и Сибирь становится очагом революционного движения. Царь посылает на усмирение забастовщиков две карательные экспедиции: из Москвы барона Меллера-Закомельского, из Маньчжурии — генерала Ренненкампфа.

Наделенные неограниченными полномочиями и властью, царские палачи жестоко расправились с рабочим движением. Там, где проходили карательные отряды, оставались трупы расстрелянных, раскачивались на виселицах казненные без суда и следствия.

После кровавой расправы с железнодорожниками на станциях Иланская и Нижнеудинск озверевшие каратели примчались на станцию Зима. По доносу жандармов они схватили в первую очередь членов стачечного комитета. Леонида Проминского вытащили из больницы и в карательном поезде подвергли чудовищному избиению. Когда он терял сознание, приводили в чувство и снова продолжали избивать. Затем полуживого отправили в Иркутскую тюрьму. В это время, по официальным данным, в тюрьмах Иркутского генерал-губернаторства томилось более пяти тысяч политических заключенных.

В тюремной больнице Леонид пробыл недолго. Его, как подследственного , собираются отправить в Александровскую каторжную тюрьму. Зиминские товарищи решают во что бы то ни стало вырвать Проминского из рук карателей. Он мог быть освобожден под крупный залог в 400—500 рублей. Решили обратиться к Владимиру Феоктистовичу Черепанову — контрагенту по производству гражданских искусственных сооружений и земляных работ, проживавшему в Зиме. Черепанов, человек либерально настроенный, долго колебался. Дело в том, что перед этим Эрнест Шуландт и Александр Лебедев, освобожденные под залог, скрылись, и Черепанов боялся, как бы то же самое не произошло с Проминским. Но все же он решился и Леонид оказался на воле[1].

Тяжкие побои, перенесенные Леонидом, резко ухудшили его здоровье. Не заживала и рана, часто горлом шла кровь. Требовалось немедленное хирургическое вмешательство. Друзья собрали немного денег и отправили Леонида в Томскую клинику на операцию.

В конце декабря 1906 года Проминский выезжает из Томска в Иркутск, поскольку распоряжением властей ему было запрещено проживать на станции Зима. Вскоре по прибытии в Иркутск его снова арестовывают, но за отсутствием улик освобождают под подписку о невыезде за пределы города.

Власти любыми путями стараются упрятать Проминского за тюремную решетку. В феврале 1907 года они совершают еще одну неудавшуюся попытку ареста[2].

Тем не менее Леопольд продолжает выполнять различные поручения партийной организации. В апреле 1907 года под предлогом поездки к сестрам Брониславе и Софье он попадает на станцию Зима. Встретился

---

[1] ГАИО, ф. 242, оп. 2, д. 306.
[2] Там же, ф. 600, оп. 1, д. 240, л. 61—68.

он с сестрами на квартире своего товарища, слесаря депо Дмитрия Кулакова.

Шли дни пасхального праздника, длившегося целую неделю. На третий день пасхи изрядно захмелевший Дмитрий пошел навестить родных. Там еще добавил спиртного, крупно поссорился с отцом и чуть ли не ударил его. Тот заявил о случившемся жандармскому унтер-офицеру. В результате Дмитрий Кулаков попал в полицейский участок. Его поместили в камеру, где оказался слесарь Лончаков, также угодивший сюда после пасхального угара. Этот пакостник под утро отрезвел и начал шарить по карманам Дмитрия. Денег он не нашел, а обнаружил к своему удивлению несколько прокламаций иркутского комитета РСДРП.

На утро солдаты конвойной команды нагрянули на квартиру Дмитрия Кулакова. При обыске у Проминского изъяли прокламации иркутского комитета РСДРП: «Два мира», «Проводы депутатов 2-й государственной думы из Иркутска», «Воззвание к рабочим железнодородных и частных заведений правления Омского профсоюза рабочих депо и мастерских Сибирской железной дороги». Обнаружили также несколько стихотворений, переписанных от руки: «Девятое января», «Искали дочь», «Еврейскому рабочему», «Клятва».

Пожелтевшие листки, на которых рукой Проминского шестьдесят лет назад были выведены строки. Трудно установить авторов стихов, возможно, часть из них написана самим Проминским. Как вещественное доказательство, они пролежали в делах канцелярии иркутского военного генерал-губернатора, а после Октябрьской революции попали в дела Областного государственного архива.

Вот одно из стихотворений, названное «Девятое января».

Братья, в ком сердце застыть не успело,
Кто еще молод душой,
К нам на защиту великого дела
Шествуйте гордой стопой!

В битве за благо родного народа
Смело прольем свою кровь,
Нашим девизом да будет свобода,
Знаменем светлым — любовь!

Родина наша изныла от муки,
Скован неволей народ.
Братья, сомкните в объятия руки,
Двинемся дружно вперед!

Хищники ночи бессильны при свете,
Если ж нам смерть суждена —
Вспомнят добром нас счастливые дети.
Вспомнит родная страна!

Жандармский ротмистр Новиков при допросе спросил Проминского:

— Как вы оказались в Зиме, будучи высланным отсюда по распоряжению генерал-губернатора. Вам ли принадлежат обнаруженные при обыске стихи?

— Приехал к сестрам на праздник, — спокойно ответил Леонид. — Что же касается стихов — не отрицаю, они принадлежат мне.

Ротмистр доносит генерал-губернатору о задержанном и запрашивает, как дальше поступить с ним? А пока идет переписка, Проминского и Кулакова отправляют в иркутскую тюрьму.

Через несколько дней объявили решение генерал-губернатора: «Проминского выслать в Лодзь по этапу».

Вот когда решился вопрос о возвращении на родину. Об этом мечтали отец и мать, об этом нередко задумывался и сам Леонид.

— Сейчас не время, — решил он без колебаний. Не хотелось уезжать от товарищей, с которыми сроднился за годы революционной борьбы. К тому же неплохо изучил Сибирь, знает особенности местной подпольной работы. Здесь он получил свое первое боевое крещение, здесь выдержан суровый экзамен на зрелость борца.

«Для дела, которому посвящена жизнь, я принесу больше пользы, если останусь здесь», — пришел к твердому убеждению Леонид.

С согласия местной организации РСДРП Проминский переходит на нелегальное положение, избрав местом своей работы Иркутск.

Борьба продолжается

В августе 1907 года Леонид встретился с членом Петербургской организации партии Потылицыным-Шешихиным, прибывшим из Женевы в Иркутск. Тот передал распоряжение центра добыть денежные средства для оборудования подпольной типографии.

Шешихин кратко рассказал о прошедших IV и V съездах РСДРП, о том, что по завершению работы V съезда большевики провели совещание, на котором создали свой центр во главе с Владимиром Ильичем. В общих чертах изложил содержание последней крупной работы Ульянова «Две тактики социал-демократии в демократической революции», на обложке которой значится псевдоним автора — «Н. Ильин». При этом Шешихин заметил, что Ульянов с 1901 года издает некоторые свои работы под этим именем.

Шешихин был приятно поражен, услышав подробный рассказ Леонида Проминского о совместной жизни с семьей Ульяновых в Шушенском.

Однако надо было думать о том, как раздобыть деньги для организации. Предварительно посоветовавшись со студентом Николаем Маршаном, который возглавлял во время забастовки в Зиме рабочую дружину, а также с Эрнестом Шуландтом и другими товарищами, Леонид выехал в Томск.

Вместе с членами Томского комитета РСДРП разработали детальный план нападения на поезд, везущий в Томск крупную сумму денег. Затем под видом охотников изучали удобные подходы для остановки поезда между Тайгой и Томском.

Операция состоялась днем 28 августа 1907 года. Сначала все скла-

дывалось благополучно. Уже была изъята крупная сумма денег из железного ящика, привинченного к полу в одном из вагонов. Уложив деньги в чемодан, отправились на отцепленном паровозе в сторону Томска. Недалеко от деревни Спасской было решено покинуть поезд и уйти в лес. Но здесь их нагнал казачий отряд. Завязалась перестрелка. Товарищ, который нес чемодан с деньгами, был смертельно ранен и обнаружен в кустах казаками. Так и не приходя в сознание, он скончался[1].

После провала операции Леонид вынужден был переехать на станцию Маритуй. Здесь он устроился под фамилией Трубецкого табельщиком и осторожно начал нащупывать связи.

Однажды Леонид случайно встретился на станции с человеком, которого приходилось ему видеть во время зиминской забастовки в октябре 1905 года.

— О, Проминский! Говорили, что в Иркутске проживаете, а вы вот где, — бесцеремонно затараторил «знакомый».

Отделавшись от человека, к которому еще в Зиме комитетчики не питали особого доверия, и не заходя домой, Проминский с первым же поездом выехал в Харбин. В местной социал-демократической организации ему оформили паспорт на имя Романа Феликсовича Наленча. По рекомендации одного из новых товарищей он устроился на электростанцию, а вскоре получил повышение и был назначен заведующим городской электростанцией.

Неожиданно в Харбине встретился Алексей Рогов, с которым Леонид работал в Красноярске в 1902—1903 годах.

Алексей Гаврилович поведал о том, что после декабрьских событий 1905 года был брошен в красноярскую тюрьму. В мае 1906 года совершил побег и под именем Трофима Рябова обосновался в Баку. Был одним из организаторов бакинского совета безработных и членом Сабунчинского подрайкома РСДРП. В ночь на 4 сентября 1907 года по доносу предателя его арестовали и заключили в бакинскую тюрьму.

Узнав о том, что участников красноярского восстания собираются отправить в Сибирь, Алексей Гаврилович перебрался на первый этаж тюрьмы, в пересыльную, и под именем Александра Биенко в марте 1908 года был переведен в ростовскую тюрьму. Отсюда совершил побег и оказался в Харбине, где его избрали членом харбинского комитета РСДРП.

В тяжелых условиях приходилось работать революционерам. Полицейское управление Китайско-Восточной железной дороги через пристава Старо-Пристанского участка установило негласный надзор за всеми, кто прибывал в Харбин из России и, в частности, из Восточной Сибири.

Снова по непредвиденной случайности Леонид оказался в руках жандармов. В Иркутске «провалился» подпольщик Галайкин, который хорошо знал Рыжкова, Рябова, Проминского, Маршана. На одном из допросов он проговорился, что в Харбине живет Проминский, активный социал-

---

[1] «Томские губернские ведомости», 1967, 9 сентября.

демократ. Жандармы ухватились за эту нить и вынудили Галайкина написать донос об участии Проминского в нападении на пассажирский поезд.

Галайкин смалодушничал и предал товарища. Ничего не подозревавший Леонид был арестован.

Чтобы застраховать себя от возможной ошибки, харбинское тюремное начальство послало фотографии на станцию Зима. Оттуда в скором времени последовал ответ: «Изображенный на карточке есть действительно Леонид Проминский, служивший в 1905 году слесарем в депо Зима»[1].

Появилось в деле Проминского и подробное описание его наружности: 24 лет, ниже среднего роста, блондин, лицо круглое с сильно выдающимися скулами, глаза синие, шея полная со следом от пулевой раны...[2]

Проминский был отправлен в томские арестантские роты, где просидел долгое время в ожидании суда.

Суд проходил при закрытых дверях. Проминский спокойно выслушал обвинительное заключение, в котором подробно описывалось его участие в зиминской забастовке в октябре 1905 года, в нападении на поезд.

От защитника Проминский отказался. Когда объявили, что предоставляется ему последнее слово, он спокойно поднялся со скамьи и сказал:

— Я не отрекаюсь от своих политических убеждений, от того, что посвятил себя борьбе за интересы угнетенных.

Выдержав паузу, он с удивлением отметил, что судьи не стараются прервать его речь, а напротив с деланным равнодушием наблюдают за ним.

«Так вот почему—нет публики. Нет опасности, что «крамольные» слова будут подхвачены кем-либо, — мелькнула догадка. — Ну, погодите, я вас расшевелю», — усмехнулся про себя Проминский.

— Вы можете сослать меня на вечную каторгу, можете приговорить к смерти, но всех не перевешаете... За нами идут сотни и тысячи. Они несут гибель самодержавию, тому строю, которому вы служите, ибо этот строй обречен.

При последних словах председательствующий не выдержал:

— Подсудимый, время ваше истекает. Говорите по существу дела.

— Я сказал именно по существу дела.

Чтобы как-то придать видимую конкретность окончательному решению, суд сосредоточил внимание не столько на участии Проминского в зиминской забастовке, сколько на втором факте. Суд приговорил «Леонида Ивановича Проминского, 27 лет, как признанного виновным в разбойном нападении по предварительному соглашению с другими лицами на поезд... лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение»[3].

Три мучительных месяца томился Леонид Проминский в одиночке

---

[1] ГАИО, ф. 600, д. 517, к. 53, л. 296—303.
[2] См. там же, д. 267, к. 27, л. 27.
[3] Там же, ф. 11, оп. 3, ед. хр. 114.

для смертников, пока командующий войсками Омского военнного округа при окончательном утверждении приговора не заменил смертную казнь вечной каторгой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОССИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

«...Храните гордое терпенье...»

— Та-та-та-та, та-та-та-та, — отстукивают колеса, а Леониду назойливо лезет в голову: на ка-тор-гу, на ка-тор-гу... Резкими толчками раскачивает вагон, от духоты к горлу подкатывается тошнота. Зарешеченные оконца глазеют чернильной темнотой ночи. А поезд, окутанный шлейфом едкого дыма, продирается сквозь вековое таежное безмолвие.

Пошли знакомые места. На коротких остановках Леонид успевает прочесть названия станций: Тайга, Красноярск, Зима...

Вот и последняя — Усолье-Сибирское. Распахнулись двери арестантского вагона, послышались отрывистые слова команды. Арестанты по одному вышли на заснеженный перрон, задохнулись морозным воздухом. Позвякивая кандалами, Леонид крепче запахнул полы арестантского бушлата и пристроился к колонне. Проваливаясь в сугробах, наметанных около железнодорожного полотна, арестанты выбрались на тракт. Подали несколько лошадей, запряженных в розвальни, куда сложили узелки и котомки, посадили тяжело больных. Скрипнули полозья по укатанному снегу, и нестройными рядами тронулась серая толпа в неблизкий путь. Закружилась поземка, леденящие порывы ветра хлестнули по лицам, холод загулял под ветхой одежонкой.

Леонид оказался в крайнем ряду колонны. Под яркими, холодными лучами солнца ослепительно белело снежное поле. Смежив веки, Леонид шел и нашептывал единственный запомнившийся куплет из песни, которую когда-то пришлось ему услышать:

Далеко в стране Иркутской
Между двух высоких скал,
Обнесен стеной высокой
Александровский централ.

Централ... Какие испытания готовит ему судьба, выдержит ли?

Закованный в ножные и ручные кандалы, Леонид Проминский пришел этапом в Александровскую каторжную тюрьму в декабре 1911 года[1].

...В семидесяти шести километрах от Иркутска в таежной глуши затерялось село Александровское. В 1878 году по указу царя Александра II

[1] ГАИО, ф. 34, оп. 1, д. 6553, л. 1—4.

начинается здесь строительство центральной каторжной тюрьмы Восточной Сибири. Решено было приспособить для этой цели здание водочного завода. В 1889 году сильный пожар уничтожил почти законченные постройки. Потребовалось еще четыре года, чтобы довести до конца царево дело. Централ был рассчитан на 1100 заключенных (37 общих камер и 21 одиночная).

Еще издалека арестанты заприметили мрачное двухэтажное здание с окнами, затянутыми густой сетью решеток. Конвойный офицер остановил колонну перед массивными железными воротами. Загремели засовы, и новая партия узников переступила черту, отделившую их от внешнего мира.

В первые дни Леонид присматривался к новой обстановке, запоминал расположение построек, камер, тая в душе надежду на побег. Стена опоясывала всю территорию тюрьмы. По углам — вышки для часовых. Во дворе централа почерневшие от времени деревянные строения, в которых разместились кухни, прачечная (она же и баня). Рядом новое кирпичное здание, также под баню и прачечную.

Заметив за тюремной оградой церковь из красного кирпича, Леонид усмехнулся: не забыли и господа-бога, позаботились о грешных душах каторжан.

А вокруг высились лесистые горы. Лес манил к себе. Там таилась свобода. Совсем близко, стоит руки протянуть. Но... высоки стены. Одна надежда, что будут водить на работу за пределы тюрьмы. Тогда, браток, гляди в оба....

В общей массе заключенных выделялись политические. Их было человек двести. Публика разношерстная: большевики, эсеры, пепеэсовцы, меньшевики, анархисты, бундовцы, беспартийные матросы и солдаты — участники революционных выступлений.

Большевиков насчитывалось человек шестнадцать. Они располагались в разных камерах, но значительная часть сидела в четырнадцатой. Здесь же были эсеры, меньшевики, пепеэсовцы, анархисты.

По свидетельству старого большевика, члена партии с 1904 года Петра Михайловича Никифорова «14-я камера была угловой и помещалась в северо-восточной части корпуса. Зимой стены камеры текли, всегда пребывали в состоянии хронической простуженности. Большие окна в зимнее время также покрывались толстым слоем льда и снега и еще более усиливали холод».

Касаясь политической обстановки в камере, он продолжает: «Большевики представляли небольшую группу: Проминский Леонид, Рогов Алексей, Тохчегло, Петерсон, Петренко, Андреев, Ордин Степан, Трифонов Евгений и я. Наиболее активными из нас были Проминский и Рогов. Они яростно вступали в споры с меньшевиками, и победа чаще всего оставалась за нами»[1].

---

[1] П. Никифоров. Муравьи революции. Госполитиздат, 1958, стр. 155.

Для Леонида Проминского и Алексея Рогова встреча в централе была уже третьей в их жизни. С болью в душе смотрел Леонид на своего товарища, которого неумолимо подтачивал туберкулез. Но Алексей не сдавался. Как и многие из узников четырнадцатой камеры, он упорно продолжал самообразование. Это спасало людей от вынужденного безделья, закаляло их волю. Учился и Леонид. Любил математику, литературу.

Тот же П. М. Никифоров, проживающий сейчас в Москве, вспоминает: «Все учились, даже смертники. Надзиратель, бывало, говорит: «На кой черт тебе высшая математика — тебя завтра повесят», а наш брат отвечает: «Ничего, на том свете пригодится». Надзиратель показывает на голову, дескать, с ума человек сошел».

И еще одна характерная деталь по его же воспоминаниям: «К нам, в Александровский централ попадала ленинская газета «Социал-демократ», статьи Владимира Ильича. Это было нашим оружием против эсеров!»[1].

Но политические коротали время не только за самообразованием. На первом плане стояло главное дело их жизни — борьба. Борьба в любых условиях, несмотря ни на что. Разношерстный состав политических побуждал к частым спорам, дискуссиям. Однако, несмотря на резкие разногласия по основным вопросам революционной теории и тактики, коллектив политических ссыльных жил по выработанным ими правилам, был в какой-то степени организационно оформлен. Имелся у них свой устав, в первом пункте которого было записано: «целью коллектива политических АЦКТ является совместное сожительство их для взаимной материальной и коллективной взаимопомощи, для сохранения духовной и физической личности заключенных революционеров и для согласования поведения их в обстановке тюремной жизни и тюремного быта»[2].

Но когда дело касалось согласования поведения, эсеры, как правило, скатывались на примиренческие позиции, шли на любые компромиссы с тюремным начальством.

Алексей Рогов однажды заметил:

— Ты помнишь, Леонид, строки:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...

— Ведь когда еще Пушкин писал о гордом терпенье. Думаю, что неспроста поэт применил это слово. По-моему, Пушкин напутствовал тем самым декабристов быть несгибаемыми борцами за свои идеалы.

— А мы-то должны быть выше наших предшественников, — оживился Леонид. — Мы должны быть вдвойне тверже.

С этого дня Леонид в трудные минуты вспоминал пушкинские строки, находил в них духовную опору. Они казались ему напутствием и призывом века ушедшего.

---

[1] Личный архив автора.
[2] П. Никифоров. Муравьи революции. Госполитиздат, 1958, стр. 151.

Как ни высоки были стены централа, как ни крепки его засовы, в тюремные камеры просачивались вести с воли. Запомнился Леониду Проминскому день, когда узники 14-й камеры узнали о ленских событиях.

— Вот вам пример того, как можно договориться с самодержавием,— бросил в адрес меньшевиков и эсеров Алексей Рогов. — Свинец и виселица, нагайки и тюрьма — таков язык переговоров у царя. А вы мечтаете о компромиссах, о мирных перерастаниях, взываете к совести класса имущих.

На этот раз противникам большевиков крыть было нечем.

Однообразие тюремных будней нарушалось появлением новых товарищей. Так в 1913 году 14-я камера пополнилась еще одним большевиком — Евгением Трифоновым, переведенным сюда из Тобольска. Вскоре узнали, что он пишет стихи и успел набросать строки о жизни в централе.

Попросили его прочитать сочиненное.

— Ну, что ж, послушайте, — согласился Трифонов. И, улыбнувшись, добавил: — Конечно, я не Пушкин и не Лермонтов, но питаю страсть к стихам.

Звонок подымет нас в ноябрьской мутной рани,
И свет чадящих ламп сметет обрывки грез,
И окрик бешеный, и град площадной брани...
— Пора вставать... Эй, подымайся, пес!
Встаем. Свернем постель и бродим, как в тумане.
Цвель по стенам, как пятна ржавых слез.
Потеки мыльные от мерзостной лохани,
За окнами — безлюдье, сумрак и мороз.
Потом в ряды построит нас свисток,
Молитву проревем нестройно, диким хором.
Стоим и хмуро ждем. Вот загремят запором,
И грузен поп, и зол вплывет тюремный бог,
И начинаем день, день скуки и мечтаний,
Жуя ломоть сырой и кислой дряни[1].

...Хотя и не порывал Леонид связей с родными, хотелось ему встретиться с ними. О жизни в семье вспоминал он как о далеком, ушедшем навсегда детстве. Иван Лукич с Тэклой Роховной и детьми переехали в Челябинск и работал в депо. По стопам отца пошли и младшие братья Леонида. Владислав стал помощником машиниста, на железной дороге работал Казимир.

В один из воскресных дней июля 1912 года Леонида неожиданно вызвали в тюремную канцелярию. Писарь сообщил, что к нему приехал на свидание какой-то Ян Лукич.

— Отец! — радостно выкрикнул Леонид.

— Какой отец? — изумился писарь. — Вы же значитесь у нас Леонидом Ивановичем, а тут Ян.

— Это его по-польски так зовут, а друзья окрестили меня Ивановичем, — уже на ходу пояснил Леонид.

---

[1] Е. Трифонов. Отблеск костра. «Сов. писатель», 1966, стр. 38.

В большой полутемной комнате для свиданий, перегороженной посредине сетчатой проволочной стенкой, стоял приглушенный гул от множества голосов. Леонид еще от двери зашарил глазами, отыскивая среди стоявших по ту сторону перегородки отца.

Первым увидел Леонида Иван Лукич. Прильнув к проволочной сетке, он наблюдал, как сын шел к нему навстречу. Бледный и худой, закованный в кандалы, в сером арестантском бушлате.

— Леопольд!

И вот стоят они жадно вглядываясь в друг друга, не в состоянии броситься в объятия после столь долгой разлуки.

— Леопольд, — только и выдохнул Иван Лукич и вытер повлажневшие глаза.

—Не беспокойтесь, отец, — дрогнувшим голосом произнес Леонид.— Я почти здоров, кормят неплохо, только вот пошаливает желудок.

Зная о том. что время свидания ограничено, отец и сын старались говорить о самом существенном. Говорили, мешая русские и польские слова. Иван Лукич рассказал о домашних делах, о своей работе. Заикнулся было сообщить о чем-то, но, заметив, вышагивающего за спиной надзирателя, смолк.

О политике почти не обмолвились ни словом.

Вот и пролетело отведенное для свидания время.

— Мы думаем переехать поближе до тебе, — сказал на прощанье Иван Лукич. — А ты мужайся и береги свое здоровье.

— Хорошо, отец, все будет, в порядке, — бодро ответил Леонид.

Возвратившись в Челябинск, Иван Лукич начал обивать пороги у начальства, добиваясь разрешения о переводе на станцию Иннокентьевская. Хотелось быстрее исполнить задуманное, быть поближе к сыну.

Понадобилось почти три года, чтобы решилось его прошение. Только весной 1915 года вызвали Ивана Лукича и сказали, что он переводится Управлением Сибирской железной доргги в паровозное депо Иннокентьевская на должность смазчика вагонов.

Отзвуки войны

Июль в Сибири как всегда выдался жаркий. К полудню двор централа пустел — все старались убраться в тень. В камерах в эти часы веяло приятной прохладой. И тем ожесточеннее вспыхивали споры между политическими, которые по мере возможности следили за событиями по ту сторону тюремных стен.

Ширилось забастовочное движение в России, доходили слухи о том, что на улицах Питера рабочие возводят баррикады. Было неспокойно и за пределами России.

Как-то Алексей Рогов сказал Леониду:

— Чувствую, что дело идет к войне.

Такого же мнения придерживались и некоторые из узников 14-й ка-

меры. Предчувствие не обмануло. Вскоре докатилась неожиданная весть: «Россия объявила войну Германии».

— Да, теперь погонят на мясорубку нашего брата, — сокрушенно вздохнул Рогов, поделившись новостью с Леонидом. — Погонят, но посмотрим, чем дело кончится.

Война резко обострила отношения между разными группировками политических ссыльных.

Истина рождалась не только в спорах. По настоянию большевиков и части примкнувших к ним представителей других партий политические ссыльные централа отказались выполнять военные заказы. Правда, оборонцы пошли на соглашение, но это ни к чему не привело. В конце концов администрация тюрьмы вынуждена была удовлетворить требования политических.

Как бы в подтверждение правильности выводов большевистской группы относительно войны, в 33-м номере «Социал-демократа», просочившегося в тюремные камеры, оказались такие строки: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактором»[1].

Империалистическая война отразилась не только на политических взглядах и настроениях заключенных. Она урезала и без того скудный тюремный паек. Суточная норма выдачи хлеба снизилась до 300 граммов, почти каждый день подавали щи с тухлой капустой. Если раньше на ужин выпадала жидкая гречневая кашица, то теперь она стала редкостью. Потому заключенные с нетерпением ожидали дня, когда на обед варился гороховый суп. Начались болезни.

На зиму резко сократили норму топлива, хотя рядом шумела тайга. Снова стены камеры покрылись толстым слоем льда.

Так в борьбе с лишениями, в жарких спорах проходили томительные недели и месяцы. Лето 1915 года разлучило Леонида с Алексеем Роговым. Тот вместе с Евгением Трифоновым ушел на поселение.

Свобода!

1917 год. Февраль. В Петербурге свергнут с престола Николай II. Однако эта весть дошла до Александоовского централа позднее. Узники с трудом поверили в свершившееся. Окончательно рассеялись сомнения, когда староста коллектива политических объявил о том, что Петроград-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 22.

ский Совет рабочих депутатов потребовал от Государственой думы создания революционного Временного правительства и отречения царя от престола, что такое правительство создано во главе с князем Львовым и что, наконец, в его составе вошел от эсеров Керенский.

Еще большее оживление вызвало сообщение об ожидающейся амнистии политических.

Наконец, наступил долгожданный день. Объявили об освобождении всех политзаключенных. Леониду просто не верилось, что скоро он может добраться до Иннокентьевской, увидеться с родными. Такие же чувства обуревали каждого, кто отбыл за стенами централа долгие годы заточения.

Петр Никифоров, вспоминая о тех минутах, пишет: «В камере началось какое-то столпотворение: целовались, топали ногами, во всю глотку орали:

— Воля! Во-о-ля! Во-о-о-о-ля-я-я!

Вдруг сзади кто-то всхлипнул. Я оглянулся. На нарах стоял эсер Потехин, смотрел в потолок широко раскрытыми глазами, лицо имело идиотский вид. Он смеялся тихим, хлюпающим смехом. Потом смех стал все громче и громче и, наконец, перешел в истерический хохот. За Потехиным захохотал еще кто-то, потом еще. Это не выдержали нервы, напряженные до предела»[1].

Из Иркутска приехал прокурор, начал подбирать дела и составлять списки. «3 марта началось освобождение, — пишет Петр Никофоров. — Двери Александровского централа раскрылись. Освобождались по списку. Помощник выкликал фамилию. Вызванные быстро схватывали свои узелки и бежали из камеры в контору, а оттуда за ворота. Несколько человек я уговорил зайти в библиотеку и забрать книги. Потом вернулся за своими пожитками. Наша камера была пуста, на полу, на нарах валялись тряпки, опорки, клочки бумаги, на столе одиноко стояла кружка, лежал карандаш и список недавних жителей камеры, на окнах тускнели пузырьки от лекарств, кто-то забыл на нарах узелок с махоркой. Карандаш и список я взял и положил в карман куртки. Теплота в комнате исчезла, остался кислый промозглый запах. Я взял узелок и вышел»[2].

Вызвали в канцелярию и Леонида Проминского. Сверились в списке, а затем вручили документ:

Удостоверение

Предъявитель сего Проминский Леонид Иванович, освобожденный из Александровской центральной каторжной тюрьмы по распоряжению господина Министра юстиции.

Начальник тюрьмы (подпись)

4 марта 1917 года.

---

[1] П. Никифоров. Муравьи революции. Госполитиздат, 1958, стр. 173.
[2] Там же, стр. 174.

Подпись была заверена круглой печатью с надписью: «Смотритель Александровской каторжной тюрьмы»[1].

Снова, как пять лет назад, проскрежетали тяжелые тюремные ворота. Но теперь этот скрежет не пугал Леонида и не вызывал недобрых предчувствий. Напротив, хотелось ему надолго сохранить в памяти этот прощальный металлический звон, который будет напоминать о годах «гордого терпенья», о той минуте, когда был сделан первый шаг на волю.

Леонид вышел вместе с Дмитрием Мельниковым. За воротами они встретили Петра Никифорова и вместе с ним направились в село, где собрались на митинг крестьяне.

За воротами же их оглушил оркестр, исполнявший марсельезу. Под такт любимого революционного гимна бодро зашагали друзья по дороге. Перед ними открывалась новая жизнь, манили вдаль неизведанные тропы.

На гребне революции

Город походил на потревоженный муравейник. На улицах толчея, мелькают возбужденные лица обывателей, выползших из насиженных квартир в поисках очередной сенсации. Слухи, пересуды. Шептались за углами: выпустили каторжников из Александровки, и теперь начнется такое, что ни ставни, ни замки не помогут.

Леонид шел, посмеиваясь в душе над страхами горожан. Еще вчера, после долгожданной встречи за семейным ужином, отец мимоходом заметил:

— Буржуйчики да лавочники сплетни разводят. За добро свое трясутся. А простому человеку чего терять? Многие понимают: выпустили политических, а не каких-нибудь разбойников.

В толпе шныряли мальчишки, разноголосо предлагая свежие номера газет.

В «Иркутской жизни» Леониду бросилось в глаза объявление: «Комитет по оказанию помощи амнистированным сим извещает, что в канцелярии комитета (Соломатовская, 13) принимаются заявления амнистированных о желании выехать из города.

Там же выдаются в порядке записи бесплатные билеты на проезд, одежда, пищевое довольствие и справки. Канцелярия открыта с 9 до 4 час.

Приискание занятий лицам, пожелавшим остаться в городе, приняло на себя Бюро труда при Иркутском комитете Союза городов (Амурская, 64)»[1].

Комитет обратился также с призывом к горожанам об оказании помощи освобожденным из Александровского централа и других мест. В течение десяти дней от жителей города поступило только денежных по-

[1] ГАИО, ф. 773, оп. 1, д. 16, л. 551.

[2] «Иркутская жизнь», 1917, март.

жертвований на сумму более шестнадцати тысяч рублей, не говоря уже об одежде, белье, продуктах...

Леонид направился в комитет. Соломатовская улица (ныне ул. К. Либкнехта) воскресила в памяти недавнее прошлое. Вспомнилось, как десять лет назад, на этой же улице, на квартире Николая Яковлевича Бородина, он был арестован и затем заключен в иркутскую тюрьму. У того же Бородина, бывшего конторщика службы пути Забайкальской железной дороги, уточнялись детали вооруженного нападения на почтовый поезд.

— Где-то теперь Николай, как сложилась его судьба, сумел ли выпутаться из сетей жандармов?.

Вот и номер тринадцатый. Несмотря на ранний час, на обоих этажах большого деревянного дома было оживленно. Выстроилась небольшая очередь желающих переговорить с членом эвакуационного отдела Роней Ильиничной Кроль и комиссаром исполнительного комитета Владимиром Андреевичем Файдышем.

Владимир Андреевич тепло принял Проминского. Рассказал о том, как с оркестром и песнями встречали первую группу александровцев.

Получив деньги, Леонид Иванович отправился в столовую, открытую комитетом в подвальном помещении на Амурской улице. За столом он внимательно присматривался к обедающим, но знакомых не заметил.

Неожиданно в дверях показался Никифоров. Проминский поднялся навстречу. Разговорились.

— Мотался по митингам, — блеснул глазами Петр Михайлович. — Крестьяне взбудоражены до предела. В Александровской волости они выбрали волостной комитет, арестовали пристава, урядника, старосту, стражников. Одним словом, создали у себя новую власть.

Пообедав, друзья условились встретиться вечером в клубе приказчика, где знакомые по Александровскому централу эсеры и меньшевики устраивали собрание «по текущему моменту».

Когда в условленный час явились в клуб, он оказался полон народу. Собрание только начиналось. Председательствовал эсер Александров, он же выступал с докладом, распинался о заслугах своей партии и призывал продолжать войну до победного конца.

Из рядов раздались голоса:

— Долой войну! Долой буржуазных прихвостней! Нечего рассказывать сказки!

—Наши работают, — шепнул на ухо Никифоров и поднявшись с места крикнул: — Знаем мы вас, социалистов, еще в Александровке раскусили.

Дружным хохотом поддержал его зал. Поднялся неимоверный шум. Собрание было сорвано, и эсеров никто больше не стал слушать.

Оргбюро Иркутской организации РСДРП располагалось в доме № 6 по Пестеревской улице. Туда и пришел назавтра Леонид Иванович, чтобы посоветоваться о своей дальнейшей работе. Предложили место ко-

миссара Иркутского исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по эвакуации политических ссыльных из Ленского края и Якутии.

Предстояла нелегкая работа. В Восточной Сибири к этому времени находилось не менее пятнадцати тысяч политических ссыльных, в основном большевики. Проминскому сказали, что в Качуге живет ссыльный Коссиор, в Якутии — Орджоникидзе, Петровский, Емельян Ярославский.

Закрутились дни, заполненные до предела неотложными делами. Замелькали, как в калейдоскопе, лица. Сотни революционеров потянулись к Иркутску, где встречал их Леонид Иванович. Надо каждого снабдить деньгами, одеть и обуть, позаботиться о проездных документах.

Несмотря на занятость, Проминский сдает экстерном экзамены за шесть классов реального училища. В сложной политической обстановке ему явно не хватало «тюремного» образования.

В начале 1917 года социал-демократическая организация Иркутска объединяла в своих рядах большевиков и меньшевиков, что явилось крупной ошибкой. Решение Апрельской конференции большевиков, а также выступления возвратившихся из ссылки Петровского, Орджоникидзе и Губельмана (Ем. Ярославского) ускорили идейное и организационное размежевание в Иркутской социал-демократической организации. Леониду Ивановичу довелось принять участие на митинге, организованном в театре Гиллера (ныне ТЮЗ) 14 июня 1917 года. На митинге Емельян Ярославский изложил взгляды большевиков по вопросу о войне и мире. Его поддержали в своих выступлениях Петровский и Орджоникидзе. Они потребовали передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, разоблачали соглашательскую политику Временного правительства.

Митинг закончился в два часа ночи.

Тем временем бурно развивались события и в городе, началась избирательная кампания по выборам в учредительное собрание. От большевистской партии кандидаты были включены в список № 7. Иркутская организация выставила в числе кандидатов Н. А. Гаврилова, Я. Д. Янсона, П. П. Постышева, М. А. Трилиссера, Д. А. Кашика, Н. Ф. Насимовича (Н. Чужака), В. В. Рябикова[1].

Началась дружная агитация за большевистских кандидатов. Одна из листовок призывала: «Кто за контроль рабочих над производством, тот пусть голосует за список № 7»[2].

Во время избирательной кампании Леонид Иванович был направлен в Черемховский район комиссаром Иркутского исполкома. Он принимает деятельное участие в организации Красной гвардии, установлении рабочего контроля на угольных предприятиях Черемховского бассейна. Здесь в августе 1917 года работало почти восемь тысяч шахтеров, и, естествен-

---

[1] Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966, стр. 249.

[2] Там же.

но, такая мощная пролетарская база сыграла крупную роль в борьбе за победу социалистической революции в Восточной Сибири.

Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж юнкеров и офицеров в Иркутске, П. П. Постышев послал Черемховскому Совету рабочих депутатов телеграмму с просьбой об оказании незамедлительной помощи.

Тревожные гудки огласили шахты. Горняки устремились на станцию, где стояли готовые к отправке вагоны. Неожиданно прибыл с западного направления поезд. В нескольких вагонах оказались возвращающиеся с фронта казаки во главе с офицерами. Рабочие быстро разоружили их и высадили на станцию.

Наконец, в переполненных товарных вагонах тронулись к Иркутску. С первым эшелоном выехало 250 бойцов, а всего на подавление мятежа было брошено две тысячи красногвардейцев-шахтеров Черембасса[1].

Не успел поезд остановиться на перроне Иркутского вокзала, как вооруженные шахтеры выскочили из теплушек и, разбившись на отряды, пошли по льду Ангары к бывшей резиденции генерал-губернатора — Белому дому. Здесь осажденные красногвардцейцы в течение восьми дней при сорокаградусном морозе выдерживали натиск юнкеров.

Вместе с черемховскими шахтерами рядовым красногвардейцем Леонид Проминский участвовал в этом бою.

Вскоре после разгрома юнкерского мятежа Леонид Иванович получил назначение от ЦК партии на новую работу — теперь путь лежал на Дальний Восток, где сложилась тревожная обстановка.

Как только в Петрограде победила революция, полновластным хозяином Владивостока стал большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с Константином Сухановым. Петр Михайлович Никифоров вошел в состав Совета и возглавил областной Совет рабочего контроля.

Проминский назначался председателем комиссии по борьбе с бандитизмом, ему же поручалось формирование красногвардейских отрядов.

В городе участились грабежи, убийства, не говоря уже о мелких кражах.

В целях поддержания порядка среди населения в местной газете «Красное знамя» 20 июня 1918 года за подписью начальника милиции Мельникова и секретаря Климишина было опубликовано объявление, призывавшее граждан исполнять все распоряжения милиции.

Деятельность Леонида Ивановича Проминского началась в феврале того же года. Как-то пригласил его к себе Петр Никифоров и дружески сказал:

— Вот что, Леонид, начался саботаж чиновников. В банках отказываются производить денежные операции, телеграф не дает нам переговоров по прямому проводу. Надо покончить с этим. Думаю, что понял ситуацию хорошо.

---

[1] Сб. Горняки Сибири. Новосибирск, 1927, стр. 132.

— Понял, — ответил Проминский.

Он разбил один из красногвардейских отрядов на несколько групп и дал распоряжение: в ночь на 18 февраля одной группе занять русско-китайский банк, второй — Ярославско-Костромской земельный банк, третьей — банкирскую контору торгового дома И. Я. Чурсина и К°. На себя же взял банкирскую контору дома «Кунст и Альберст», в руках которой находилась вся оптово-розничная торговля Приморья.

Операция удалась. Красногвардейцы захватили банки и наладили их деятельность так, как этого требовали интересы большевиков. Правда, на другой же день иностранные консулы заявили протест Совету рабочего контроля. Но Совет дал вразумляющее пояснение: «Дело введения рабочего контроля во всех русских торгово-промышленных предприятиях — дело 180-миллионного русского народа. Это его воля»[1].

Под руководством Проминского красногвардейские отряды заняли телеграф и телефонные станции и тем самым обеспечили нормальную работу советских учреждений.

Однако обстановка в городе все более накалялась. Распоясавшиеся уголовные элементы упорно сопротивлялись, на рейде стояли боевые корабли иностранных держав и держали под прицелом город. Спровоцировав убийство двух японских служащих, с кораблей высадились японский и английский десанты. Так началась иностранная интервенция на востоке страны, а 29 июня 1918 года контрреволюционные силы подняли в городе мятеж.

В это время во Владивостоке находился известный американский журналист Альберт Рис Вильямс. Позже он написал о встречах с руководителями Владивостокского Совета. В частности он приводит интересный эпизод, относящийся к событиям, развернувшимся в тот самый день 29 июня 1918 года. Утром на Светланской улице, возле здания морского штаба, он встретил Проминского — ему в это время чистили ботинки.

— С утра пораньше начищаетесь, — заметил Вильямс.

— Да, — ответил Проминский, затягиваясь папиросой. — Через несколько минут я, может быть, буду болтаться на фонаре, а висеть в грязной обуви не хочется.

Американский журналист был крайне удивлен поведением своего собеседника и невольно подумал: неужели тот способен шутить, улыбаться в такой момент?[2].

А момент был действительно тревожным. Оккупанты, словно сорвавшись с цепи, рыскали по городу. Японцы заняли пороховые погреба, англичане — железнодорожный вокзал. Американцы выставили усиленную охрану у своего консульства.

Начались повальные обыски, аресты большевиков и сочувствующих им рабочих, портовых грузчиков. Схватили и бросили в концлагерь на

---

[1] П. Т. Никифоров. Записки премьера ДРВ. М., 1963, стр. 48.

[2] Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. Госполитиздат, 1960, стр. 237—238, 253—254.

Первой речке руководителей Совета и ответственных работников К. Суханова, П. Никифорова, М. Губельмана, Л. Проминского...

В ноябре 1918 года при переводе из концлагеря в тюрьму Константин Суханов и член исполкома Дмитрий Мельников были убиты белогвардейцами. Леониду Проминскому удалось совершить побег, и он некоторое время скрывался на станции Кангауз под фамилией Николая Мухортова, но вскоре был снова арестован и отправлен во владивостокскую тюрьму. Колчаковский суд приговорил его к 12 годам каторжных работ. Видимо, контрреволюция надолго рассчитывала удержаться у власти.

Но решительный удар партизан, городского пролетариата, руководимых большевиками, положил конец этим далеко идущим планам. Проминский оказался снова на свободе, а Революционный комитет восстановил его в должности начальника уголовного розыска и председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с преступностью и контрреволюцией.

От Саян до Кремля

Годы гражданской войны явились суровым испытанием не только для Леонида. Не отстали от него и братья. В Сибири сражались за Советскую власть Казимир и Владислав. Люциан, будучи красноармейцем, умер от сыпняка под Сызранью. В колчаковском тылу вместе с рабочими Иннокентьевского депо боролся шестидесятилетний Иван Лукич.

Еще в июле 1918 года Иннокентьевская группа большевиков приступила к организации боевой дружины. Вооруженный отряд, созданный из рабочих депо, насчитывал в своих рядах более трехсот человек. Одним из организаторов подпольной работы выступил Иван Владимирович Землянский. Он утверждает: «У меня лично нет никаких сомнений в том, что Проминский в течение октября-декабря 1919 года по январь 1920 года находился в отряде. В стороне от вооруженной борьбы с Колчаком осталось буквально несколько человек и среди них Проминского не было». Такое же подтверждение сделали и другие ветераны Иннокентьевского депо и, в частности, В. В. Бичель — бывший командир из отряда железнодорожников.

После окончания гражданской войны Иван Лукич продолжал работать смазчиком вагонов в том же Иннокентьевском депо. К старости все чаще тянуло домой, на родину. Не раз он порывался обратиться за помощью к своему шушенскому товарищу Владимиру Ульянову. Но почему-то робел. Шутка-ли, человек, с которым провел он годы ссылки у подножия Саян, теперь руководит партией и первым в мире государством рабочих и крестьян. Но Иван Лукич очень хорошо знал необычайную душевность и простоту Владимира Ильича и верил, что он не забыл своих товарищей по совместной борьбе.

Видимо, письмо все же было отправлено, но оно, к сожалению, не обнаружено в Центральном партийном архиве института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вероятнее всего, затерялось.

Как бы то ни было, мы располагаем уникальными документами, свидетельствующими об удивительной чуткости и человечности Ленина. 25 июня 1920 года Владимир Ильич прислал в адрес Иркутского Губревкома телеграмму следующего содержания: «Прошу оказать всяческую помощь моему товарищу по ссылке в Сибири Ивану Лукичу Проминскому, смазчику вагонов при Иннокентьевском депо. Адрес: Иннокентьевская, четвертая Торговая, дом Лукьянова № 195. Затем прошу передать ему по телеграфу мой привет и, наконец, прошу перевести его на Алтайскую железную дорогу, на лучшее место. Он уже стар. Телеграфируйте, что сделано точка № 293. Предсовнаркома *Ленин*»[1].

Василий Людвигович Букатый, работавший тогда товарищем председателя Губревкома вспоминает, что телеграмма их очень удивила: председатель Совнаркома и вдруг... запросы о простом рабочем, смазчике вагонов? Тотчас же снарядили члена губревкома Антона Яковлевича Флюкова в Иннокентьевскую.

Под вечер Флюков добрался до места, разыскал адрес Проминского. Подъехав к дому, он увидел сидящего на завалинке седого старика.

— Здесь живет Проминский? — обратился он.

— Я буду Проминский.

— Вам привет от товарища Ленина, — громко сказал Антон Яковлевич.

— Товажыщ смеется над старым...

— Какие там шутки, вот почитайте.

И Флюков вручил опешившему от неожиданности старику телеграмму.

Тот долго, прищурясь, водил глазами по бумаге. Флюков заметил, как затряслись узловатые руки старика, а лицо расплылось в улыбке.

Сославшись на срочные дела, Флюков не стал особенно задерживаться и заторопился в обратную дорогу, попросив Ивана Лукича, как выберет время, приехать.

На другой день Иван Лукич уже был в ревкоме. Там его встретили, угостили чем пришлось: хлеб да чай без сахара. Попросили рассказать подробнее о его дружбе с Ильичем.

Слушали старика, затаив дыхание. Долго длилась беседа. Под конец сами почувствовали, что замучили гостя разговорами.

Янина Ивановна Проминская, младшая дочь Ивана Лукича, живущая сейчас в Иркутске, рассказывает, что вскоре после получения телеграммы семья выехала на Алтай. Ревком оформил проезд по железной дороге. Однако добрались только до станции Судженка, где проживала с семьей дочь Ивана Лукича — Софья. У Софьи Ивановны в это время умер муж, и Проминские вынуждены были обосноваться пока на этой станции.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 214.

Прошло некоторое время и затосковал Иван Лукич. Захотелось ему непременно побывать в Москве, встретиться с Владимиром Ильичем.

Пыталась отговорить мужа Тэкла Роховна. Не послушался Иван Лукич, покатил в Москву. Возвратился домой прямо-таки помолодевшим. Со всеми подробностями рассказывал о встрече с Лениным, которая состоялась 28 июля 1920 года. На квартире он застал Надежду Константиновну, Владимир Ильич оказался на работе. Усадила Надежда Константиновна гостя, угостила чаем. Потом пришел Владимир Ильич, расцеловался с Иваном Лукичем. Подробно расспросил о жизни, о том, как налаживается Советская власть в Сибири.

По всей вероятности во время беседы Иван Лукич попросил содействия переезду семьи в Польшу. Это подтверждается документом, впервые опубликованным в пятом издании собрания сочинений В. И. Ленина. Это записка, врученная И. Л. Проминскому во время памятной встречи:

«В Польское бюро при ЦК РКП(б) 28.VII. 1920 г. Рекомендую подателя, тов. Ивана Лукича *Проминского*, польского рабочего, с.-д. с 1894 года. Я хорошо знаю его по ссылке 1897—1900 гг. Прошу оказать ему доверие и содействие. Член ЦК РКП *В. Ульянов (Ленин)*»[1].

И еще об одном позаботился Владимир Ильич. Зная, что на железных дорогах еще мало порядка и подчас требуется вмешательство свыше, он пишет на бланке председателя Совнаркома просьбу об оказании помощи Проминскому при проезде из Москвы.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Председатель Совета
Народных комиссаров

Москва, Кремль
3/VII № 162 1920 г.

Предъявитель сего ИВАН ЛУКИЧ ПРОМИНСКИЙ мой старый товарищ по ссылке. Прошу все железнодорожные и другие власти оказывать ему всяческое содействие при проезде из Москвы до ст. Судж. Прошу оказать ему помощь на Д. Востоке.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*[2].

Так вновь скрестились пути-дороги товарищей по борьбе, единомышленников, представителей партии большевиков, партии, осуществившей вековую мечту человечества.

Всегда на посту

6 апреля 1920 года съезд трудящихся Прибайкалья провозгласил образование Дальневосточной Республики. Леонид Иванович приезжает из Приморья в Читу, бывшую тогда центром республики. На территории ДВР бесчинствуют банды уголовников, недобитых контрреволюционных

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 244.
[2] «Огонек», 1924 г., № 34.

элементов. Революционное правительство принимает решительные меры по пресечению этого зла.

В те годы в официальных отделах газет публиковались постановления и приказы о назначениях должностных лиц. Так, в газете «Дальневосточная Республика», которая издавалась в Чите, в номере от 9 декабря 1920 года появилась хроника:

«Назначение

Приказом по Министерству транспорта гр. Л. И. Проминский назначен начальником милиции Министерства транспорта с подчинением ему всех учреждений милиции, образованных на железнодорожных и водных путях».

Желая быть поближе к предприятиям железнодорожного узла, Леонид Иванович поселился в служебном вагоне, стоявшем в одном из тупиков на станции Чита-I. Началась работа не менее напряженная, чем в годы вооруженной борьбы с контрреволюцией и интервентами. Чтобы устранить узковедомственный подход к организации охраны интересов трудящихся, в марте 1921 года правительство ДВР приняло закон о передаче железнодорожной милиции в подчинение Главного управления республиканской милиции. В связи с этим Леонид Иванович назначается уполномоченным Министерства транспорта на станции Маньчжурия. Но вскоре его переводят на должность помощника главного правительственного инспектора народной милиции Дальневосточной Республики.

С какими только подонками общества не приходилось иметь дело Проминскому и его товарищам по работе. В Чите орудовала крупная банда некоего Леньки Ленькова. Она не ограничивалась грабежом населения, но совершала убийства партийных и советских работников.

Жертвами банды пали видные деятели республики Петр Анохин и Дмитрий Крылов. По поводу их трагической гибели в передовой статье газеты «Боец и пахарь» от 14 мая 1922 года говорилось: «Убиты товарищи Петр Анохин и Дмитрий Крылов. Это последняя капля. Чаша переполнена. Больше не могут оставаться безнаказанными преступления, которым нет названия».

Борьба с бандитизмом усиливалась с каждым днем. Но она не обходилась без жертв. Так в одной из ночных операций погиб руководитель Читинского уголовного розыска Д. И. Фоменко — ближайший помощник Л. И. Проминского.

В приказе главного правительственного инспектора народной милиции от 23 мая 1922 года отмечалось: «18-го сего мая уголовным преступником Леньковым зверски убит один из видных борцов с уголовщиной, служивший всем примером, начальник уголовного розыска Дмитрий Иванович Фоменко. Эти жертвы не могут поколебать нашей воли. Возмущаясь до глубины души и отдавая последний привет товарищу Фоменко, призываю всех сотрудников вверенной мне милиции к мужеству и решительности в дальнейшей борьбе с бандитизмом. Как ни тяжела потеря

тов. Фоменко, все же это не остановит нас ни перед какими мерами для искоренения преступности. В переживаемое время больше чем когда-либо нужна сплоченность, железная воля и полная уверенность в победе.

Пусть помнят наши враги, что жертвы, принесенные на алтарь революции, нас крепко спаивают в стремлении победить, и мы победим!»[1]

Отряды Читинской милиции, возглавляемые Леонидом Ивановичем при активной поддержке народно-революционной армии, долго гонялись за бандой Ленькова. Наконец, удалось окружить ее. В завязавшейся перестрелке главарь был убит. На второй день на улицах Читы появились плакаты, извещавшие население о ликвидации банды.

Во время работы в железнодорожной милиции Проминский познакомился с начальником тяги и подвижного состава Министерства речного транспорта Алексеем Александровичем Москалевым. Установились дружеские отношения с его семьей.

В конце 1922 года у Проминского обострилась застаревшая болезнь желудка. Он согласился на операцию. В своих воспоминаниях одна из дочерей Москалева — Мария Алексеевна — пишет: «Мы со старшей сестрой Тамарой пошли навестить Леонида Ивановича. Он страшно смутился, когда мы вошли в маленькую палату городской больницы, где он лежал. Без военной гимнастерки, без портупеи и револьвера, в больничной рубашке, стянутой на груди тесемками, с золотисто-рыжеватой щетиной, проступившей на небритых щеках, Леонид Иванович показался нам совсем другим. Натягивая одеяло до подбородка, он, хмурясь, строго спросил: «Ну, зачем же вы явились?» Однако мы, поборов минутное замешательство, принялись болтать о разных пустяках, а также отобрали у него папиросы, зная, что врачи не разрешают ему курить.

Через некоторое время после нашего прихода в палате стали появляться одни за другим товарищи Леонида Ивановича по работе. Справившись о здоровье, они докладывали коротко о каких-то служебных делах, получали указания и распоряжения и уступали место следующим, таким же посетителям. Словом, больничная палата была настоящим штабом управления милиции»[2].

После выхода из больницы Проминский снова в строю. Он получает назначение на железнодорожный транспорт уполномоченным народного, комиссариата путей сообщения в Никольск-Уссурийск, одно время работает начальником станции Эгершельд под Владивостоком. По душе пришелся Леониду Ивановичу Дальний Восток, трудные годы борьбы были связаны с этим богатым краем.

В 1923 году пришлось пережить тяжелое горе. Он получил от родных письмо, в котором сообщалось о смерти отца. По дороге на родину он заболел тифом и скончался в небольшом городке Барановичи. Семья, потеряв кормильца, вернулась обратно в Сибирь. Остановились в Новониколаевске, где проживал Владислав.

---

[1] «Социалистический порядок», Чита, 1967, 7 мая.
[2] Архив автора.

Незаметно шли годы. Молодая Советская Республика набирала силы, строились заводы, фабрики.

Леонид Иванович к тому времени определил твердо свою профессию, навсегда связал себя с железной дорогой. Начинал он чернорабочим, помощником слесаря, а теперь справлялся с обязанностями начальника станции, начальника отделения.

Там же, на Дальнем Востоке, встретил Проминский девушку, она работала и училась в музыкальной школе. В двадцать седьмом году они поженились. «Помню — рассказывает Наталья Александровна, — как профсоюз направил меня в Ленинградскую консерваторию. Леонид просил зайти в Москве к Надежде Константиновне: «Пусть посмотрит, какая у меня жена». Прихожу в Наркомпрос — говорят, Крупская занята. Я попросила передать от Леонида письмо и хотела уйти. Но тут Надежда Константиновна попросила меня к себе. Она вышла из-за стола, обняла меня, поцеловала и сказала: «Какая вы, товарищ, юная!» (Тогда была в моде короткая стрижка, которая очень молодила). Потом села рядом и стала расспрашивать про мою жизнь, учебу. Меня удивило, что Надежда Константиновна знала о Проминских все, знала о тюрьмах, каторге и фронтах Леонида, о смерти его отца. Ее интересовало, как Леониду работается, как с квартирой, питанием. Я ответила, что работается хорошо, квартиры, правда, отдельной нет, живем в общей, имеем стол, табуретки... Надежда Константиновна предложила мне остаться в Москве. Однако Леонид заранее предупредил, чтобы я никакой протекцией не пользовалась...»[1]

В 1932 году Леонида Ивановича направляют на учебу в Ленинградскую транспортную Академию. Но поскольку ему было больше сорока лет, дирекция Академии отказала в приеме. Однако по указанию ЦК ВКП(б), его, как опытного железнодорожника, принимают в порядке исключения.

Первого июля 1937 года он с отличием оканчивает эксплуатационный факультет Академии. Со званием инженера-организатора назначается на должность коммерческого ревизора Управления Ленинградской железной дороги.

Отстоим город Ленина!

Леониду Ивановичу не раз приходила в голову мысль: по какой счастливой случайности столь удивительным образом сложилась семейная история лодзинского рабочего Яна Проминского? Судьбе угодно было забросить его в далекую Сибирь. И не куда-нибудь, а именно в Шушу, где состоялось знакомство с Владимиром Ульяновым и время ссылки связало их крепкими узами товарищества. Не разошлись пути и в годы, насыщенные столь бурными событиями, что их с лихвой хватило бы на

1 «Правда», 1969, 19 апреля.

века. Леонид Иванович живо представлял себе ту трогательную встречу лета 1920 года, встречу старых друзей.

В памяти Леонида Ивановича образ Ленина остался вместе со светлыми воспоминаниями детства и юности. Временами ему казалось, что откроется дверь и быстрой походкой войдет бодрый, улыбающийся «пан Владзимеж». И будет рассказывать, что Саяны напоминают горы Швейцарии, что ничего нет лучше на свете, как посидеть на закате у охотничьего костра. А то, лукаво подмигнув, начнет раздаривать малышам гостинцы.

И вот теперь он, Леонид, живет в городе, носящем имя столь дорогого для их семьи человека.

Сегодня выходной. На календаре — 22 июня. Год 1941-й. После легкого завтрака уселся Леонид Иванович на диван и незаметно размечтался под могучие аккорды «Аппассионаты». Наталья Александровна готовилась к государственным экзаменам, которые предстояло держать ей в консерватории 28 июня. Сидела она за роялем вчера, весь субботний вечер, и вот сегодня с раннего утра снова склонилась над клавишами.

Внезапно музыка оборвалась. Очнувшись от размышлений, Леонид Иванович увидел встревоженное лицо жены, которая медленно поднималась из-за рояля. После бурных аккордов установилась напряженная тишина. Только из темного диска репродуктора доносился внятный и, как в первый миг показалось Леониду, чуточку печальный голос диктора.

— Война, — прошептала Наталья Александровна, и Леонид Иванович скорее угадал по движению ее губ, чем услышал это страшное слово.

Осторожно ступая по комнате, словно боясь разбудить кого-то спящего рядом, они придвинулись к репродуктору и молча, незаметно для себя обнявшись, прослушали сообщение до конца.

— Страна, давшая миру Бетховена... — раздельно выговаривая слова, тихо произнесла Наталья Александровна.

— Да, ты права, — вздохнул Леонид Иванович. — Фашисты... Гитлер... А мы только что слушали «Аппассионату»...

Он быстро оделся и уже на пороге, впервые не поцеловав перед уходом жену, торопливо бросил:

— Побудь пока, Наташа, одна. Я схожу на службу. Скоро вернусь.

...Все ближе к городу продвигался враг. Посуровели лица ленинградцев. Взялось за оружие поколение, штурмовавшее Зимний, стали к станкам женщины и подростки.

— Отстоим город Ленина! — призывали алые кумачи на улицах и фронтонах зданий.

— Отстоим город Ленина! — беззвучно шептали губы.

— Отстоим город Ленина! — бились в унисон сердца.

Леонид Иванович порой целыми сутками пропадал на работе. Как и все ленинградцы, он стойко переносил трудности блокады. Приносил положенные по карточке 250—300 граммов хлеба, испеченного из ржаной,

овсяной и соевой муки, льняного жмыха, отрубей. Однажды, получив месячную пенсию, отдал ее за булку хлеба. Хотелось отнести домой, позволить с Наташей подобную роскошь. Но вспомнил, что некоторые из его товарищей по работе едва держатся на ногах от болезней и недоедания. Раздал им всю булку по кусочку.

А у самого стало неладно с желудком. Давала знать старая болезнь, заглушенная на время после операции.

2 апреля 1942 года как обычно ушел он ранним утром на работу. Напрасно прождала его к обеду Наталья Александровна. Леонида Ивановича с острым приступом боли в желудке отвезли в больницу.

Мысль о смерти никогда не приходила в голову Леониду Ивановичу. Лежа в больнице после второй операции, почти в безнадежном состоянии, он не думал о том перевале жизни, за которым начинается небытие.

Воскрешались в памяти годы. Нелегкие, но прожитые честно, отданные главной и единственной цели...

— Постой, где же были услышаны эти слова? — спросил он себя. И вспомнил: там, в Шуше. Пришло неожиданное сравнение — те годы, пожалуй, и были главным перевалом в жизни отца, его друзей по ссылке. И в жизни Владимира Ильича... И для него, тогда еще 13—16-летнего Леопольда — тоже. С гребня той высоты они яснее увидели дали, шире распахнулся перед ними горизонт.

А за окном — грохот войны. Это новый трудный перевал в жизни Леонида Ивановича, сотен и тысяч ленинградцев, в жизни всей огромной страны. Его предстоит преодолеть. Всем и каждому: русым парням из Подмосковья, сыновьям солнечной Грузии, эвенку с заснеженного Севера... Из конца в конец России ощетинилась рать.

Предстоит преодолеть и ему, Леониду Ивановичу Проминскому, члену партии с 1905 года, сыну лодзинского рабочего-большевика. Но в первую очередь надо выполнить главный наказ: «Отстоять город Ленина!»

Послесловие

Леонид Иванович Проминский скончался 4 апреля 1942 года. Хотя и знали врачи, что положение больного безнадежно, смерть наступила неожиданно. Тем более потрясла она Наталью Александровну, оказавшуюся единственной из родных и близких покойного в осажденном городе. Тихо и неприметно похоронила она его на Волковом кладбище. Едва ли кто обратил внимание на согнутую фигуру женщины, которая волокла по заснеженным улицам труп, положенный на фанерный щиток.

В неимоверно тяжелые дни и ночи блокады ленинградцы привыкли к этому. Они боролись яростно и молча и также молча встречали свой смертный час. Но они сдержали клятву и отстояли город, осененный именем Ленина.

* * *

Наталья Александровна и поныне живет в Ленинграде. Каждой весной, вместе с первыми ударами апрельской капели, она спешит на кладбище, где покоится прах дорогого ей человека. Год за годом перебирает в памяти пятнадцать лет совместной жизни, наполненной борьбой, радостями преодоленных трудностей.

А как же сложились судьбы тех, кто рос и воспитывался в одной семье с Леонидом Ивановичем? — спросит читатель.

Софья Ивановна долгие годы работала в торговой сети. Сейчас на пенсии, живет под Москвой. Ее сыновья Евгений и Владимир сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В пенсионном возрасте и младшая дочь Ивана Лукича — Янина Ивановна, бывшая работница Иркутского промкомбината. Живет она в городе на Ангаре с сыновьями. Старший — Борис — один из лучших шлифовальщиков Иркутского ордена Трудового Красного Знамени завода тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева, ударник коммунистического труда. В одном цехе с ним работает мастером его брат техник Владислав. Их сестра Люция по окончании педагогического института преподает в школе-интернате в этом же городе.

На одном из заводов Омска знают фрезеровщика Леопольда, внука Ивана Лукича, а внучка Генриетта — акушерка в Дудинке.

Комсомольцами становятся и правнуки.

Память о польском рабочем Иване Проминском и его старшем сыне увековечена в Сибири. В музее бывшего Иннокентьевского, а ныне локомотивного депо Иркутск-сортировочный экспонируется фотография Ивана Лукича и копия уже известной нам ленинской телеграммы, посланной в Иркутский губревком в июне 1920 года.

Одна из улиц Зимы названа именем Леонида Проминского. В Чите учреждена ежегодная премия его имени — одного из организаторов милиции в Забайкалье. Первым этой премии удостоен Шилкинский районный отдел милиции.

Такова история семьи революционеров. Волнующая быль об удивительном сплетении жизненных путей вождя революции и рабочего-железнодорожника передавалось из уст в уста, от поколения к поколению. Ее посчитали своим долгом донести до читателей авторы книги.

О НОВОЙ КНИГЕ ПРО ИЛЬИЧА

«По распоряжению местных властей я сослан в Восточную Сибирь на 3 года по политическому делу... Местом явки в проходном свидетельстве назначен город Иркутск...» — так начиналось прошение политического ссыльного Владимира Ильича, а по документам царской охранки Ильина-Ульянова адресованное иркутскому генерал-губернатору. В прошении Владимир Ильич ходатайствовал об изменении места ссылки — уж очень суровым и страшно далеким представлялся ему неведомый город Иркутск.

Иркутскому губернатору было куда удобней и спокойней передать соседям ссыльного, каждый шаг которого, начиная с Петербурга, фиксировался царской охранкой.

Прошение было удовлетворено. Этому в немалой степени помогли также хлопоты Марии Александровны Ульяновой, обеспокоенной состоянием здоровья сына. Местом ссылки назначалось известное теперь всеми миру село Шушенское, чуть менее отдаленное от центра России, чем Иркутск.

Пока решалась судьба Владимира Ильича, он жил в Красноярске, а позднее

Г. Ф. КУНГУРОВ

ПИСЬМО ЛЕНИНУ

В густых камышах, возле степного озерка, сидел молодой монгол. У него усталое лицо, синие круги под глазами, обветренные, потрескавшиеся от жары губы. Синий халат покрыт жирными пятнами; на спине и рукавах пестреют разноцветные заплаты; голову прикрывает продранная войлочная шляпа, на ногах запыленные бурые гутулы. В руках он держит камышовый кнут и сосредоточенно ковыряет кнутовищем глиняный берег. Сухие комочки катятся и с шумом падают в воду; мелкой рябью покрывается голубая гладь, колышется надводная белоцветная поросль лилий; широкие плавучие листья блестят на солнце, словно темно-зеленые пятна, а между ними — стрельчатые стебли, тонкие и прозрачные; густые прибрежные травы склоняются над озером волнистой гривой.

У его ног, на золотистой сережке болотного вереска, сидела сизокрылая бабочка, свернув крылья в один листок. Бабочка раздвигала мохнатыми лапками лепестки вереска и собирала пыльцу. А сзади по стеблю подкрадывался к ней большой коричневый паук. Завидев добычу, он остановился, хищно расправил челюсти-ножницы. Юноша зорко следил за ним, потом сорвал сухую былинку и спугнул бабочку. Паук притаился под широким листом. Юноша наклонился, сорвал лист и вместе с пауком швырнул в воду.

Глаза его округлились, и забегали в них живые, задорные огоньки. Обуревали горячие, простые и наивные мысли. Этот широкий, жирный лист лопуха — не напоминает ли он толстого князя, старательно прикрывающего полой своего дорогого халата жадного паука — гамина[1], степного разбойника? Не похожа ли сизокрылая бабочка на вечного степного труженика — арата? Молодой монгол сдвинул брови, сжал кулаки. Хорошо, если бы эти кулаки заставили лукавого князя сбросить с тучного тела шелковый халат, а паука раздавили, — и пусть бы сизокрылая бабоч-

[1] Гамины — войска китайских милитаристов-захватчиков.

ка, терпеливая труженица, свободно собирала пыльцу со всех степных цветов...

Дышала степь теплым густым запахом цветов и трав. Плыли по небу облака, как бесчисленные стада белоснежных овец. По склонам паслись табуны неезженых коней — далеко слышна песня пастуха, несет ее степной ветер по широкой равнине до самых темно-дымчатых гор, опоясывающих степь с востока и севера. Шуршали камыши, верещали неугомонные трещотки-кузнечики, вдали, на желтых курганах, пересвистывались птицы.

Он устало прилег на траву. Послышались шаги; над самым ухом — заносчивый голос:

— Эй, ты, монгольская блоха, что делаешь тут?!

— Как всякая блоха: прыгаю и... кусаюсь...

— О! Да у тебя и язык-то блошиный!

На холмике стоял дозорный солдат. Он вскинул винтовку, щелкнул затвором.

— У солдата достопочтенного князя Сен Сю меткий глаз; он попадет даже в блоху.

— Солдат достопочтенного князя Сен Сю, — с насмешкой, не поворачивая головы, отвечает юноша, — я встану во весь рост, тогда будет трудно промахнуться.

— А ну, блоха, поднимись и считай: раз, два, три...

Юноша стремительно выпрямился и кошкой прыгнул на солдата, который шлепнулся в воду. Молодой пастух схватил ружье, забросил его в камыши и скрылся.

...По степи двигался караван: широко шагая, шли навьюченные верблюды и мулы, за ними тащились быки, запряженные в визгливые одноколки. На вороном коне ехал впереди головной, по бокам взад и вперед скакали два верховых, подгоняя и выравнивая в пути неуклюжих животных.

Пастух полз по траве, как ящерица; у дороги он залег в лощине. Когда головной поравнялся с ним, он сел на корточки, снял шляпу.

— Хозяин богатого каравана бросит бедному пастуху монету: счастье пойдет вместе с караваном и при солнце, и при луне...

Головной повернулся в седле, приложил руку к высокой шпаге, старческое лицо оживилось:

— Сухэ-Батор!

— Тсс... — приложил палец к губам юноша. — Я не Сухэ-Батор, я заяц, за которым охотятся гамины. Твой караван мне по пути.

— Будь погонщиком девяти быков, идущих в

ему не раз удавалось бывать там, хотя для этого приходилось прибегать к хитростям, например, ссылаясь на зубную боль, ехать якобы к красноярскому дантисту.

Вот ведь, как повезло красноярцам! Сколько воспоминаний хранят они о встречах с Ульяновым-Лениным. Правда, поговаривают, что воспоминаний живет гораздо больше, чем было встреч. Одних только постоянных перевозчиков Владимира Ильича через Енисей объявилось столько, что создается впечатление, будто Владимир Ильич только и делал, что катался на лодках с правого на левый берег и обратно.

Такое стремление людей вполне понятно и объяснимо. Ведь за три года ссылки Владимир Ильич тысячью нитей связал свое сердце, свои устремления и мысли с сибиряками. Он полюбил наш край, нашу суровую природу, он предсказал большое будущее Сибири, он стал близок каждому из нас.

Позднее, и в годы борьбы за власть Советов и в период становления молодой советской республики, эти нити не ослабли, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные документы.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина в Иркутске издана книга «Сибирские страницы об Ильиче». В ней-то и собраны материалы, подтверждающие тесную связь Ленина с Сибирью и Сибири с Лениным, раскрывающие в сегодняшнем дне торжество ленинских идей.

В книгу включены вос-

понимания сибиряков, встречавшихся с Владимиром Ильичем. Почти полностью приведены воспоминания Надежды Константиновны Крупской о годах сибирской ссылки.

Кржижановский о Ленине, Сильвин, Сахьянова, Чугунов и другие помогают ярче представить дорогие черточки портрета Ильича, дополняют новые факты свидетельства связей Ленина с Сибирью и сибиряками в разные периоды его жизни.

Из 279 писем Ленина, дошедших до нас и опубликованных в Полном собрании сочинений, почти третья часть написана им в сибирской ссылке. В нашей книге об Ильиче приведено около 20 писем, в которых рассказывается о долгом пути в далекую Шушу, как он называл в шутку место своего окончательного «успокоения».

«...Чем дальше, тем тише ползут поезда. Переезд через Обь приходится делать на лошадях, потому что мост еще не готов окончательно... без теплого (или вернее, теплейшего) платья удалось обойтись только благодаря кратковременности переезда: менее часа. Если придется ехать на лошадях к месту назначения (а это по всей вероятности так и будет), то, разумеется, придется приобретать тулуп, валенки и даже, может быть, шапку (вот что значит набаловался в России...»).

Строки «О сибирской Италии», как звали здесь юг Минусинского округа, полны изумления.

«...Окрестности города

хвосте за верблюдом с черной плешиной на брюхе.

Сухэ-Батор вновь притаился в лощине. Мимо него со скрипом колыхались груженые арбы; едкая пыль густыми клубами обдавала его. Караван бесконечно длинный. Вот и верблюд с черной плешиной на брюхе, за ним — ленивые быки.

Сухэ-Батор — погонщик; щелкая кнутом, деловито подгоняет он переднего быка.

Караван спустился в долину. Сухэ-Батор сел на обочину арбы, свесив усталые ноги, упираясь спиной в жесткие тюки, закрыл глаза; и поплыли перед ним бесконечные воспоминания.

Вот его старая мать Ханда. Она сидит у очага, и гости слушают ее рассказ. Голос у нее тихий, ласковый... Разве можно забыть этот голос?

— Давно это было. Из трех сыновей наших кое-как одевался старший — Дендып. Он часто скитался вдали от нашей бедной юрты. Он работал у богатых: носил воду, собирал аргал, пас овец. Всюду водил он за собой маленького Сухэ — нашего младшего сына, загорелого полуголого забияку. Помню, часто Сухэ приходил с припухшим носом. Отец насмешливо спрашивал: «Опять дрались?« — «Боролись», — отвечал нехотя Сухэ. «Опять тебя поборол Дамба! Он сильнее тебя?»

Сухэ обидчиво поджимал губы, молчал и думал: «Завтра с утра начнем борьбу. Дамбу повалю...»

Был Сухэ мальчишкой любопытным, с расспроми назойливо надоедал. А отец любит помолчать. Как-то надоели отцу расспросы сына. «Ты как муха, Сухэ». — «Почему муха?» — «Помолчи ты, Сухэ!» — «А зачем молчать?» Тогда отец рассказал Сухэ сказку про любопытного верблюжонка. «Жили-были верблюд и верблюдиха. Имели они двух сыновей и двух дочерей. Вся степь знала эту верблюжью семью. Отца-верблюда узнавали по синим плешинам на брюхе, мать — по визгливому голосу, а детей — по золотой шерсти. Тогда верблюды еще ни имели горбов: спины у них были гладкие, как у лошадей. Один верблюжонок с большими, выпученными, как у лягушки, глазами, длинноногий, бойкий, всем надоедал своими расспросами, звали его Любопытный. Прибежал он однажды к лисице и спрашивает: «Неизвестный мне зверь, скажи, зачем тебе такой смешной хвост?» Лисица ответила: «Пойдем, Любопытный. Я покажу тебе, зачем мне такой хвост». Вышли на чистое место. Их приметили волки.

«Ну, — говорит лисица, — беда: волки! Бежим!» — «Какие волки? Куда бежим?» — спросил Любопытный. «Туда, куда побежит мой хвост!» Вот побежал Любопытный за хвостом лисицы и думает: «Хороший у этого зверя хвост, мне бы такой...» А волки уже близко, лисица вильнула хвостом, да и в нору, а Любопытный со всего разбегу так сильно ударился о камень, что слезы покатились из его выпученных глаз. Волки близко. Растерялся Любопытный, остановился, спрашивает волка: «Неизвестный мне зверь, зачем тебе такие страшные зубы?» — «Чтобы тебя съесть!...» Задрожал Любопытный и хотел бежать, но волк успел его так сильно ударить лапой по спине, что спина вздулась, как гора. Вот с тех пор и стали верблюды горбатыми». В тот день Сухэ больше ни о чем не расспрашивал отца.

Однажды ехали они с отцом мимо нарядной княжеской юрты. Сухэ остановил лошадь, долго смотрел на богатую юрту и спросил:

— Отец, почему богатые живут в богатых юртах, а бедные — в бедных?

— У богатых много скота, а у бедных мало.

— А почему у богатых много скота, а у бедных мало?

Отец улыбнулся.

— Народ, сынок, говорит: «Богач подобен волку, жадность его не знает меры.»

Сухэ, помолчав, блеснул сердито глазами, плетью ударил лошадь и поскакал по степи.

...Смутно, как далекое облачко, всплывали дни детства; почти забылась сказка о Любопытном верблюжонке, но сказанное отцом о жадности богачей крепко запомнилось на всю жизнь.

Вот перед глазами друзья юности — верные спутники жизни! Среди них — Чойбалсан. Он сильный и красивый, смуглое веселое лицо, пушистые брови. Любили они, поднявшись на гору, смотреть в голубую даль. Что там за острыми зубцами, подпирающими облака? Какая жизнь? Какие люди? Худо тому, кто дальше отцовской юрты не бывал. Чойбалсан гордо вскидывает руку, говорит отрывисто:

— Счастливое солнце, с высоты ему видна вся земля.

Друзья смело смотрят ввысь, слышны их юные голоса, они говорят благодарственное слово, как это делают араты, начиная свои дневные труды:

Высокое небо — отец мой,
Широкая степь — мать моя...

(Красноярска) по реке Енисею напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии: я на днях,— пишет Владимир Ильич,— совершил несколько прогулок (дни стояли совсем теплые, и дороги уже высохли), которыми остался очень доволен и был бы доволен еще больше, если бы не воспоминание о наших туруханцах и заключенных минусинцах...»

Туруханцами и минусинцами Владимир Ильич называл Старкова, Кржижановского, Цедербаума и Ванеева, отбывавших ссылку в Сибири.

«Примерно два раза в неделю мы получали от него письма,— вспоминает Глеб Максимильянович, — благодаря которым были в курсе его собственных работ и тех сведений, которые он получал в результате обширной переписки... Эти письма могли бы послужить ценным материалом той мощной подготовительной работы, в которую погрузился Владимир Ильич во время своей ссылки...», подготовляя создание марксистской партии нового типа.

С сибирского периода жизни В. И. Ленина начинаются страницы истории Сибири, связанные с его именем.

Эти страницы — славная история борьбы сибирского рабочего класса и трудового крестьянства под руководством ленинской партии за социалистическую революцию и социалистическое строительство, за построение коммунистического общества в СССР.

Книга собрана буквально по драгоценным крупицам. В работе над ней активное

участие принимали ученые иркутских вузов: профессора Ф. А. Кудрявцев и В. Г. Тюкавкин, кандидаты исторических наук В. Т. Агалаков, Н. Н. Щербаков, А. П. Мещерский и другие товарищи.

Много сил и энергии, знаний и твердости потребовалось от главного редактора сборника Е. Н. Антипина и от редакционной коллегии. Ведь на первом этапе работы был собран огромный разнохарактерный материал. Кому-то хотелось вдохнуть поэзию в книгу, кого-то привлекали яркие очерки. Мешала масса второстепенного материала. Немалая работа легла на плечи составителей этого сборника А. Я. Шапрановой и Е. Г. Бандо.

Только несколько месяцев спустя появился законченный вариант книги, строго документальной, с лаконичными статьями обзорного характера.

В каждой строке этой книги — дыхание времени, пульс жизни, вдохновленной великими ленинскими идеями.

Всех, кто принимал участие в создании книги, трудно перечислить. Но каждый, кто касался ее, проникался особым чувством ответственности. И об этом приятно сейчас говорить.

Московский художник, который оформлял «Сибирские страницы», чтобы ускорить пересылку макета, оригиналов супера, переплета и рисунков, приезжал в Домодедовский аэропорт и передавал с оказией огромные пакеты для Восточно-Сибирского книжного издательства. И всякий раз чьи-то заботли-

Глаза у них зажигаются; друзья поднимаются выше и выше к белой вершине.

— Солнце, говоришь, счастливое? — спрашивает Сухэ-Батор и хитро щурится. — Черная туча наплывет, и солнце померкнет. У аратов есть свое счастье, оно ярче солнца — батор Ленин. Он видит всю землю, и никакая туча его не затмит. Светлые лучи его в каждой бедной юрте. Отец поучает: «Ты, бедный арат, надейся на силы неба, благодать его безмерна...» Я отвечаю: «Отец, не лучше ли, говоря о людском, надеяться на людей, на силы аратов?» Отец молчит, задумчиво курит свою короткую трубочку.

К Сухэ-Батору тянутся руки, друг крепко обнимает его. Арба попадает колесом в промоину. Сухэ-Батор ударяется головой о тюк, открывает глаза. Воспоминания не оставляют его. Вновь перед ним друг его Чойбалсан. Они скачут на карих жеребцах, ветер обжигат их обветренные лица; мелькают цветы, кустики, высокие травы. На пригорке они сдерживают тяжело дышащих коней. Спрыгнув, оставляют их у коновязи. В маленькой юрте душно, жарко горит очаг. Слышатся горячие слова:

— Надо идти в каждую юрту арата. Пусть поднимается народ. Пусть берется за оружие! Смерть врагам!

Он сжимает Чойбалсону руку, говорит:

— Худо тому, кто, сил не измерив, в бой бросается. Не лучше ли, чтоб одолеть врага наверняка, просить о помощи великого северного соседа?

Чойбалсон склоняет голову. Сухэ-Батор продолжает:

— Мы счастливы: с нами араты... Вот письмо, в нем судьба монгольского народа. Всмотрись в каждую строчку — они написаны кровью аратов. Они просят великого Ленина помочь им спасти родную Монголию от свирепых и жадных гаминов. Клянусь, что никакие муки не сломят мое тело и враги не смогут задержать меня в пути.

...Вот Сухэ-Батор в юрте своего отца Дамдина. Отец тяжко болен. Сухэ-Батор склоняется перед ним. Прощаясь, он говорит отцу:

— Отец, хотя я горю желанием выполнить свой сыновий долг, но есть долг перед народом, он еще священнее. Не могу смотреть, как иноземные насильники изо дня в день становятся все наглее, издеваются над нашими монголами. Монголам нужна помощь, поэтому ваш сын Сухэ-Батор решил ехать в Россию...

Отец с трудом поднял седую голову и тихо прошептал:

— Сын мой, не беспокойся обо мне. Я счастлив видеть тебя именно таким. Поезжай, куда стремишься.

...Ночь. Мигают звезды. Луна лениво выплывает из-за горы. На берегу реки Толы стоит одинокая юрта, она словно притаилась на темном холме. Глухо плещется волна, вдали стонет степной филин, где-то далеко лают собаки. В юрте полутьма, чуть брезжит грустное пламя свечи. Друзья говорят шепотом. Чойбалсан рассматривает друга:

— Сухэ-Батор, в этом одеянии ты не похож на пастуха, ты — нищий...

— Разве теперь пастух богаче нищего?

— Куда спрячешь ты драгоценное письмо? Твои лохмотья не скроют его от врагов.

Сухэ-Батор улыбается, берет камышовый кнут, в отверстие кнутовища вкладывает трубочку-письмо и снова плотно завинчивает ручку.

...Арба катилась с крутой горы, быки едва сдерживали напор. Колеса арбы, на которой сидел Сухэ-Батор, попали на камень, арба наклонилась на бок, Сухэ-Батор свалился на пыльную дорогу.

— Эй, погонщик, спишь? — послышался сердитый голос.

Сухэ-Батор вскочил, вытолкнул быков на дорогу. Впереди, на пригорке, взвился красный столб пыли, раздался грубый голос:

— Пять тысяч лан[1] серебром тому, кто поймает Сухэ-Батора — степного разбойника, дерзкого нарушителя законов великого правителя, победившего монголов. Пять тысяч лан!

Так надрывался кричавший.

Сухэ-Батор не слышал его слов, но он видел: у песчаного перевала кучка всадников. Глашатай — на рыжем коне, его сопровождал свирепый чиновник, чванливо развалившийся в седле, с ним солдаты, вооруженные пиками и винтовками, верхом на мулах и верблюдах.

Чиновник остановил караван; глашатай надрывно кричал:

— Кто поймает Сухэ-Батора: за живого — пять тысяч лан, за мертвого — три тысячи, за голову — две тысячи!.. Приметы: бездомный пастух, осквернитель законов отцов, роста среднего, глаза дерзкие, голос звонкий...

[1] Лан — старая китайская денежная единица.

вые руки передавали их незамедлительно: оставив внизу чемодан, поднимается с драгоценной ношей на четвертый этаж издательства Огородникова (издатели даже не успели узнать ее имени, известно только, что живет она по ул. Горького, дом 8, а работает, кажется, в Шелехове). Бесценный пакет с оформлением был привезен и Сергеем Иоффе, возвращавшимся из Москвы.

Когда рукопись была сдана в типографию № 1, там состоялось партийное собрание, на котором решили дать книге «зеленую улицу».

Наборный цех, которым руководит Ф. Г. Луговская, блестяще справился с работой.

Книга эта — ценный подарок к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Л. ЧУМАКОВА

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ДНИ

Впервые я услышал о Ленине еще мальчишкой, в своей семье, от отца — старого подпольщика-большевика. У него шел разговор с моей сестрой, тогда, в 1917 году, молодым членом партии. Речь шла о «беках» и «меках», об окончательном размежевании между ними. В разговоре отец часто упоминал Ленина, а также Плеханова и Каутского. Помнится также, что впервые я увидел фотографию Ленина в «Клубе коммунистов» (мы жили в Архангельске — в мае 1918 года). Сестра моя

работала там, а я увязался с ней. На стене комнаты, где она занималась, висела лишь одна фотография человека, лицо которого навсегда врезалось в мою память.

С фотографии смотрели живые, вприщур, проницательные глаза, увенчанные большим лбом. Усы и бородка клином таили улыбку. Галстук был в горошек. На мой вопрос к сестре: «Кто это?» — последовал ответ: «Владимир Ильич Ленин— Председатель Совнаркома, вождь большевистской партии рабочих и крестьян».

Вспоминаю, что в 1920—1922 годах мне приходилось видеть дома и в комсомольской библиотеке книги и брошюры В. И. Ленина (Ульянова). Я был еще мал и их не читал, но меня удивляло, что глава Советского правительства имеет две фамилии и так много пишет книг — как ученый.

В 1923 году наша семья переехала в Москву. Мы жили во втором Доме Советов (гостиница «Метрополь»). Зимой отец, работавший в Обществе старых большевиков, неоднократно приходил расстроенный и рассказывал нам о ходе болезни Ленина. Темными, тревожными и грустными были лица товарищей отца по революционной деятельности, подполью и ссылке, с которыми мы тогда общались семьями: А. М. Стопани, Г. М. Фишера, А. Белякова и др. Приходил к нам разделить печаль и надежды В. А. Шелгунов, часами беседовавший с отцом.

В то время нашу семью в качестве врача Кремлевской клиники посещал брат В. И. Ленина — Дмитрий Ильич Ульянов. Он был ис-

...Вокруг — зеленый степной простор, необозримая прозрачная даль. Сухэ-Батор стоял посреди дороги. К нему подбежал, пригибаясь и оглядываясь, старый погонщик, он перепуган.

— Сухэ-Батор, беда! Тебя схватят, спасайся!..

— Разве может убежать заяц от волков? Волков надо обмануть...

— Садись под арбу или ложись между тюками, я закрою тебя войлоком.

— Где ты видел, старик, чтобы верблюда можно было спрятать под полой халата?..

Старый погонщик растерянно пожал плечами. Сухэ-Батор подошел к нему и шепнул:

— Отрежь свою косу и дай мне, ты спасешь меня.

Старик отшатнулся, его желтое лицо посинело, руки затряслись:

— Косу?! Я пятьдесят лет ношу ее... Как я покажусь в родной юрте? Меня засмеет весь хошун.

— Эй, — послышался голос. — Кто там прячется за арбами, выходи!

Старый погонщик склонился до земли, выхватил из кожаных ножен дорожный нож и отрезал им свою длинную косу.

— На, Сухэ-Батор, бери скорее!.. Идут!..

Сухэ-Батор заправил косу под шляпу, конец ее с шелковыми шнурками извивался по плечу и спадал на грудь.

Глашатай с чиновниками и солдатами подъехали к Сухэ-Батору.

— А ну, грязный пастух, покажи лицо!..

Глашатай, не отрывая глаз от узкой полоски, читал:

— Приметы: рост средний...

— Средний... так, — утвердительно вторил чиновник.

— Халат — синий...

— Верно — синий!

—Глаза — наглые!

— Голос — дерзкий!

— Голос! — крикнул чиновник.

Сухэ-Батор молчал, крепко сжимая в руке кнут. Чиновник скривил рот, сузил ехидные глазки и насмешливо сказал:

— Смотрите, у него в руках кнут пастуха... Для чего пастушеский кнут бездомному погонщику? А может, у нищего погонщика табуны лошадей, быков, верблюдов, отары овец? А?..

Чиновник захихикал жидким лающим смешком. Глашатай поднял голову и тоже расхохотался.

Чиновник махнул рукой, солдаты подскочили к Сухэ-Батору и, вырвав кнут, подали его чиновнику.

— Голос! — метнул свирепый взгляд чиновник и, махнув кнутом, ударил Сухэ-Батора по лицу. От левой брови поперек щеки легла пунцовая полоса.

Сухэ-Батор молчал.

— Голос?! — надрывисто орал чиновник.

Солдаты насторожили пики. Кнут свистнул и ожег Сухэ-Батора по спине. Удар был тяжелый: лошадь чиновника пошатнулась. Сухэ-Батор стиснул от боли зубы, левая бровь его судорожно дергалась. Он обратился к чиновнику:

— Светлая милость, ты можешь сломать мой кнут, и мне нечем будет погонять ленивых животных.

— Голос дерзкий!! — закричал рассвирепевший чиновник.

— Голова бритая... — читал глашатай.

— Бритая? Читай снова, ты врешь!..

— Голова бритая, — повторил глашатай.

Коса Сухэ-Батора виднелась из-под шляпы и блестела на солнце. А старый погонщик, прислонившись к арбе, дрожал, словно в степи стоял не жаркий день, а осеннее утро и на небе сияло не палящее солнце, а ледяная луна. Слезы катились по морщинистому лицу старика.

Чиновник повернулся в седле, дернул поводья. Сухэ-Батор подбежал и схватил лошадь чиновника под уздцы:

— Мой кнут, светлая милость!

— Теперь это мой кнут, он нужен мне, чтоб проверять голоса...

Сухэ-Батор опустил голову, синел шрам на его вспухшем лбу, и на левом виске и щеке выступили бурые кровоподтеки. Он громко сказал:

— Начальник помнит великую восточную мудрость: богатый у бедного бери половину, ибо завтра будет взять нечего.

И Сухэ-Батор вырвал из рук чиновника кнут, ударил о свое колено кнутовищем и переломил его на две части; оставив у себя конец в костяной рукояткой, подал вторую половину кнутовища чиновнику со словами:

— Вот этим светлая милость может проверять голоса, а бедный погонщик возьмет свою половину, привязав ременный конец, может погонять быков и верблюдов.

Чиновник растерянно замигал глазами. Глаша-

ключительно скромным, внимательным человеком и очень знающим доктором. Д. И. Ульянов напоминал опытного земского врача. Входя к нам в номер, он тщательно вытирал ноги о половичок. Был он светлый. Бородка, усы, светлая шевелюра отливали легкой рыжинкой. На нас глядели умные, серьезные, заботливые глаза. Дмитрий Ильич никогда не подчеркивал родственных отношений с Лениным.

Несколько позже мне посчастливилось познакомиться с Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой, сестрой В. И. Ленина. Это было уже после смерти Ленина, осенью 1924 года. Я по поручению отца, в связи с изданием его воспоминаний издательством «Новая Москва», несколько раз посещал редакцию «Библиотеки рабоче-крестьянской молодежи», где работала Анна Ильинична. Помнится, както я принес несколько фотографий для публикации их в мемуарах отца. Анна Ильинична сама приняла эти фотографии, пристально их рассмотрела. Она была небольшого роста, пожалуй, миниатюрная, темноволосая. Меня поразили острые черные глаза, глядевшие внимательно с загорелого лица. Движения ее были быстрые, решительные, деловые. Мне показалось, что она удивилась тому, что я уже студент Московского университета (ведь мне было всего 17 лет). Весь облик ее располагал к себе, как будто я встретил свою любимую учительницу. Она была скромно одета в белую кофточку и длинную черную юбку.

В январе 1924 года в нашей семье и в семье друга

отца А. М. Стопани говорили о Ленине, о состоянии его здоровья с большой тревогой.

А 21 января все ходили заплаканные — даже самый закаленный — отец. Когда Ленина не стало, сердца наши сжались и в горле стоял комок, кто рыдал, кто был угрюм. Я впервые переживал большое, трагическое горе народа как свое личное, тяжкое горе.

Мне удалось сходить в траурные дни в Колонный зал Дома Союзов три раза. Первый раз я прошел довольно быстро, пристроившись тут же у Дома Союзов к какой-то молодежной группе. Второй раз я повел комсомольскую ячейку и учащихся 17-й школы Хамовнического района, где был секретарем этой ячейки. В третий раз я прошел с отцом, который остался у гроба в почетном карауле.

В памяти наиболее глубокий след оставило второе посещение. Возможно, что все три посещения, наслоившись друг на друга, и врезались как один образ. Помнится, что подошли мы днем и встали последними на Моховой на углу Никитской и двигались к Охотному ряду. Здесь на Охотном ряду горели костры, у которых грелся народ. Очередь вилась черной лентой на фоне белого снега, то выпрямляясь в струну, то клубясь завитками и опять спрямляясь.

В нашей колонне были коммунисты: директор школы Золотов, любимица учащихся заведующая учебной частью В. Н. Лабурда и еще несколько беспартийных преподавателей. Из комсомольцев-учащихся помню Женю Смит, Марусю Лабур-

тай торопливо комкал бумагу, даже солдаты недоуменно топтались.

— В тюрьму! В тюрьму его!.. —затрясся на седле чиновник и замахал руками. Солдаты подскочили к Сухэ-Батору, скрутили руки. Чиновник пришпорил коня, за ним спешили глашатай и солдаты, один из них тянул веревку, которой были связаны руки Сухэ-Батора.

Старый погонщик и караванщики глазами провожали Сухэ-Батора.

Не успел чиновник и его свита отъехать, как из-за песчаного холма вынырнул лохматый, мышиного цвета мул, на нем без седла ехал дряхлый старик. Он подслеповато щурился от солнца, его мул натолкнулся на лошадь чиновника.

— Мой мул достоин смерти, — заскрипел старик, сняв дырявую шляпу, — пусть пики солдат твоей светлости приколют ему брюхо...

Солдаты враз вскинули пики и оттолкнули мула в сторону, старик чуть-чуть не слетел с него.

Подгоняя мула ударами пяток в брюхо, старик опять подъехал к чиновнику.

— Светлая милость ищет разбойника?.. Сколько получит тот, кто покажет ему черную юрту?

Чиновник важно оттопырил толстую губу, презрительно взглянул на старика:

— Повтори-ка, старая рвань, что ты сказал?

— За сказанное один раз — одна цена, за сказанное два раза — двойная цена.

Чиновник побагровел, взмахнул кнутом, но старик, изогнувшись, увернулся от удара и учтиво склонил голову:

— Когда птицу не трогают, она поет, а когда ее вспугнут, она молча улетит, и никто не услышит ее голоса.

Глашатай, словно спросонья, закричал:

— Пять тысяч лан тому, кто поймает разбойника!

Сухэ-Батор вслушивался:

— Пять тысяч? — покачал головой старик и зашептал: — Ой-хо! Пять тысяч! Так много? Сухэ-Батора я знаю, юрту его покажу...

— Где его юрта?

—Пусть светлая милость едет за мной.

И старик погнал мула. Чиновник и солдаты поспешили за ним. Веревка сжимала руки Сухэ-Батора. Он бежал, едва поспевая за верблюдом солдата.

А старик еще быстрее погнал своего лохма-

того мула. Сухэ-Батор задыхался, натягивая веревку.

У опаленного солнцем холмика старик остановил мула.

— Светлая милость, мы опаздываем, этот оборвыш тянет нас назад, — и старик указал на Сухэ-Батора.

Чиновник оглянулся, махнул рукой, солдат подтянул веревку, нагнулся, развязал руки Сухэ-Батору и толкнул его ногой в спину. Старик погнал мула. Сухэ-Батор бросился догонять караван: он был далеко — узкая колыхающаяся цепочка едва-едва виднелась на розовом горизонте.

Сухэ-Батор присел на холмик, растирая опухшие от веревок руки, думал о судьбе старика на лохматом муле. «Старик...» Это — молодой арат, член тайного революционного кружка. Сумеет ли он вырваться, избежать расправы?..

Только к вечеру догнал Сухэ-Батор караван.

Далекий путь на север близился к концу.

У ворот заставы — суматошно и тесно: визг, шум и крики погонщиков — в оба конца беспрерывно шли караваны. Сухэ-Батор торопил усталых быков. Сердце его сжималось — недалеко от заставы, на вершине, стоял русский город Кяхты. Сухэ-Батор крепко сжимал костяную ручку кнута. Погонщик до хрипоты кричал на непослушных верблюдов, быков, мулов, караван, пройдя ворота заставы, сделал круг; обойдя длинное белое здание таможни, остановились на широкой площади.

Сухэ-Батор торопливо поставил в ряд арбы, по очереди освободил быков, отвел их в сторону. Подошел старый погонщик.

— Сухэ-Батор, счастливая примета: зеленая звезда катилась ночью по небу с севера на юг... Ты видел?

— Нет, наша звезда, старик, не зеленая, а красная, прощай...

Старик погонщик просящим взглядом провожал его. Сухэ-Батор догадался:

— А твоя коса?

— Да, — ответил погонщик, и глаза наполнились слезами.

— Она спасла меня... Спасибо! — Сухэ-Батор, возвращая косу, обнял старого погонщика.

— Я сохраню ее, как память о тебе, Сухэ-Батор, — говорил растроганно старик, пряча косу за пазуху. Долго смотрел старый погонщик вслед уходящему Сухэ-Батору: он догадывался, куда

да, Шипицину, Соловьева, Закгейм, Шнеерсона.

Несмотря на крепкий мороз, колонна держалась хорошо. Всем очень хотелось отдать последний долг Ильичу. Настроение было строгое, даже суровое, и на сердце тяжелым камнем лежала печаль.

Когда вошли в Дом Союзов, траурные ленты на бра и люстрах, закрытые полотняными чехлами слепые зеркала и картины, траурная рыдающая мелодия оркестра — все настраивало на думы о тяжелой утрате, и хотелось безутешно плакать, и мы плакали.

Плакали при виде беспомощного Ленина, лежавшего в саркофаге, как будто только-только задремавшего и прикрывшего свои орлиные очи. Лежал он в коричневой куртке. Куртка как-то не вязалась с обычными фотографиями и портретами, на которых Ленин был изображен в костюме (в тройке).

Вокруг гроба стояли соратники Ленина, его гвардия и ближе всех Н. К. Крупская.

Помню, что от прощающихся отделился инвалид, подойдя к гробу, снял со своей груди орден и в глубоком горе положил его в ногах Ленина.

При посещениях мавзолея мы видели на груди Ленина орден Красного Знамени. Молва в народе, что он тот, который был положен героем-инвалидом на постамент гроба вождя. Но, видно, это лишь сказ, да в этом сказе — быль.

Прощаться с Лениным шли люди различных возрастов и профессий, но всех объединяло большое горе, всенародное горе. И неволь-

но вместе с дрожью боли и горя рвалась беззвучная клятва учиться у Ленина и идти по его стопам в служении народу и революционной борьбе за дело рабочего класса.

В день похорон Ленина я был на Красной площади. Не знаю, как отцу удалось достать лишний пропуск на площадь (кажется, кто-то из старых большевиков внезапно заболел). Он вручил его мне.

Ранним утром Красная площадь была окутана легким печальным туманом. А мороз не сдавался, и стужа была колючая. Стены и башни Кремля подернулись седой щетиной инея.

На площади виднелся деревянный мавзолей, покрытый серой краской, в темно-красных полосах, с одним лишь именем: «Ленин».

Гроб с Лениным несли на руках члены Политбюро КПСС. Его поставили между стеной Кремля и мавзолеем. Там происходило последнее прощание, звучали речи ближайших соратников. Почему-то помнится, что по сторонам помоста, на котором стоял гроб с телом Ленина, жгли большие костры. И это создавало впечатление сжигания тела вождя, как будто древние скифы прощались со своим полководцем...

Я был на площади всего за одной цепью красноармейцев и видел, что они в буденовках и длинных серых шинелях, с алыми нашивками на груди были подобны сказочным древнерусским витязям.

Когда саркофаг с телом Ленина вносили в мавзолей, все и вся замерло на площади...

Л. Петров

держал путь этот бесстрашный юноша. Очертания русского пограничного города, так хорошо знакомые ему, казались теперь новыми, невиданными. Он пристально рассматривал белые каменные здания, золотой купол церкви, тонкие переплеты высокой ограды. И вот там, за этой высокой оградой, среди каменных домов шагает монгол Сухэ-Батор — посланец народа. Найдет ли он среди этих громад тот дом, куда надо войти, найдет ли он того человека, который поможет монголам? Старик молитвенно сложил руки на груди, опустился на колени.

— О всемогущий хозяин земли и неба, скота и воды, окажи милость, помоги прошедшему всю степь, убежавшему от смерти, несущему голос народа!

А Сухэ-Батор шагал по широкой улице Кяхты, рассматривал каменные дома, высокие решетки садиков, разноцветные вывески лавок и магазинов. У ворот небольшого дома с белыми резными наличниками остановился, как бы вспоминая что-то, осторожно постучал в дверь Его встретила русская женщина. Войдя в прихожую, он снял пыльную шляпу, вытер потное лицо.

— О! Сухэ-Батор! — послышался знакомый голос. — Что это? У тебя синий шрам во весь лоб...

Сухэ-Батор устало улыбнулся:

— Это, светлая милость, чиновник правителя Сен-Сю погладил меня кончиком моего же кнута.

Пришли русские друзья. Один из них сказал:

— Теперь, Сухэ-Батор, поедешь ты на пароходе, на поезде, тебе совсем не понадобится кнут выбрось его за окно.

Сухэ-Батор вытащил кнут из-за пояса, отвернул костяную ручку, вытащил оттуда тонкую бумажную трубочку.

— Ленину, — сказал он, и глаза его заблестели.

На узком листке прозрачной бумаги кисточкой были начертаны вертикальные ряды узорчатых строчек.

— Ленину! — повторяет Сухэ-Батор.

Утро. В щелку ставни чуть пробивался свет. Сухэ-Батор уже проснулся. «Москва... Москва...» — шептал он, протягивая руку и ощупывая шрам на лбу. За окном топот, шум, скрип повозок, Кяхта пробуждается. Сухэ-Батор встал, оделся.

вышел на улицу. Перед ним большое здание таможни, за ним даль степей, желтый бесконечный тракт. Светлела степь с востока.

В большой комнате тихо.

Письмо монгольского народа, пронесенное в камышовом кнутовище через всю степь, через все преграды, теперь запечатано в большой белый конверт. В нем просьба народа-мученика, слова, полные надежды в силу светлого батора всех народов — Ленина.

Сухэ-Батор взял дорогой пакет. На нем по-русски написано:

«Москва, Кремль, товарищу Ленину». Сухэ-Батор достал из кармана халата шелковый платок, бережно завернул в него пакет и спрятал на груди.

— Письмо Ленину понесет мое сердце,—сказал он, прощаясь с товарищами.

АЛЬМАНАХ «АНГАРА» №2

Составитель А. М. Шастин
Редактор Л. А. Васильева
Худож. редактор А. И. Аносов
Техн. редактор А. В. Пономарева
Корректор Н. Б. Колкина

Сдано в набор 30 января 1970 г. Подписано в печать 11 июня 1970 г.
Печ. л. 8,2. Уч-изд. л. 7,58. Бумага тип. № 2. Формат 70×90$^{1}/_{16}$.
Тираж. 5000. Заказ № 570 НЕ 00189. Цена 40 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство,
г. Иркутск, ул. Горького, 36

Типография «Восточно-Сибирской правды», ул. Советская, 109.

А. И. Алексеев. Клятва. Масло. 1969 г.

40 коп.

